

Е. А. Нарышкина

Мои воспоминания. Под властью трех царей

РОССИЯ В
МЕНУАРАХ

Россия в мемуарах

Елизавета Нарышкина

**Мои воспоминания.
Под властью трех царей**

«НЛО»

Нарышкина Е. А.

Мои воспоминания. Под властью трех царей / Е. А. Нарышкина —
«НЛО», — (Россия в мемуарах)

ISBN 978-5-44-482098-8

В книге впервые собраны практически незнакомые русскому читателю воспоминания последней гофмейстерины императорского двора Елизаветы Алексеевны Нарышкиной (1838–1928). В них запечатлена русская жизнь (особенно придворная) второй половины XIX – начала XX века, приведены сведения о ряде важных событий того времени (убийство Александра II, революции 1905 и 1917 годов и т.д.). Ярко выражена в них и личность автора – благотворительницы, человека с литературными способностями (в тексте приведена ее переписка с И.А. Гончаровым).

ISBN 978-5-44-482098-8

© Нарышкина Е. А.

© НЛО

Содержание

«МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО МОЯ ПРОЗА ОТРАЖАЕТ МЕНЯ ДОВОЛЬНО ВЕРНО»	5
МОИ ВОСПОМИНАНИЯ	26
ГЛАВА I	26
ГЛАВА II	56
ГЛАВА III	87
ГЛАВА IV	138
Конец ознакомительного фрагмента.	144

Е. А. Нарышкина
Мои воспоминания.
Под властью трех царей
«МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО МОЯ ПРОЗА
ОТРАЖАЕТ МЕНЯ ДОВОЛЬНО ВЕРНО»
Последняя гофмейстерина императорского
двора и ее мемуарное наследие

*Теперь вся жизнь прожита, все перестрадано и переборено,
вследствие чего и получилась возможность открыть уста.*

Е.А. Нарышкина

В этой книге впервые собраны дошедшие до нас воспоминания Елизаветы Алексеевны Нарышкиной, урожденной княжны Куракиной, которая не только принадлежала к одному из знатнейших русских дворянских родов и была связана семейными узами с российским императорским домом, но и сама сыграла значительную роль в жизни императорской семьи. Ее служба при дворе трех последних российских императоров продолжалась в общей сложности 43 года и закончилась только с отречением Николая II от престола, в наивысшем придворном звании первой статс-дамы и гофмейстерины русской императрицы.

Воспоминания Е.А. Нарышкиной оставались до сих пор практически неизвестными. Причины этого различны: напечатанные в 1906 г. только для друзей «Мои воспоминания», в которых Е.А. Нарышкина излагает события первой половины жизни, были изъяты ею из обращения, сохранились лишь в нескольких экземплярах и не переизданы; книга мемуаров «Под властью трех царей», вышедшая на немецком языке в 1930 г., не была переведена на русский язык, хотя были изданы ее английский и итальянский переводы; отрывки из дневника Е.А. Нарышкиной за 1917 г. – «С царской семьей под арестом» – публиковались лишь в периодике (в 1936 г. в парижской газете «Последние новости»).

* * *

Е.А. Нарышкина, урожденная княжна Куракина, родилась в Петербурге 8 декабря 1838 г. в старинной аристократической семье¹. Ее отец – князь Алексей Борисович Куракин – правнук сподвижника и свояка Петра I князя Б.И. Куракина – дипломат, художник-любитель, музыкант и коллекционер – был человеком увлекающимся и художественно одаренным. По воспоминаниям дочери, «князь Алексей Борисович унаследовал от своей матери пламенную душу, пылкое воображение, впечатлительность, тонкое понимание искусства. Он был высоко образован, любил классиков. Писал сам много: письма, дневники и стихи, по преимуществу, на французском языке, который знал в совершенстве. Эстетическое чувство выражалось и в других формах. Сохранилось много картин его кисти, особенно портретов членов его семей-

¹ В сохранившемся фрагменте черновика «Моих воспоминаний» Е.А. Нарышкина писала: «Не начну с нашей родословной. Она довольно известна – ее, впрочем, можно найти в нашем семейном архиве. Скажу только, что не помню того времени, когда мы не знали, что происходим от Гедимины и что кровь Рюрика и царей Грузинских, потомков царя Давида, прибавила свои струйки к основному литовскому первоисточнику» (РГАДА. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 1088. Л. 17).

ства, также бюст кн. Юлии Федоровны, изваянный им из глины. Музыкальный талант его был несомненный. Он играл на фортепианах прекрасно, с выразительностью и силой, и с удивительной легкостью, никогда не упражняясь в механизме игры. Всегда наизусть. Touché его был легкий и звучный. Он сочинял много музыкальных пьес и романсов, свидетельствующих, как и произведения его в других формах искусства, о его потребности творить и облекать в жизнь идеалы, бушующие в его страстной душе. Эти стремления касались и другой – более серьезной области: философические вопросы его глубоко интересовали, и он много читал, с большим вниманием, подчеркивал карандашом места, ему сочувственные. Душа его была по природе религиозная, и его сердце быстро постигало и принимало учение веры»².

Страстную натуру отца оттенял и уравновешивал спокойный нрав матери Елизаветы Алексеевны – Юлии Федоровны, урожденной Голицыной. Княгиня Юлия Федоровна, в отличие от мужа, обладала твердым характером, самодисциплиной и не терпела всякого рода восторженности. Елизавета Алексеевна, несомненно, унаследовала от матери стойкость характера и трудолюбие, а от отца – эмоциональность и художественный талант, проявившийся впоследствии на литературном поприще.

Поскольку князь А.Б. Куракин долгие годы находился на дипломатической службе, он вместе с женой и четырьмя детьми много лет провел за границей. И потому до пятнадцатилетнего возраста юная княжна жила в Париже. Детство, проведенное во Франции, парижская атмосфера свободы навсегда привили ей уважение к человеческой личности и веротерпимость. Елизавета Алексеевна писала: «...может быть, сознание нашего древнего происхождения и, особенно, что наше детство протекло в свободной стране, было причиной, что нам всем был чужд дух раболепства, мелкого карьеризма, которым так часто заражаются дети, воспитанные в Петербурге, в атмосфере служебных и дворцовых интриг и светской пустоты»³. Важную роль в воспитании дочери играла мать, ненавидевшая «праздность и распущенность» (с. 55)⁴ и приучавшая детей «к внешней и нравственной дисциплине и чувству ответственности». Рассматривая обучение как одну из сторон воспитания, княгиня Ю.Ф. Куракина дала детям хорошее образование. В раннем детстве она сама занималась их обучением, потом они посещали в Париже курсы французского языка и литературы, но самое сильное влияние оказали на юную княжну ее домашние учителя – К.В. Васильев и А.И. Поповицкий. Они развили в ней тягу к учению, умение мыслить, она хорошо знала и любила литературу и историю, научилась понимать внутренние пружины исторических событий, кроме того, интересовалась и впоследствии серьезно увлекалась философией и историей религии. Ее духовным воспитанием занимались такие высокообразованные и нравственно авторитетные люди, как отец Иосиф Васильев, который «положил непоколебимое основание ее религиозной жизни». Елизавета Алексеевна впоследствии отмечала: «Благодаря насаждениям в детстве привычки к нравственной дисциплине, культивированию совести и воли, не в смысле упрямого своеволия, но как силы, доходящей, если нужно, до самоотречения, я достигла того, что к концу моей жизни я могу передать моим детям без изъяна ту монументальную репутацию моей матери и моей бабушки, под сенью которой я начала свою самостоятельную жизнь» (с. 68—69).

После возвращения в Россию в 1853 г. ее родители поступили на службу при императорском дворе, и благодаря матери, назначенной в 1853 г. гофмейстериной⁵ великой княгини Екатерины Михайловны, юной княжне посчастливилось войти в окружение матери Екатерины Михайловны великой княгини Елены Павловны. Царившая там атмосфера высоких умственных и духовных интересов способствовала интеллектуальному и нравственному раз-

² Нарышкина Е.А. [Биография А.Б. и Ю.Ф. Куракиных] // РГАДА. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 1100. Л. 1—1 об.

³ Там же. Д. 1088. Л. 17.

⁴ Здесь и далее в предисловии ссылки на страницы данного издания даются в тексте в скобках.

⁵ Обязанности гофмейстерины заключались в заведовании придворным штатом и канцелярией императрицы или великой княгини, представлении им дам, явившихся на аудиенцию, участии в придворных церемониях и т.д.

виту молодого девушки, поддерживая в ней «природное чувство справедливости, укрепленное впечатлениями детства, проведенного в свободной стране». А благодаря отцу, ставшему в 1856 г. гофмейстером двора великой княгини Марии Николаевны, Елизавета Алексеевна познакомилась с дочерьми великой княгини – юными принцессами Марией и Евгенией Лейхтенбергскими, дружба с которыми оказала благотворное влияние на ее последующую жизнь.

23 апреля 1857 г. Елизавета Алексеевна была назначена фрейлиной императорского двора, и началась ее придворная служба, которая также проходила в кругу великой княгини Елены Павловны (она стала фрейлиной великой княгини Екатерины Михайловны). Двор великой княгини Елены Павловны был в те годы центром притяжения ряда выдающихся людей России. Посетителями «четвергов» великой княгини помимо членов императорской фамилии были писатели и поэты, музыканты, ученые, политики, чиновники, дипломаты и общественные деятели, которые обсуждали реформы государственного управления. В 1859—1860 гг. во дворце на Каменном острове работали члены редакционных комиссий, готовившие проект крестьянской реформы. В 1858 г. в Михайловском дворце Елена Павловна открыла первые классы консерватории, а в 1859 г. воплотила в жизнь идею создания Русского музыкального общества. Обладая большим нравственным авторитетом, она сумела создать такие благотворительные учреждения, которые оказали существенное влияние на развитие здравоохранения и образования в России.

1860 год стал переломным для Елизаветы Куракиной: безвременная смерть брата Бориса и связанный с этим глубокий внутренний кризис совершили переворот в ее душе. Впоследствии она вспоминала: «[Т]очно пелена спала с моих глаз, и я поняла, сколько эгоизма было в мечтаниях, наполнивших всю мою жизнь и которые вращались исключительно вокруг моего личного счастья. Личное счастье! Земное! Стоит ли о том думать! В силу сознанной вдруг отеческой Божией любви меня охватило чувство братства со всем человечеством. Все эти обездоленные, которых я не замечала, все эти чердаки и подвалы, наполненные существами, <... > которые стояли так далеко от меня, получили вдруг для меня удивительную близость» (с. 134). «На почве христианства» перед ней впервые встали «социальные вопросы», и тогда она решила «отрешиться от себя» и «служить Богу в лице [своих ближних]» (с. 138—139). С одобрения матери она стала предпринимать некоторые шаги в этом направлении: помогала вести дела, а затем преподавала в школе для крестьянских детей, которую устроил ее отец в имении Степановское, вела уроки в Таврической школе, основанной бароном М.О. Косинским, работала в Крестовоздвиженской общине сестер милосердия, где помогала отцу Александру Гумилевскому. Великая княгиня Елена Павловна, поняв серьезность ее намерений, предложила княжне руководить приютом для пожилых женщин, причем ей, совершенно неопытной девушке, было поручено и ведение финансовых дел.

С этого времени помощь обездоленным сделалась для Елизаветы Алексеевны важным и необходимым делом, а связи в высших государственных сферах часто помогали ей преодолевать трудности на поприще благотворительности.

18 августа 1865 г. Елизавета Алексеевна вышла замуж за Анатолия Дмитриевича Нарышкина и на время оставила придворную службу. Вначале все ее силы были поглощены заботой о детях: в 1866 г. она родила первенца Бориса, который прожил всего два года, затем родились сын Кирилл (28 апреля 1868 г.) и дочь Вера (1874). Но вскоре Елизавета Алексеевна переживает новый душевный кризис, связанный со смертью первенца, а затем новорожденной дочери. И вновь на помощь приходит великая княгиня Елена Павловна: зная, что Нарышкина отправляется за границу, она дает ей поручение увидеться в Париже со своей близкой подругой мадам Андре, для которой благотворительность стала делом жизни и у которой Нарышкина познакомилась с главами многих европейских христианских благотворительных организаций, чей опыт впоследствии очень ей пригодился. Оценивая влияние, которое оказали на ее жизнь великая княгиня Елена Павловна и ее окружение, Е.А. Нарышкина признавалась в письме к А.Ф.

Кони в 1926 г.: «Над всем возвышается величавое представление великой княгини Елены Павловны, которую Вы лично не знали, но которую Вы так сумели понять. Для меня служит всегда предметом удивленной гордости, что меня, застенчивую и бесцветную девочку, она удостоила своим вниманием и направила на путь активной благотворительности, дав мне в самостоятельное управление богадельню Еленинского училища. Это была также почва нашего сближения с Эдитой Федоровной [Раден], советами которой я пользовалась в незнакомом для меня деле. Но вскоре великая княгиня приказала мне являться прямо к ней с моими докладами, на которых она иногда меня задерживала с личными вопросами, которые не имели ничего общего с богадельней. Эдита же с того времени сделалась моей путеводительной звездой и лучшим другом до самой ее кончины»⁶.

Дружба с баронессой Э.Ф. Раден была для Елизаветы Алексеевны в интеллектуальном и нравственном смысле настоящей школой. Вместе с ней Елизавета Алексеевна принимала участие в организации помощи нуждающимся воинам в 1876—1878 гг., в работе Мариинского попечительства о слепых, Мариинской попечительской школы кружевниц. Баронесса Раден, полагая, что «ничто так не развивает молодой женский ум, как общение его с мужскими зрелыми умами» (с. 143), способствовала развитию молодой подруги, введя Елизавету Алексеевну в круг своих друзей, в числе которых были К.П. Победоносцев, Ю.Ф. Самарин, К.Д. Кавелин, П.П. Семенов-Тянь-Шанский, Ф.М. Дмитриев, Б.Н. Чичерин.

Впоследствии столь же важное место в жизни Елизаветы Алексеевны, составляя одну из ее «сердечных радостей и умственных опор», занимала дружба с первой женщиной – историком церкви, княгиней Е.Г. Волконской. Их связывали общие интеллектуальные интересы⁷, и немаловажным объединяющим их фактом была веротерпимость Нарышкиной, которая объяснялась не только воспитанием (она выросла в католической стране и имела английских гувернанток-протестанток) и превосходным религиозным образованием (у нее был умный и образованный законоучитель отец И.В. Васильев, знаток православия и исследователь католицизма, а затем она сама в Женеве прослушала курс истории религий и истории философии), но и семейными традициями: ее бабка – княгиня Е.Б. Куракина – в начале XIX в. перешла в католичество, католиками были близкие родственники ее мужа: бабка – графиня Е.П. Ростопчина и сестра его матери Софья де Сегюр, а также многие родственники по линии Нарышкиных и Голицыных, жившие в Европе.

Широта религиозных взглядов Нарышкиной, которая проявлялась в свободном общении с представителями разных христианских конфессий (православный священник Иоанн Кронштадтский, протестантский пастор Навиль, кальвинист Лагарп, англиканин Редсток или католик Сегюр), была основана на уважении к другим конфессиям, которые она считала «самыми высокими проявлениями человеческого разума» и изучение которых ее очень «завлекало». Она писала впоследствии: «Моя религия была слишком твердо основана на камне веры и познания, и при том запечатлена победой, одержанной над сомнениями, чтобы эти изучения ее могли поколебать. Они только открывали мне огромный широкий горизонт. Мне казалось, что вместо низкого потолка над моей головой поднимаются высокие своды, как у готических соборов, достигающих только почти, но не до неба – так как это все-таки не было христианство. А христианство одно содержит для меня абсолютную истину. В воображаемой мной схеме по этому предмету я представляю ее себе так: каждая из религий, которыми жило и живет нехристианское человечество в течение долгих веков, без сомнения, содержит в себе большую или меньшую часть истины, подобно тому, как в отдельных лучах света, разбивающихся в радугу, содержится тот же световой элемент, несмотря на разность внешнего проявления каж-

⁶ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2661 (2). Л. 65 об. – 66. Письмо от 22 июня 1926 г.

⁷ Они обе серьезно интересовались религиозными вопросами, вместе много читали, ходили на лекции В.С. Соловьева, посещали литературный салон графини С.А. Толстой, занимались благотворительностью. Нарышкина была членом Петербургского благотворительного общества (с 1868 по 1871 г.), которое возглавляла Е.Г. Волконская.

дой из его частей. Эти лучи в соединении производят абсолютный свет – как и отдельные доли истины, соединенные в свете Божеского откровения, получаемого в христианстве, сияют вместе сиянием вечным. Мы чувствуем со всем человечеством однородность в нашей потребности верить; поэтому изучение этих таинственных религий так завлекательно. К сожалению, ему предаются большей частью лица, не изучившие серьезно глубины христианства, смешивая его с ежедневным отпращиванием его обрядов, тогда как они видят древние религии в ореоле их идеальной высоты и восторгаются ими. Какие бы то ни были течения философской мысли (и эти течения сильно колеблют в настоящее время основы наших верований), истина останется истиной, и не раз придется повторить слова Спасителя: “Камень, которым пренебрегли зиждущие, тот стоит во главе угла”» (с. 223).

Расхождения в богословских вопросах не мешали Нарышкиной использовать опыт протестантов и католиков по организации благотворительных учреждений. Можно сказать, именно их конструктивный подход к этому делу утвердил ее в намерении «выйти из области фантазии и идеологии» и заняться реальной помощью людям. Возвращаясь из Европы в 1875 г., Нарышкина уже твердо знала, что хочет воплотить на практике свои идеи улучшения жизни людей – она была сторонницей продолжения реформ сверху («с высоты престола») и собиралась содействовать им на деле, для начала создав у себя в Степановском «настоящую воспитывающую школу, направляющую в желаемом смысле развитие будущего поколения» (с. 227). Во время Русско-турецкой войны 1876—1878 гг. вместе с баронессой Э.Ф. Раден Е.А. Нарышкина помогала организовать Главное попечительство для пособия нуждающимся семействам воинов и вошла в его совет. В 1878 г. она стала членом комитета Общества пособия несовершеннолетним, выходящим из мест заключения. Так началась ее деятельность по оказанию помощи заключенным и их семьям, тогда же Нарышкина впервые столкнулась с проблемой социальной реабилитации бывших заключенных – проблемой, которую она будет пытаться решить многие годы.

Вскоре после смерти матери (в 1881 г.) Е.А. Нарышкиной было предложено вернуться на придворную службу, и в 1882 г. она была назначена обер-гофмейстериной великой княгини Ольги Федоровны, с условием, чтобы у нее оставалось свободное время для семьи и трудов благотворительности, «жертвовать которыми» она «не могла». Елизавета Алексеевна пробыла на этой службе 9 лет, а после кончины великой княгини Ольги Федоровны в 1891 г. была назначена статс-дамой императрицы Марии Федоровны, с 1894 г. – статс-дамой императрицы Александры Федоровны, а с 1910 г. и вплоть до Февральской революции 1917 г. занимала пост гофмейстерины императрицы⁸. За время своей службы при дворе она была отмечена орденом Святой великомученицы Екатерины Малого креста (1907), в 1908 г. получила Мариинский знак отличия за 25-летие, а в 1913 г. – за 30-летие службы в благотворительных учреждениях Ведомства императрицы Марии, в июне 1912 г. ей был пожалован портрет императрицы Александры Федоровны, украшенный бриллиантами, для ношения на груди «для добавления к шифру статс-дамы». Она обладала при дворе значительным влиянием, в чем, хотя и шутя, признавался брат ее, князь Ф.А. Куракин: «Оказывается, что без тебя никакое дело в Петербурге не обходится»⁹.

⁸ Она числилась гофмейстериной (хотя многие называли ее обер-гофмейстериной), а с 1914 г. являлась и первой статс-дамой императрицы (после кончины первой статс-дамы баронессы М.П. Будберг в конце 1913 г.), то есть самой старшей в иерархии придворных дам. После упразднения Министерства императорского двора с 1 июля 1917 г. было прекращено содержание бывших придворных. Согласно справке о лицах, «находящихся в составе бывшей гофмаршальской части», «гофмейстерина Нарышкина в службе с 15 апреля 1910 года, получает содержания 10 000 рублей, казенную квартиру и экипаж» (РГИА. Ф. 472. Оп. 58 (15д). Д. 14. Л. 7).

⁹ «На днях у меня был Юрий Бартенев, сын Петра Ив[ановича]. Он спит и видит получить придворный чин (что меня немало удивляет), и Жуковский <...> взялся хлопотать об этом. Я, по просьбе Бартенева, дал твой римский адрес и поэтому ожидай от Жуковского письмо, и если можно, посодействуй в этом деле, так как, оказывается, что без тебя никакое дело в Петербурге не обходится» (РГАДА. Ф. 1272. Оп. 4. Д. 151. Л. 85 об. Письмо от 8 декабря 1904 г.)

В 1884 г. подруга Елизаветы Алексеевны принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская, зная ее опыт и организаторские способности, учитывая ее семейные традиции¹⁰, а главное – стремясь отвлечь от тяжелых мыслей после скоропостижной смерти мужа в 1883 г., предложила ей возглавить Дамский комитет Общества попечительного о тюрьмах¹¹, которым до 1869 г. руководила двоюродная бабка Е.А. Нарышкиной – Т.Б. Потемкина, а затем сама Евгения Максимилиановна. Деятельность Е.А. Нарышкиной в тюремном комитете¹², длившаяся более 34 лет, была направлена на реформирование российской пенитенциарной системы и привела не только к значительному улучшению содержания женщин и обучению детей в местах лишения свободы, но и к облегчению их адаптации к жизни после освобождения из заключения.

Даже после Февральской революции 1917 г., находясь вместе с царской семьей под арестом в Александровском дворце Царского Села, Е.А. Нарышкина продолжала руководить работой комитета и оставила его лишь в июле 1917 г. Деятельность комитета, девизом которого было «Человеколюбием исправлять!», прекратилась сразу после октябрьского переворота 1917 г.

О том, какую роль сыграла Нарышкина в облегчении участи ссыльнокаторжных и их семей, А.Ф. Кони писал: «Я был в 1891 году членом Общества попечения о семьях ссыльнокаторжных, во главе которого стояла его учредительница Е.А. Нарышкина, вносящая в осуществление целей общества сердечное их понимание и большую энергию. Благодаря последней общество получило, путем призыва к пожертвованиям, довольно значительные средства и могло открыть в Горном Зерентуе Забайкальской области приют на 150 детей, попавших в обстановку Нерчинской каторги, – и затем устроить его филиальные отделения еще в двух поселениях. Она же <...> предприняла весьма решительные и настойчивые шаги, чтобы возбудить во властных сферах сознание необходимости отменить телесное наказание для сосланных в Сибирь женщин, и своим влиянием, просьбами и убеждениями дала несомненный толчок к последовавшему в 1893 году решению Государственного совета о такой отмене»¹³.

И, очевидно, не только чувством долга, но и многолетней работой в тюремном комитете с ее опытом посещения тюрем и умением облегчить положение заключенных руководствовалась Е.А. Нарышкина, когда после Февральской революции не оставила в беде семью Николая II и осталась с нею в заточении: она лучше других знала, в каком утешении и помощи нуждаются заключенные. Она даже предлагала остаться с больными царскими детьми до их выздоровления, дав возможность царской чете бежать, если появится такая возможность¹⁴. Елизавета Алексеевна пробыла под арестом до 14 мая 1917 г. и была вынуждена покинуть царскую семью вследствие тяжелой болезни и из-за боязни умереть, не повидав своих родных. Она не прерывала связи с венценосными узниками, и даже когда их увезли в Тобольск, она нашла возможность обмениваться письмами с императрицей¹⁵.

¹⁰ Ее предок князь Б.И. Куракин основал первую в России богадельню для старых и увечных воинов – странноприимный дом на Новой Басманной улице в Москве, построенный в 1742—1745 гг. по завещанию князя.

¹¹ 13 декабря 1884 г. Е.А. Нарышкина была назначена председательницей Дамского комитета Общества попечительного о тюрьмах, который 16 июля 1893 г. был преобразован в Санкт-Петербургский Дамский благотворительно-тюремный комитет.

¹² См.: Краткий обзор деятельности Елизаветы Алексеевны Нарышкиной, за время ее XXV-летнего председательствования в С.-Петербургском дамском благотворительно-тюремном комитете 1884 – 13/XII 1909. СПб., 1909; *Нарышкин А.К.* В родстве с Петром Великим: Нарышкины в истории России М., 2005. С. 518—536.

¹³ *Кони А.Ф.* Воспоминания о Чехове // Кони А.Ф. Собр. соч. М., 1969. Т. 7. С. 380.

¹⁴ С.К. Буксгевден вспоминала: «Императрица даже не захотела слушать госпожу Нарышкину, когда последняя стала говорить, что в случае, если их величествам представится возможность беспрепятственного выезда за границу, они могли бы отправиться в путь, оставив детей под присмотром самой Нарышкиной и графа Бенкендорфа. А после окончательного выздоровления детей мы с графом Бенкендорфом отвезли бы их родителям» (*Буксгевден С.К.* Венценосная мученица. М., 2007. С. 429—430).

¹⁵ См. два выявленных нами письма Е.А. Нарышкиной к императрице (ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 161. Л. 2—7 об.), тексты которых приводятся в приложении к данной книге.

Тревожиться в ту пору за судьбу своих близких у Нарышкиной были все основания: уже в марте 1917 г., сразу после отречения Николая II, был арестован ее зять – граф Д.Н. Татищев. В июне его освободили, а летом 1918 г. снова арестовали вместе с сыном Николаем (1896—1985), которого в начале 1919 г. отпустили¹⁶, он уехал на фронт, бежал в Крым и в 1922 г. оказался в эмиграции. Сам Дмитрий Николаевич был расстрелян в ночь с 13 на 14 сентября 1919 г. Ее двадцатилетний внук Кирилл Кириллович Нарышкин (1897—1917) в ноябре 1917 г. отправился из Петрограда в Москву и пропал без вести. Ее сын Кирилл был арестован в начале 1918 г., заключен в Петропавловскую крепость, где матери удалось его навестить, и умер в тюремной больнице в 1924 г. Его жену Наталью Кирилловну Нарышкину в 1925 г. выслали в Чердынь, затем в Оренбург, где расстреляли 23 октября 1937 г.¹⁷, а их младший сын Петр Кириллович Нарышкин (1902 – ?) провел несколько лет в ссылке и погиб в лагере (по некоторым сведениям – в Карлаге) во время войны. Ее внучка – графиня Ирина Дмитриевна Татищева¹⁸ – была арестована в сентябре 1923 г. и в 1924 г. выслана в Пермь; ей с семьей разрешили уехать из России в 1932 г.¹⁹ В 1924 г. была арестована и сослана сначала в Тобольск, а затем переведена в Пермь дочь Елизаветы Алексеевны – графиня В.А. Татищева, в 1926 г. ей (как потомку декабристов, в связи с годовщиной в 1925 г. восстания декабристов) разрешили уехать из России во Францию²⁰. В России осталась лишь старшая дочь Веры Анатольевны – Елизавета Дмитриевна Татищева (1894—1970), не захотевшая уезжать из России, принявшая новый строй и всю жизнь посвятившая воспитанию детей в дошкольных учреждениях²¹.

Сама Елизавета Алексеевна после освобождения из-под ареста в мае 1917 г. вела жизнь странницы. Создавая убежища для женщин, выходящих из заключения, Е.А. Нарышкина не предполагала, что сама окажется в их положении. В июне 1917 г. она собиралась воспользоваться одним из таких убежищ, но оно оказалось небезопасным, и Елизавета Алексеевна оставалась в Царском Селе, пока в октябре 1917 г. не приняла приглашение Е.П. Васильчиковой поселиться вместе с дочерью в Петрограде на Сергиевской улице²², где они прожили до лета 1918 г. После ареста зятя и внука она сняла квартиру неподалеку и пробыла там до конца 1919 г. Зимой 1920 г. Нарышкина провела в монастыре под Новгородом, о чем сообщала в письме к А.Ф. Кони 9 мая 1920 г.²³ Весной 1920 г. В.А. Татищева привезла мать в Москву, где Елизавете Алексеевне «предложил хорошую комнату в своем доме разбогатевший крестьянин» из Степановского²⁴. Зимой 1920—1921 гг. Е.А. Нарышкина переехала в село Ивашково, неподалеку от Степановского, где крестьяне укрывали ее и снабжали всем необходимым²⁵. В августе 1921 г. в Ивашково приехала В.А. Татищева с дочерьми, они провели там некоторое время и увезли Нарышкину в Москву. Елизавета Алексеевна пробыла в Москве до 1925 г., когда ей разрешено

¹⁶ Подробно об этом написала внучка Е.А. Нарышкиной княгиня И.Д. Голицына (см.: *Голицына И.Д.* Воспоминания о России (1900—1932). М., 2005. С. 79).

¹⁷ Книга памяти жертв политических репрессий в Оренбургской области. Калуга, 1998. С. 134.

¹⁸ Замужем за князем Николаем Эммануиловичем Голицыным (1879—1958).

¹⁹ См. об этом: *Голицына И.Д.* Указ. соч. С. 200.

²⁰ См.: *Вишневский А.Г.* Перехваченные письма. М., 2008. С. 126—128.

²¹ Е.Д. Татищева еще в 1915 г. в Ярославле, где ее отец служил губернатором, была попечительницей приюта-яслей.

²² См.: *Голицына И.Д.* Указ. соч. С. 67.

²³ См.: РО ИРЛИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 1157. Л. 44—44 об.

²⁴ *Голицына И.Д.* Указ. соч. С. 88. Ирина Дмитриевна пишет далее: «Бабушка всегда пользовалась любовью крестьян своего имения. Когда среди них стало известно о ее приезде и стесненных обстоятельствах, они старались всячески помогать ей. Один помог с жильем, другие привозили еду – яйца, масло, молоко; в общем – все, в чем она нуждалась. Даже была найдена милая молоденькая девушка, чтобы ухаживать за ней и прислуживать в качестве горничной».

²⁵ Помогала ей крестьянка Мария Хорева, она же заботилась о ней в Москве, проводила в эмиграцию и затем писала ей письма во Францию. Трогательные письма Марии сохранились и опубликованы в кн.: *Вишневский А.Г.* Указ. соч. Одно из них адресовано Е.А. Нарышкиной (от 20 июня 1925 г.; с. 113—114), второе – В.А. Татищевой с соболезнованиями о смерти ее матери (с. 138—140). Отрывок из еще одного письма М. Хоревой приводит Нарышкина в письме к А.Ф. Кони от 22 июня 1926 г. (см.: ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2661 (2). Л. 65—66).

было уехать из России. Она направилась во Францию через Финляндию, по пути побывав в Дании, а в начале июля 1925 г. уже была во Франции, в Буа-Коломб²⁶.

Оказавшись на чужбине, Е.А. Нарышкина не утратила ни стойкости, ни деятельного отношения к жизни. 11 июня 1925 г. она отмечает: «Ну, вот и начинается новая полоса моей жизни, и это – в 86 лет! Подумать только, что я прожила так долго, прошла через столько перевоплощений и осталась самой собой! Что, несмотря на многочисленные удары, изменившие всю мою жизнь, я не потеряла рассудка! Да, это я, и это с меня спросится за то, с чем я подойду к великому дню, когда начнется моя вечная жизнь. Господь даровал мне ясный ум, и я всегда знала об этом, но воля моя по природе слаба, я не умею противиться своим земным желаниям. И все же я ощущаю руку Божью, которая вела меня, и благодарю Господа за испытания и страдания, которые выпали на мою долю как дар Его милости. Осмеливаюсь надеяться, что я не оттолкнула Его любви своими бесконечными прегрешениями и что он будет хранить меня до конца моих дней!»²⁷

Она снова ищет пристанища – «сначала у Армии спасения, потом у протестантских сестер»²⁸, ей приходится заботиться о хлебе насущном, она не приемлет бездействия, тревожится за судьбу своих, как ей кажется, непрактичных близких и пишет в дневнике 31 июля 1926 г.: «Сейчас не время <...> предаваться нытью, которое ни к чему не ведет. Надо жить и обеспечивать жизнь тем, кто от нас зависит»²⁹. При этом ее не оставляют боль и тревога за судьбу России и монархии. Она записывает: «Со жгучим интересом я читаю все, что доходит до нас, о событиях и разногласиях в бандитском правительстве, которое хозяйничает в нашей несчастной стране. Пора было бы совершить решительный государственный переворот и восстановить монархию, страна примет ее с воодушевлением. По-моему, кажется, я единственная, кто об этом говорит, надо утвердить великий принцип легитимности³⁰. А легитимный суверен – несомненно, Николай. Дело не в его достоинствах, дело в его неоспоримом праве. Надо, чтобы этот принцип был признан всем народом независимо от суждений и оценок того, кто его представляет, и чтобы, прежде всего, этот принцип признала семья. Чтобы великий князь Николай поставил на службу этому принципу свою популярность и свою шпагу – и чтобы императрица-мать отказалась от своей ребяческой веры в сказку о том, что император жив и скрывается. Во враждебности к Кириллу с ее стороны есть много от старой семейной вражды, и, конечно, было бы еще одним ударом для нее видеть, как кто-то займет место ее детей. Ей не хватает высоты души, чтобы подняться над этими личными счетами и антипатиями и признать, прежде всего, что спасение России – в объединении народа вокруг скипетра, вокруг одного человека, каким бы слабым он ни был. Самым лучшим было бы пресечь требования всех партий, которые противоречат друг другу и ведут к взаимному уничтожению. Я по-прежнему очень привязана к императрице [Марии Федоровне], будучи, наверное, последней из тех, кто окружал ее после приезда в Россию. Я ее люблю и восхищаюсь ее чистым и любя-

²⁶ См.: Вишневатский А.Г. Указ. соч. С. 122.

²⁷ Там же. С. 122.

²⁸ Дневник Е.А. Нарышкиной цит. по: Там же. С. 130.

²⁹ Там же. С. 131.

³⁰ Эти слова – прямой отзыв того, как воспринимали очень многие, и в первую очередь ее сын Кирилл Нарышкин, юрист по образованию, факт отречения от престола императора Николая II. Будучи начальником походной канцелярии государя, он был свидетелем и летописцем драмы отречения (им был составлен протокол отречения), именно он принес участникам этого действия Свод законов, в котором не было предусмотрено отречение царя, который, в свою очередь, не имел права, как опекун наследника, до его совершеннолетия отречься за него от престола, и потому передача власти великому князю Михаилу была абсолютно незаконной. И Нарышкин внутренне не смог согласиться с законностью происходящего на его глазах отречения. Думается, это было причиной того, что он, ровесник Николая II, товарищ его детских игр, флигель-адъютант и бывший начальник его походной канцелярии, после возвращения в Петроград сразу подал в отставку (31 марта 1917 г. он был уволен от службы «с мундиром») и более не появлялся у бывшего монарха. О нелегитимности отречения Николая II писал в своих мемуарах и обер-гофмаршал последнего русского императора граф П.К. Бенкендорф (см.: *Benckendorff P. Last days at Tsarskoe Selo. L., 1927. P. 17*).

щим сердцем, ее полной достоинства жизнью и благородством ее чувств. Я глубоко предана ей моим сердцем, но мой рассудок не может не видеть, насколько ошибочен избранный ею путь и насколько ее отказ видеть Кирилла усиливает распри в императорской семье и раздоры среди эмиграции. Великий князь Николай стареет в бездействии»³¹.

Последние годы жизни Е.А. Нарышкина провела в «Русском доме» в Сен-Женевьев-де-Буа, где скончалась 20 октября 1928 г. и была похоронена на русском кладбище. На ее кончину откликнулась некрологом парижская газета «Возрождение»: «Статс-дама, гофмейстерина, кавалерственная дама Елизавета Алексеевна Нарышкина, рожденная княжна Куракина, тихо скончалась на 90-м году жизни, в Русском Доме в Ste-Genevieve des Bois 17(30) октября в 11 ч. 30 мин. вечера. Погребение на местном кладбище после отпевания в домово́й церкви Русского Дома и литургия, которая начнется в 10 ч. утра в пятницу 20 окт. (2 ноября), о чем объявляет Русский Дом. Панихиды ежедневно в 3 ч. д. Поездка с вокзала Quai d'Orsay до станц. St-Michel-sur-Orge»³².

Такова внешняя канва жизни высокопоставленной и влиятельной придворной дамы, деятельной благотворительницы Е.А. Нарышкиной. Но помимо этого была другая Елизавета Алексеевна: Zizi, как все ее называли с детства, была восторженной фантазеркой, что не вызывало одобрения ее матери³³. Эмоциональная натура девочки искала выход и нашла его в сочинении стихов и в писании дневника, в котором она «стала изливать» «избыток своих ощущений» (с. 257). В отрочестве и юности ее внутренняя жизнь настолько была далека от реальности, что возникло ощущение раздвоенности. Е.А. Нарышкина так описывала свое состояние: «Моя жизненность была так велика, что она создавала свою область фантазии и мечты, помимо всего окружающего. С этого времени, как мне кажется, начинается то раздвоение жизни, которое было моим уделом в течение долгих лет до той поры, пока, достигши наконец пристани, я могла собрать аккорд из бывших так часто болезненных диссонансов» (с. 83). Но в периоды острых душевных переживаний это чувство возвращалось, и вновь она замечала: «Внешняя жизнь текла по-прежнему: раздвоение между ней и моим внутренним миром было ужасно – но никто его не подозревал» (с. 179). В дневниках раздвоенность преодолевалась: в них мирно соседствовали излияния чувств, фантазии, стихи и точное, почти протокольное изложение событий. Обладая «редкой непроизвольной» памятью³⁴, Елизавета Алексеевна с ранних лет подробно описывала все происходившее вокруг, а окружали ее с детства «интересы общественного характера», которыми жила ее семья – семья дипломата и высокопоставленного придворного, связанного родственными узами с знатными и влиятельными семьями Европы. К тому же почти вся семья Куракиных находилась на службе при императорском дворе: отец – у великой княгини Марии Николаевны, мать – у великой княгини Екатерины Михайловны, а позднее у цесаревны Марии Федоровны, сестра Александра (с 1866 г.) – у цесаревны, затем императрицы Марии Федоровны, сама Елизавета Алексеевна – сначала у великой княгини Екатерины Михайловны, потом у великой княгини Ольги Федоровны, затем у императрицы Александры Федоровны. Находясь в гуще жизни императорской семьи, Е.А. Нарышкина обла-

³¹ Цит. по: Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 131–132.

³² Возрождение (Париж). 1928. № 1248. 1 нояб. С. 1. Газета напечатала также объявление о панихиде на 20-й день (Там же. № 1265. 18 нояб. С. 1).

³³ Возможно, мать опасалась за психическое здоровье дочери, помня о судьбе своей свекрови – княгини Е.Б. Куракиной, которая после измены мужа впала в безумие и, больная, дожила до очень преклонных лет. Она обладала литературным талантом и сочиняла стихи.

³⁴ Фрейлина, баронесса С.К. Буксгевден позже писала о Нарышкиной: «Невысокая и полная, с резко очерченными чертами, она своими зоркими глазами замечала всё. Она была ходячей энциклопедией по международной истории и литературе. <...> Она знала всех, представлявших интерес в двух веках, настолько, что Татьяна Николаевна [великая княжна] однажды, смеясь, заметила мне: “Если мадам Зизи упомянет Юлия Цезаря, я уверена, что она немедленно скажет: «Ce bon César! Quand il partait pour Gaule, il me disait...» (Этот добряк Цезарь! Когда он отправлялся в Галлию, он мне сказал...)”» (Буксгевден С. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы России. М. 2012. С. 730–731).

дала информацией о политических событиях и решениях высшей государственной власти из первых рук. Поэтому политика находит отражение в ее дневниках, даже когда она пишет о своих переживаниях или семейных событиях. Начав вести дневник (а писала она его по-французски, поскольку это был ее первый «природный» язык) сначала для того, чтобы было кому «поверить свои восторги», и называя его «милым и скромным наперсником» («*cher et discret confident*»), которому можно излить свою душу и высказать любую тайну, Нарышкина делает его хранителем не только собственных мыслей и чувств, но и важных сведений, касающихся политической жизни России. Выдержка и умение скрывать свои чувства позволили ей на протяжении многих лет находиться на службе при дворе, часто не имея возможности высказать свое мнение, и потому лишь в дневниках она позволяла себе «открыть уста». Она делилась своими мнениями только с очень близкими друзьями, такими, как юрист, писатель и общественный деятель А.Ф. Кони. Она не показывала никому свои дневниковые записи, даже отцу, хотя «была очень близка к нему». Нарышкина вспоминала: «Он читал мне все свои записки, размышления, стихи, наполнявшие несколько толстых тетрадей, и находил во мне понимание и отзывчивость, но я никогда не говорила ему о себе» (с. 212). Лишь с течением времени она стала осознавать ценность своих записей не только для себя, но и для других и почувствовала необходимость поделиться своим жизненным опытом.

Поводом, побудившим ее напечатать свои написанные на основе дневников мемуары, стали, очевидно, события 1905 г., которые вызвали в памяти у Е.А. Нарышкиной отчетливые ассоциации с Французской революцией 1848 года, свидетелем которой она была. И хотя хронологической границей «Моих воспоминаний» являлись события 1875 г., окончательный их текст был подготовлен к публикации в конце 1905 г.³⁵ Причем Елизавета Алексеевна писала мемуары по-русски, считая, «что в этом нет ошибки и что повествовательный язык мне доступен» (с. 207). Отрывки из них она предварительно читала вслух родным и друзьям³⁶. В деле печатания книги ее поддержала дочь известного библиофила С.Д. Полторацкого Эрмиония Полторацкая, которая написала: «Надеюсь, что у Вас хватит присутствия духа, чтобы отстоять свои мемуары. К тому же хорошо укрыться в прошлом, поскольку настоящее полно невежд и невежества»³⁷.

Вероятно, в семье Нарышкиной много было разговоров о публикации воспоминаний, и волнения Елизаветы Алексеевны по этому поводу вызывали у родных желание ее поддержать, что и сделал в шутильной форме ее маленький десятилетний внук Кот (Николай Татищев), который, поздравляя бабушку с именинами 2 сентября 1906 г., сообщал ей: «Я пишу мемуары. <...> Целую тебя. Котик»³⁸.

В конце января или в начале февраля 1907 г. «Мои воспоминания» были напечатаны. Мемуары не были предназначены для широкого распространения, свою книгу Нарышкина дарила или давала для прочтения людям, которых уважала и мнением которых дорожила. Тем ценнее было для нее одобрение в проникновенном и сердечном отклике П.И. Бартенева:

«Когда я дочел Вашу чудесную книгу (за доставление которой почтительнейше целую Вашу правую руку), мне вспомнилось четверостишие Хомякова:

Он с тем, кто духа и свободы

³⁵ См.: РГАДА. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 1088. Л. 7 об.

³⁶ А.Ф. Кони, например, пишет ей 22 декабря 1905 г.: «Глубокоуважаемая Елизавета Алексеевна! Я очень сильно заинтересован Вашими мемуарами и хотел бы послушать их продолжение как можно скорее. Можно ли приехать к Вам во вторник 27, часам к 9½ вечера?» (Там же. Оп. 4. Д. 138. Л. 120).

³⁷ Там же. Д. 216. Л. 43 об. – 44. Письмо от 1 сентября 1906 г.

³⁸ Там же. Д. 258. Л. 1—1 об.; и в следующем письме: «Милая бабушка. Поздравляю тебя с праздником. Мемуары я продолжаю писать. Скоро у нас будет елка. Я выкрасил эту карточку сам. Мы сделали много вещей для елки. Я катаюсь на коньках хорошо. Целую тебя. Котик» (Там же. Л. 30).

Ему возносит фимиам;
Он с тем, кто все зовет народы
В духовный мир, в Господень храм.

Но кроме впечатления нравственного, книга Ваша мне драгоценна в отношении историческом. Вы описали жизнь, проведенную на вершинах общества; а в пестрой галерее выведенных лиц отрадно мне и повстречаться с теми, кого и я чтил и любил, начиная с Вашей матушки, окончая княгиней Коконию. При том, как умело соединено личное с общим, с государственным, с современным. Я невежда в оценке французских стихов, но меня привели в умиление помещенные на стр. 325. Самый язык, по свойствам своим, не поэтичен (извольте, в письмах к Гримму, прочитайте, как Екатерина сравнивает его с русским). В книге Вашей не встретил я ни одного галлицизма. Слог Ваш выразителен, чему конечно способствует знакомство с языком церковным. Некоторые страницы растрогали меня до глубины сердечной. То, что вы изволили мне читать в Волосове, на меня мало действовало; но тут паки и паки целую Ваши руки. Неужели не познакомлюсь с Вашим романом? Не позволите ли мне поместить в Русском Архиве мой отзыв с выписками напр. о безучастии духовенства, с страницами о июньских днях в Париже? Известны ли Вам письма англичанки о бывшей Французской Революции? Необыкновенное сходство с тем, что мы недавно пережили (у меня на Садовой треснула стена от выстрелов). Стар я (78 л.), не двигаюсь без чужой помощи, но по милости Божией, еще страстен к проявлениям высокого ума, дарований и деятельного сердца.

Не извольте предавать забвению

Петра Бартенева»³⁹.

Перемены, произошедшие в России с 1906 по 1917 г., заставили Нарышкину еще раз, по-новому, взглянуть на политические события, которые она протокольно четко фиксировала в дневниках. Мысль написать новые мемуары возникла, вероятно, в 1917 г., когда стали очевидны последствия роковых ошибок, совершенных российской монархией на протяжении последних трех царствований. Нарышкина начинает осмысливать и пересматривать свои взгляды на события, произошедшие в России. Она осознает, что многие не понимают происходящего, и 8/21 апреля 1917 г. записывает в дневнике: «У многих нет другого горизонта, кроме света, его блеска, – и желания бежать из России. Незнакомство с историей – феноменальное. Никакого понятия не только о философии истории, но о внешних фактах, на которых она строится» (с. 423–424). Елизавета Алексеевна понимает, что, являясь очевидцем и участником важных исторических событий, обязана высказать свою точку зрения на историю трех последних царствований. В ее дневнике за 1917 г. имеются указания на то, что она вновь взялась за написание мемуаров. Она использует свои дневники и старые подготовительные материалы к воспоминаниям, опубликованным в 1907 г., по соображениям хронологии не вошедшие в них. Об этом свидетельствует фрагмент, который был написан в 1905 г.⁴⁰

Вначале она намеревалась подробно рассказать о событиях, связанных с убийством императора Александра II и восшествием на престол Александра III. Эту часть воспоминаний Елизавета Алексеевна читала вслух царской семье во время пребывания под арестом в Александровском дворце Царского Села. Далее Е.А. Нарышкина хотела подробно остановиться на периоде царствования императора Александра III, что, по ее словам, раньше «невозможно было <...> сделать», так как в своей оценке она «оказалась бы слишком против течения, излагая свою мысль» (с. 424). К 1917 г. изменился ее взгляд на политику Александра III, и если раньше она была сторонницей продолжения реформ, начатых Александром II, то теперь пишет: «...откровенно говорю, что я <...> глубоко сожалела о потере надежды на преобразование

³⁹ ОР РНБ. Ф. 816. Оп. 3. Д. 2583. Л. 3–4. Письмо от 17 января 1908 г.

⁴⁰ См.: РГАДА. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 1088.

России. В настоящее время мое суждение изменилось, и я теперь думаю, что в то время государь поступил мудро, остановив разом шатанье мыслей и взяв твердой рукой единоличное кор-мило правления» (с. 457). Затем Е.А. Нарышкина предполагала написать обзор царствования Николая II. Таким образом, хотя хронологически новые мемуары были продолжением «Моих воспоминаний», они отражали новый взгляд на события, произошедшие в России.

В это время она уже ясно понимала значение своих записей и продолжала их вести, находясь под арестом в 1917 г., в страшные 1920-е гг. и в эмиграции. Ей чудом удалось вынести их из Александровского дворца в мае 1917 г. (когда ее, больную, перевозили в большой Царско-скосельский дворец), несмотря на обыск, которому подвергли все ее вещи и благодаря тому обстоятельству, что досмотр производили солдаты, которые не поняли важности этих бумаг⁴¹. Хранить их было опасно: в лучшем случае их могли конфисковать (например, в апреле 1917 г. в Крыму были конфискованы все дневники императрицы Марии Федоровны), а в худшем – расстрелять владельца. Так, дневник зятя Нарышкиной – графа Д.Н. Татищева – был обнаружен чекистами в 1918 г., и «когда его арестовали, <...> он был обвинен на основании того, что писал»⁴². От опасных бумаг избавлялись: так, еще до возвращения Николая II, в первые дни заключения (6 и 7 марта 1917 г.) в Александровском дворце Царского Села Лили Ден сожгла в красной гостиной все свои бумаги, а вместе с императрицей они уничтожили все дневники и письма Александры Федоровны, а также 9 томов дневников фрейлины Сони Орбелиани, «содержащих много интимных подробностей жизни императорской четы»⁴³. Она дорожила дневниками, берегла и, увидев реальную возможность их публикации, передала рукопись в 1923 г. австрийскому журналисту Рене Фюлеп-Миллеру. Остальные бумаги, в том числе дневники, Е.А. Нарышкина вывезла во Францию. В Париже она предоставила П.Н. Милюкову дневник за 1917 г., перевод значительной части которого был напечатан им в 1936 г. в газете «Последние новости».

Потомки Е.А. Нарышкиной также понимали ценность исторических свидетельств, касающихся истории России, и их значение для будущих поколений. Так, в 1917 г. сын Елизаветы Алексеевны К.А. Нарышкин, который по долгу службы составлял протокол отречения императора, понимая, что стал свидетелем рокового для России исторического события, и сознавая необходимость сохранить для потомков документальные свидетельства о нем, вместе с лицами из ближайшего окружения государя собирался «записать до малейших подробностей, чуть ли не по минутам, все то, что происходило за эти три дня». Как вспоминал флигель-адъютант А.А. Мордвинов, «Нарышкин записывал все подробно под нашу диктовку, хотел напечатать на пишущей машинке и дать это описание каждому из нас. Копии телеграмм главнокомандующих мы получили, наш общий дневник он переписать не успел»⁴⁴. Кирилл Нарышкин успел написать историю отречения и передать матери, находящейся тогда в заточении в Александровском дворце. Дочь Е.А. Нарышкиной – графиня В.А. Татищева – в 1912 г. опубликовала записки своей бабки – графини Н.Ф. Нарышкиной, урожденной Ростопчиной – о событиях войны 1812 г.⁴⁵ Внуки Елизаветы Алексеевны постарались сохранить для потомков свои воспоминания об

⁴¹ Граф П.К. Бенкендорф в своих мемуарах сообщает: «Моя жена и мадам Нарышкина заболели острым бронхитом, и последняя попросила разрешения покинуть дворец. 12 мая была подана карета Красного Креста и увезла ее. Багаж уже был отослан в Большой дворец, и солдаты подвергли его тщательному обыску, прежде чем разрешили его отправить. Каждый клочок бумаги был исследован, все было перевернуто вверх дном. <...> Когда мы спросили, почему эта работа не поручена офицерам или более компетентным людям, в ответ мы услышали, что солдаты доверяют только себе и не доверяют офицерам» (*Benckendorff P. Last days at Tsarskoe Selo. L., 1927. P. 85—86*).

⁴² Голицына И.Д. Указ. соч. С. 74

⁴³ Dehn L. The Real Tsaritsa: Close Friend of the Late Empress of Russia. L., 1922. P. 174, 176—177.

⁴⁴ Мордвинов А.А. Отречение Николая II // Отречение Николая II: Воспоминания очевидцев. Л., 1990. С. 119.

⁴⁵ Нарышкина Н.Ф. Пребывание в г. Ярославле семьи графа Ф.В. Ростопчина осенью 1812 года по описанию Н.Ф. Нарышкиной, рожденной графини Ростопчиной // Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Ярославль, 1912. Кн. III, вып. 3. С. 7—23.

исторических событиях в России, свидетелями которых им довелось быть: графиня И.Д. Татищева (в замужестве княгиня Голицына) оставила воспоминания о своей жизни в России до 1932 г.⁴⁶, о трагических судьбах своих родственников и друзей, о своих жизненных испытаниях после революции 1917 г. (арестах и ссылке в Пермь, где состоялось ее знакомство с будущим мужем – князем Н.Э. Голицыным, о рождении в ссылке своих детей и отъезде в эмиграцию). Внук Елизаветы Алексеевны граф Н.Д. Татищев уже в ранней юности ощущал необходимость перемен. Он вспоминал: «Это было незадолго перед первой мировой войной. Мы жили тогда в Ярославле. Предпотопная Россия была больна, это ощущалось многими, и, как я теперь понимаю, люди тогда стремились не столько к свободе, сколько к равенству. <...> Может быть, как раз поэтому я и моя старшая сестра предугадывали, что очень скоро все вокруг развалится, падет прахом»⁴⁷. Во время ссылки царя в Тобольск Николай Татищев в начале 1918 г. отправился с группой молодых офицеров в Сибирь освобождать императорскую семью, после этой неудавшейся попытки он вернулся в Петроград и был арестован вместе с отцом, чудом освободившись в январе 1919 г. из большевистской тюрьмы, отправился на фронт и летом 1919 г. присоединился к Белой армии, вместе с ней оказался в Крыму, а затем в эмиграции. Николай Татищев уже в 9 лет сочинял стихи, рассказы и вел дневник, а в эмиграции во Франции писал стихи и воспоминания в форме литературных эссе⁴⁸. Будучи удивительно доброжелательным и отзывчивым на настоящий талант, он стал верным другом и душеприказчиком рано погибшего поэта Бориса Поплавского. Он (а затем и его дети) был хранителем архива поэта и публикатором его произведений. До конца жизни его не оставляла любовь к покинутой родине⁴⁹, это чувство он передал и своим детям, которым пришлось выполнять миссию не только хранителей исторической памяти, но и спасителей культурного достояния России. Сыну Н.Д. Татищева – правнуку Е.А. Нарышкиной – Степану Николаевичу Татищеву довелось вернуться в Россию в качестве атташе по культуре при посольстве Франции в Москве, где он пробыл три года (с 1971 по 1974 г.). В 1971 г. он познакомился с вдовой О.Э. Мандельштама Надеждой Яковлевной и по ее просьбе, чтобы спасти архив поэта от конфискации советскими властями (как когда-то его прабабка спасала свои дневники и записки), в 1973 г. нелегально вывез его во Францию, пользуясь дипломатическим иммунитетом. Степан Николаевич выполнял весьма рискованные в то время поручения А.И. Солженицына: он нелегально переправлял в Россию запрещенные книги, журналы и деньги для политзаключенных, а из России – личные письма заключенных; помог вывезти на Запад остатки архива Солженицыных, за что был объявлен персоной нон грата и выслан из СССР. В последнее время многие из потомков Е.А. Нарышкиной вернулись в Россию, возвращаются на родину потерянные и неизвестные свидетельства современников об ушедшей России. Сама Е.А. Нарышкина своими воспоминаниями и дневниками много сделала для того, чтобы не ушла «в подземный мир Гекаты навсегда»⁵⁰ память о прошлой России.

* * *

Представленный в настоящей книге корпус мемуарной прозы Е.А. Нарышкиной состоит из двух частей и приложений.

«Мои воспоминания» были напечатаны в начале 1907 г. в Петербурге в Государственной типографии, которая находилась в прямом подчинении Государственного совета.

⁴⁶ Голицына И.Д. Указ. соч.

⁴⁷ Татищев Н.Д. Письмо в Россию. Париж, 1972. С. 126—127.

⁴⁸ Татищев Н.Д. Указ. соч.; Татищев Н.Д. В дальнюю дорогу. Париж, 1973; отрывки из его неопубликованного романа «Сны о жестокости» и часть его переписки напечатаны в: Вишневский А.Г. Указ. соч. С. 30—33, 34—44, 48—52, 73—97, 133—138 и далее.

⁴⁹ Графу Н.Д. Татищеву довелось в 1973 г. снова побывать в России.

⁵⁰ Строка из стихотворения Бориса Поплавского «Ектенья».

Местом печати «Моих воспоминаний» Е.А. Нарышкина выбрала Государственную типографию не случайно: по-видимому, она изначально была настроена печатать книгу в наиболее надежной типографии, чтобы исключить несколько крайне нежелательных обстоятельств: во-первых, доступ к изданию посторонних лиц, а во-вторых, несанкционированную утечку из типографии части тиража или же незаконную печать «лишних» экземпляров.

Сохранились отдельные корректурные листы, помеченные ноябрем 1906 г.⁵¹ и январем 1907 г., а выход книги можно датировать январем – началом февраля 1907 г. Напечатана она была крайне незначительным тиражом, в продажу не поступала⁵² и предназначалась для ограниченного круга лиц, которым Нарышкина ее дарила⁵³ или же давала для прочтения. И, конечно же, часть экземпляров предназначалась для императорской семьи⁵⁴. Но далеко не все, даже самые близкие друзья автора, смогли получить книгу. В этом отношении интересно письмо Е.А. Нарышкиной А.Ф. Кони от 28 февраля 1907 г.: «Согласно моему обещанию, я послала Вам мои мемуары, но которые мне возвратились, так как в то время Вас еще не было в С.-Петербурге»⁵⁵. Вскоре она практически перестает раздавать экземпляры, более того, начинает собирать уже розданные, предпочитая лишь чтение вслух.

На обязательном экземпляре, который поступил в Императорскую публичную библиотеку из Государственной типографии, было специально помечено: «Не выдается»⁵⁶.

А.Ф. Кони, который так и не получил свой экземпляр, в мае 1907 г. писал Елизавете Алексеевне: «Мне очень интересно прослушать Ваши мемуары»⁵⁷, а в письме от 22 октября 1908 г. спрашивал: «Не скажете ли мне, до какого времени Вы думаете остаться здесь? Я бы пришел послушать Ваши воспоминания и поделиться с Вами своими»⁵⁸.

Таким образом, издание сразу стало библиографической редкостью. Известный библиограф С.Р. Минцлов отмечает: «Нарышкина Е.А. Записки. СПб. 1906. Большая редкость. Напечатано было очень небольшое количество экземпляров, и почти все они были отобраны автором от лиц, которым они были розданы, и уничтожены»⁵⁹.

Н.П. Смирнов-Сокольский, из коллекции которого происходит экземпляр «Моих воспоминаний» Е.А. Нарышкиной, хранящийся ныне в Музее книги Российской государственной библиотеки (Шифр: МК С—111/8-Н), описывает его так: «В полукожаном переплете. На титульном листе автограф: “Е.А. Масальской-Суриной”⁶⁰ от автора”. Книга редка чрезвычайно. Упоминает о ней едва ли не один С.Р. Минцлов в своем “Обзоре записок, дневников, воспоминаний”. <...> Покойный ленинградский букинист Ф.Г. Шилов рассказывал, что и ему,

⁵¹ См.: РГАДА. Ф. 1272. Оп. 4. Д. 3.

⁵² Сведений о тираже издания при сквозном просмотре сохранившихся документов Государственной типографии (ЦГИА СПб. Ф. 1510) нам обнаружить не удалось; издание не было отражено в списках прошедших государственную регистрацию книг, которые публиковал «Правительственный вестник».

⁵³ Так, В.Н. Смольянинов – редактор и издатель «Архива князя Ф.А. Куракина» – обращается к Нарышкиной: «Ваше милостивое внимание дает мне смелость повторить мою просьбу о высылке мне одного экз. Ваших воспоминаний с собственноручною надписью на нем, если Вам будет угодно вконец меня осчастливить» (РГАДА. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 1000. Л. 3 об. письмо от 1 декабря 1908 г.).

⁵⁴ Сохранился экземпляр книги с надписью «Ее Императорскому Величеству с выражением беспредельной преданности. Автор», который был подарен Е.А. Нарышкиной либо императрице Александре Федоровне, либо вдовствующей императрице Марии Федоровне. (Книга находится в частном собрании в Петербурге.)

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2661 (1). Л. 47 об.

⁵⁶ Он сохраняется в Российской национальной библиотеке (РНБ) (книга в библиотечном переплете Императорской Публичной библиотеки, с сохранением обложки. Шифр: 330/229); второй экземпляр – из собрания баронов Икскуль – поступил туда в 1941 г. (акт С—469/6; шифр: 133/16).

⁵⁷ РГАДА. Ф. 1272. Оп. 4. Д. 138. Л. 152 об.

⁵⁸ Там же. Л. 154 об.

⁵⁹ Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке / Сост. С.Р. Минцлов. Новгород, 1912. Вып. 2/3. С. 126. № 2485.

⁶⁰ Масальская-Сурина Евгения Александровна (урожд. Шахматова; ок. 1863 – 1940) – историк, генеалог, сестра филолога А.А. Шахматова, племянница мужа сестры Е.А. Нарышкиной А.А. Козен.

несмотря на все старания, не привелось повидать эту книгу. Причины, побудившие автора уничтожить свою книгу, становятся ясны после ознакомления с ее содержанием. Ряд критических замечаний, относящихся к членам царской фамилии и другим высокопоставленным лицам, несомненно, привлекли внимание к этим воспоминаниям, и фрейлине, по-видимому, «посоветовали» изъять книгу из обращения»⁶¹.

В российских собраниях ныне нам известны лишь пять экземпляров книги: два хранятся в собрании РНБ, два – в РГБ⁶² и один – в ОРК Библиотеки Академии наук (обязательный экземпляр, имеющий на титульном листе гербовую печать «Библиотека императорской Академии наук»). Один экземпляр хранится в славянском фонде Национальной библиотеки Финляндии⁶³.

В настоящем издании текст «Моих воспоминаний» приводится по экземпляру РГБ из собрания Н.П. Смирнова-Сокольского, который ценен тем, что в тексте имеются рукописные исправления, сделанные Е.А. Нарышкиной, которые мы учитывали при публикации.

В комментариях к «Моим воспоминаниям» отражены наиболее важные разночтения между опубликованным текстом и корректурными листами книги, выявленными нами в РГАДА (118 страниц, причем на некоторых стоит печать Государственной типографии с указанием, когда отправлен автору соответствующий лист корректуры: 9 ноября, 11 ноября, 29 ноября, 5 января)⁶⁴. Найден был и фрагмент одной из редакций воспоминаний Нарышкиной⁶⁵. В основной своей части этот текст вошел в публикацию, но в некоторых местах он значительно шире по содержанию⁶⁶, поэтому наиболее важные изъятые фрагменты приводятся нами в комментариях. Исключением является первый лист рукописи, который содержит отрывок⁶⁷, хронологически выпадающий из общего контекста, так как события, описываемые в нем, относятся к 1891 г., между тем как «Мои воспоминания» заканчиваются 1875 годом (сокращенный вариант этого текста вошел во вторую книгу ее мемуаров).

Книга «Под властью трех царей» впервые публикуется на русском языке. В первых четырех главах ее хотя и описываются повторно некоторые события, представленные в «Моих воспоминаниях», но в то же время в них включены эпизоды, которые по каким-то соображениям не вошли в издание 1906 г., в том числе рассказ о салоне графини С.А. Толстой и знакомстве автора с Ф.М. Достоевским, И.С. Тургеневым, И.А. Гончаровым, В.С. Соловьевым и А.Ф. Кони. Далее, с пятой главы, автор как бы продолжает повествование, начатое в «Моих воспоминаниях», и описывает события, происходившие с 1876 г. до 14 августа 1917 г. – даты отправки царской семьи в Тобольск.

Мы публикуем обратный перевод с немецкого на русский язык книги, выпущенной в 1930 г. под редакцией Рене Фюлеп-Миллера. История этого издания так же авантюрна, как и личность самого издателя⁶⁸.

⁶¹ Смирнов-Сокольский Н.П. Моя библиотека: Библиогр. описание. М., 1969. Т. 1. С. 360—361.

⁶² Уже упомянутый экземпляр из Музея книги РГБ и второй, хранящийся в Отделе рукописей РГБ (шифр: НИОР 92/Н—30), купленный, судя по штампу на последней странице – «26 октября 1946», в букинистическом магазине. На сохранившейся нижней издательской обложке есть надпись карандашом: «В продажу не поступала. 5 р.».

⁶³ Книга (шифр: Kansalliskirjasto Slavica Varasto № H2 11 a VIII) попала в библиотеку Гельсингфорсского университета в качестве обязательного экземпляра.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 1272. Оп. 4. Д. 3.

⁶⁵ Там же. Оп. 1. Д. 1088. Л. 1—23. Рукопись карандашом на сложенных вдвое разрозненных 12 листах in folio.

⁶⁶ Так, Нарышкина гораздо жестче и эмоциональнее характеризует поведение русских церковных иерархов во время революции 1905 г. (Там же. Л. 17).

⁶⁷ Речь в нем идет о помощи графа Н.П. Игнатьева в получении денег для создания школ для детей ссыльнокаторжных на Сахалине.

⁶⁸ Его биография выходила отдельным изданием: Vance W. René Fülöp-Miller's search for reality. L., [1929], а также в послесловии к публикации его романа «Katzenmusik» (Fülöp-Miller R. Katzenmusik. Bonn, 1998. S. 158—196).

Филипп-Рене-Мария Мюллер (Müller; 1891—1963), взявший себе литературный псевдоним Рене Фюлеп-Миллер (René Fülöp-Miller), – австрийский журналист, публицист, историк, литературовед и культуролог – прожил увлекательную, насыщенную приключениями жизнь. Сын врача-психиатра, он обучался в университетах Вены, Лозанны и Парижа, имел диплом химика-фармацевта, затем стал психиатром, постигал психоанализ, дружил и переписывался с Зигмундом Фрейдом. После окончания учебы он много путешествовал, начал публиковать заметки в немецких и австрийских газетах, и журналистика его увлекла. Тогда же, по совету своего друга Стефана Цвейга, он взял себе псевдоним. Во время Первой мировой войны Рене в качестве врача оказался на русском фронте. Увиденное на войне заставило его задуматься о причинах, лежавших в основе мировых событий, и он стал серьезно интересоваться политической жизнью: весной 1922 г. присутствовал на Генуэзской конференции, где брал интервью у крупных политиков и приобрел известность. Затем он принял участие во всемирном антивоенном женском конгрессе в Лугано. Фюлеп-Миллер был одним из первых, кто стал изучать в Италии корни нового явления – зарождавшегося фашизма – и неоднократно беседовал с Муссолини. В 1922 г. Рене познакомился в Вене с двадцатилетним советским журналистом К.А. Уманским (1902—1945), сотрудником Российского телеграфного агентства, полиглотом, знатоком искусства, автором книги о художниках русского авангарда «Новое искусство в России», написанной им в восемнадцатилетнем возрасте и изданной в Потсдаме на немецком языке⁶⁹.

Р. Фюлеп-Миллера и К.А. Уманского объединило увлечение литературой, в частности произведениями Ф.М. Достоевского, к тому же Фюлеп-Миллера, как психиатра и психоаналитика, интересовала сама личность писателя. Вероятно, рассказы Уманского вызвали у Рене такой интерес к России, что в том же 1922 г. приятели отправились в Москву. Фюлеп-Миллер оказался в России периода НЭПа, когда, с одной стороны, наблюдался взлет нового искусства, а с другой стороны, шло невиданное гонение на старую интеллектуальную элиту страны, готовилась высылка за границу писателей и профессоров, уничтожалась аристократия, а многие выдающиеся деятели искусства и их семьи голодали. Рене оказался в самой гуще новых литературных, музыкальных и театральных течений. Он увлекался конструктивизмом и биомеханикой, посещал Центральный институт труда, познакомился с Мейерхольдом, Маяковским и даже поступил учиться в Высший литературно-художественный институт, основанный В.Я. Брюсовым в 1921 г. В то же самое время он познакомился с наследниками Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого и предложил опубликовать за рубежом их неизданные сочинения. Для решения связанных с этим финансовых проблем Рене на короткое время уехал в Вену, где получил необходимые средства. В результате ему удалось приобрести и затем впервые опубликовать дневник А.Г. Достоевской⁷⁰, а также фрагменты произведений писателя⁷¹. Дочь Л.Н. Толстого Александра Львовна доверила Рене для публикации на Западе неизданные произведения отца: многие короткие рассказы, заметки, письма и записи бесед Толстого⁷². На основе многих ранее неизвестных документов А.Л. Толстая и Р. Фюлеп-Миллер опубликовали книгу «Бегство и смерть Толстого»⁷³, а в 1927 г. вышло исследование Фюлеп-Миллера «Неизвестный Толстой»⁷⁴.

⁶⁹ См.: *Umansky K. Neue Kunst in Rußland 1914—1919. Potsdam; München, 1920.*

⁷⁰ См.: *Das Tagebuch der Gattin Dostojewski. München, 1925.* Переводчиком на немецкий язык стал брат К.А. Уманского Дмитрий, живший в это время в Вене. Тогда же Фюлеп-Миллер издал свое психологическое исследование «Достоевский и рулетка» (*Fülöp-Miller R. Dostojewski am Roulette. München, 1925*) и книгу «Неизвестный Достоевский» (*Fülöp-Miller R. Der unbekannte Dostojewski. München, 1926*).

⁷¹ *Raskolnikoffs Tagebuch: mit unbekannten Entwürfen, Fragmenten und Briefen zu «Raskolnikoff» und «Idiot». München, 1928; Die Urgestalt der Brüder Karamasoff: Dostojewskis Quellen, Entwürfe und Fragmente. München, 1928.*

⁷² Книга вышла на английском языке: *New light on Tolstoy: literary fragments, letters and reminiscences not previously published; issued under the authority of the Tolstoy family / Ed. by R. Fülöp-Miller; translated by P. England. L., [1931].*

⁷³ *Tolstoj's Flucht und Tod / Geschildert von seiner Tochter Alexandra. Mit den Briefen und Tagebüchern von Leo Tolstoi, dessen Gattin, seines Arztes und seiner Freunde, herausgegeben von René Fülöp-Miller und Friedrich Eckstein. Berlin, 1925.*

⁷⁴ *Fülöp-Miller R. Der unbekannte Tolstoi. Wien, 1927.*

Находясь в России в 1922—1925 гг., Рене собрал материалы для нескольких книг, касающихся истории и культуры России⁷⁵, причем автора интересовали ранее не исследованные социальные и психологические аспекты. Он изучал корни русского менталитета на примере Распутина, а затем – Ленина и пришел к выводу о влиянии религиозного сектантства, особенно его умения манипулировать людьми, на идеологию и методы управления в большевистской России. Он также отмечал опасность большевизма для европейской цивилизации. Спорность выводов Фюлеп-Миллера не умаляет, однако, значения его книг – они имели большой резонанс и совершенно рассеивали тот иллюзорный образ России, который пыталась создать на Западе советская пропаганда.

В поисках источников для своих книг он усердно собирал и изучал документы, искал и опрашивал свидетелей важнейших исторических событий. Именно таким образом в процессе подготовки книги о Распутине он и познакомился в 1923 г. в Москве с Е.А. Нарышкиной, которая в это время жила в постоянном ожидании ареста: ее дети уже были арестованы, один внук погиб, другой внук и внучка арестованы и высланы. В своей камере она много вечеров подряд читала ему свои дневники. Фюлеп-Миллер понял их исключительную ценность, и по его просьбе Елизавета Алексеевна согласилась на основе своих набросков и заметок подготовить книгу мемуаров, а Рене приобрел рукопись с правом ее опубликовать⁷⁶.

Текст воспоминаний, который перешел в его руки, был написан Е.А. Нарышкиной по-русски, вероятнее всего, в 1917—1923 гг., на основе как свидетельств собственной памяти, так и дневников, которые она вела по-французски на протяжении всей жизни. Кроме того, Елизавета Алексеевна использовала и черновики к «Моим воспоминаниям»⁷⁷. Помимо дневника она в 1917 г., находясь под арестом, записывала что-то в тетради, «где больше места» (с. 444), так как события тех дней в прямом и переносном смысле не могли уложиться в карманный формат «Памятной книжки на 1917 год», подаренной ей императрицей Александрой Федоровной.

Сама Нарышкина впоследствии писала: «[В] 1923 году я вверила свои воспоминания г. Мюллеру, так как преследования были в полном разгаре и мемуары были бы, несомненно, конфискованы. Этот издатель обещал мне не опубликовывать их без моего согласия, и чтобы я указала ему пассажи, которые нужно будет изъять. <...> Мы не заключили легального договора, ввиду внутренних обстоятельств. Я была довольна уже тем, что рукопись моя благополучно пришла в Вену. Он дал мне 500 долларов за мой труд. Это мало, но у меня не было выбора» (с. 396).

Фюлеп-Миллеру удалось вывезти все купленные в России документы благодаря А.В. Луначарскому, с которым его познакомил К.А. Уманский и который оказывал молодому австрийскому журналисту всяческое содействие, возможно, намереваясь использовать его для работы в Коминтерне. Когда же в 1925 г. Нарышкина оказалась во Франции, она обратилась к Фюлеп-Миллеру с просьбой вернуть ей еще не опубликованную рукопись для редактуры, чтобы в тексте «не было ничего неприятного для меня (*désagréable*) по последствиям, которые это могло бы иметь» (с. 396). Ответа на свое письмо она не получила. В 1927 г. Фюлеп-Миллер в книге о Распутине указал среди источников и рукопись воспоминаний Нарышкиной как

⁷⁵ В 1926 г. в Вене была опубликована его книга «Дух и лицо большевизма» (*Geist und Gesicht des Bolschewismus: Darstellung und Kritik des kulturellen Lebens in Sowjet-Russland*. Zürich [u.a.], 1926), а в 1927 г. вышли «Святой черт. Распутин и женщины» (*Der heilige Teufel: Rasputin und die Frauen*. Leipzig, 1927), «Ленин и Ганди» (*Lenin und Gandhi*. Zürich, 1927) и исследование о русском театре (*Das russische Theater: Sein Wesen und seine Geschichte mit besonderer Berücksichtigung der Revolutionperiode*. München, 1927).

⁷⁶ Помимо рукописи мемуаров Е.А. Нарышкина предоставила в распоряжение журналиста фотографии для книги о Распутине. Перечисляя источники иллюстраций, Фюлеп-Миллер упоминает и Нарышкину (см.: *Fülöp-Miller R. Der heilige Teufel*. S. 432).

⁷⁷ Это подтверждается содержанием уже упоминаемого фрагмента черновика Нарышкиной, текст которого писался в 1905 г. и в целом совпадает с опубликованными в 1906 г. «Моими воспоминаниями», но один отрывок, где говорится о графе Игнатьеве, текстологически совпадает с фрагментом XVII главы публикации Фюлеп-Миллера.

находящуюся у него в собственности⁷⁸. Смерть Елизаветы Алексеевны в 1928 г. освободила Фюлеп-Миллера от моральных обязательств перед ней, и в 1930 г. он напечатал в Вене немецкий перевод воспоминаний без купюр.

После прихода нацистов к власти Фюлеп-Миллер переехал из Германии во Францию, а в 1939 г. вместе с женой, поэтессой и переводчицей Эрикой Левендаль (1911—1990), эмигрировал в Америку, в город Ганновер (в штате Нью-Гемпшир), где читал в Дартмут-колледже лекции по русской культуре и социологии, затем вел курс истории культуры в Хантер-колледже в Нью-Йорке, писал статьи, опубликовал несколько романов и исследований, посвященных истории церкви, культурологии и социальной психологии. Умер в 1963 г. Документы его архива рассеяны по библиотекам Германии⁷⁹ и США⁸⁰, но рукопись воспоминаний Е.А. Нарышкиной нам среди этих материалов отыскать не удалось⁸¹.

Публикация столь ценных мемуаров иностранцем, к тому же не на русском языке, вызвала неодобрение в среде русской эмиграции. А то обстоятельство, что Фюлеп-Миллер не внял просьбам Е.А. Нарышкиной и опубликовал текст без купюр, сразу же вменили ему в вину в качестве непорядочного поступка. Кроме того, издателя стали упрекать в «весьма произвольном» отношении к авторскому тексту. Особенно здесь нужно отметить выпады П.Н. Милюкова, который в 1936 г. напечатал в редактируемых им парижских «Последних новостях» переводы фрагментов из дневника Е.А. Нарышкиной за 1917 г., сопоставив их с текстом мемуаров. Хотя он и не подверг сомнению подлинность мемуаров как таковых, но все-таки попытался поставить под сомнение работу публикатора, например писал, что «в немецком тексте сокращения гораздо более значительны, даты перепутаны, а есть и произвольные вставки». Правда, он ниже сам же и объясняет это обстоятельство: «Некоторое затруднение тут составляет тот факт, что в руках Фюллопа-Мюллера находился, по-видимому, несколько измененный текст дневника и что в некоторых случаях эти изменения сделаны Е.А. Нарышкиной при передаче ему материалов» (с. 397, 417).

Действительно, один тот факт, что П.Н. Милюков печатал фрагменты дневника, а Фюлеп-Миллер – мемуары, для которых этот дневник был лишь одним из источников, без труда объясняют несовпадение текстов, которые изначально не должны были быть идентичными. А сами замечания П.Н. Милюкова о том, что он при публикации записей дневника обращался к немецкому изданию, «прежде всего, чтобы установить несколько дат из биографии Е.А. Нарышкиной», также лишь утверждают нас во мнении, что истинной причиной его нападок на Фюлеп-Миллера явилась ревность Милюкова-издателя.

Обвинения же П.Н. Милюкова, будто Фюлеп-Миллер произвольно вставлял в текст некоторые пассажи – например, о том, что царицу подозревали в связях с Германией во время войны, – и вовсе несправедливы. Во-первых, именно об этом говорил сам Милюков на заседании Государственной думы 1 ноября 1916 г.⁸², и вдруг, «двадцать лет спустя», в 1936 г., он

⁷⁸ См.: *Fülöp-Miller R.* Der heilige Teufel. S. 435.

⁷⁹ В Баварской государственной библиотеке в Мюнхене (Bayerische Staatsbibliothek) и в «Архиве лиц, бежавших от нацизма», хранящемся в Немецкой государственной библиотеке (Deutsche Nationalbibliothek. Deutsches Exilarchiv 1933—1945) во Франкфурте-на-Майне.

⁸⁰ Наиболее крупный архивный фонд Фюлеп-Миллера хранится в библиотеке Дартмут-колледжа в Ганновере (Hanover, New Hampshire, USA. Dartmouth College Library); несколько писем хранятся в университетской библиотеке Олбэни в Нью-Йорке.

⁸¹ Благодарю сотрудников архивов: Риту Шефер (Rita Schäfer) из Мюнхена, Сару Хартвелл (Sarah Hartwell) из Ганновера, Катрин Кокот (Katrin Kokot) и Сильвию Асмус (Sylvia Asmus) из Франкфурта-на-Майне за помощь в поиске рукописей Е.А. Нарышкиной.

⁸² В своей речи на заседании IV Государственной думы 1 ноября 1916 г. Милюков обвинил правительство в бездействии, а царицу – в том, что вокруг нее образуется прогерманская партия, целью которой является заключение сепаратного мира, и задавал вопрос: «Что это, глупость или измена?»

приписывает их Фюлеп-Миллеру. Во-вторых, сама мысль о возможной измене императрицы выражена в мемуарах в сослагательном наклонении, и Е.А. Нарышкина говорит только об опасении за неправильное поведение императрицы, которое может быть превратно истолковано, и о том, что у Вырубовой могли храниться компрометирующие царицу документы⁸³.

В целом, если сравнивать текст «Под властью трех царей», во-первых, с текстом «Моих воспоминаний», во-вторых, с фрагментом рукописи мемуаров Нарышкиной, хранящейся в ГАРФ, где дается описание смены царствования в 1881—1883 гг. (о ней пойдет речь ниже), и, в-третьих, с дневником за 1917 г., опубликованным П.Н. Милюковым, то без труда фиксируются многочисленные фактические, стилистические и даже дословные совпадения. Более того, при сопоставлении этих источников можно видеть, что когда Фюлеп-Миллер, редактируя авторский текст, ради сокращения длиннот самостоятельно группирует отдельные фразы и абзацы, то не нарушает авторского изложения последовательности событий и не искажает смысл происходящего. Единственным недостатком такого сокращения, который был нами усмотрен, явилась путаница в датах событий апреля 1917 г., поскольку одни оказались указаны по новому, а другие – по старому стилю.

Стоит оговорить и то обстоятельство, что удивительная точность сведений, содержащихся в мемуарах Е.А. Нарышкиной, многократно подтверждена внушительным рядом ее современников⁸⁴, а некоторые (например, А.Ф. Керенский) даже использовали большие фрагменты ее мемуаров для написания собственных воспоминаний⁸⁵.

Перевод русского текста мемуаров «Под властью трех царей» на немецкий язык был выполнен баронессой Агнетой фон Бер. И несмотря на утверждения П.Н. Милюкова, будто в результате мемуары оказались «мало замеченной книжкой», уже через год они были изданы в переводе на английский и итальянский языки⁸⁶.

Появление в печати в 1930 г. немецкого перевода мемуаров «Под властью трех царей» не только вызвало гневную критику П.Н. Милюкова, но, несомненно, явилось для него побудительной причиной, чтобы позднее опубликовать дневник Е.А. Нарышкиной за 1917 г. По замыслу П.Н. Милюкова, публикация русского перевода попавшей в его распоряжение «Памятной книжки на 1917 год», содержащей дневниковые записи на французском, должна была, вероятно, противопоставить подлинный документ вышедшей книге и доказать несостоятельность его оппонента – Рене Фюлеп-Миллера. На деле же оказалось, что дневник и мемуары дополняют и уточняют друг друга.

Действительно, те выдержки из дневника за 1917 г., которые Е.А. Нарышкина приводит в мемуарах «Под властью трех царей», носят гораздо более обобщенный, аналитический характер, между тем как сами ее дневниковые записи, изданные П.Н. Милюковым, отличаются насыщенностью историческими фактами, скрупулезное изложение событий и фиксация множества важных деталей. К тому же отрывки из дневника, вошедшие в мемуары «Под властью трех царей», включают в себя только выборочные записи с 27 февраля / 12 марта по 30 марта / 12

⁸³ Обоснованность таких опасений со всей очевидностью подтверждают современники событий: граф П.К. Бенкендорф и Лили Ден (см.: *Benckendorff P. Op. cit.; Dehn Lily. Op. cit.*).

⁸⁴ Об этом свидетельствуют, например, дневники и переписка коронованных особ: Александра II, Александра III, Николая II, императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны, великих князей: Константина Николаевича, Александра Михайловича, Гавриила Константиновича; дневники фрейлин и светских дам: А.Ф. Тютчевой, графини А.А. Толстой, баронесс Ю.А. Ден и С.К. Буксгевден, графини М.Э. Клейнмихель; воспоминания и дневники придворных: графа С.Д. Шереметева, князя В.П. Мещерского, В.Н. Воейкова, графа П.К. Бенкендорфа; государственных деятелей: графов П.А. Валуева и В.Н. Коковцова, А.А. Половцова, С.Е. Крыжановского, князя Н.Д. Жевахова, А.А. Мосолова; иностранных послов: М. Бомпара, Д. Бюкенена, М. Палеолога и многих других.

⁸⁵ См.: *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте: Мемуары / Пер. с англ. М., 1993. С. 232—233.

⁸⁶ *Under three Tsars. The memoirs of the lady-in-waiting Elizabeth Narishkin-Kurakin / Edited by R. Fülöp-Miller. Translated from the german by J.E. Loesser. N.Y., 1931; Sotto tre zar; memorie di una marescialla di corte Elizaveta Kurakina Naryshkina / Pubblicata da René Fülöp-Miller. Traduz. dal tedesco di L. Bandini. Firenze, 1931.*

апреля, а также несколько фрагментов за апрель и май и обрываются 18/31 июля 1917 г., в то время как дневник начинается 1/14 января и заканчивается 14/27 августа 1917 г., а потому содержит более подробные сведения о жизни автора мемуаров в те трагические дни.

Таким образом, воспроизведение опубликованного П.Н. Милюковым⁸⁷ дневника Е.А. Нарышкиной за 1917 г. вместе с ее мемуарами «Под властью трех царей» позволяет не только более точно и полно проследить развитие исторических событий, зафиксированных Е.А. Нарышкиной в дневнике в переломном для России 1917 г., но и оценить справедливость ее суждений и взглядов на эти события.

Поскольку введение, которое предпослал этой публикации П.Н. Милюков, а также ремарки по ходу повествования имеют самостоятельное историческое и археографическое значение, мы приводим текст публикации целиком по газетной публикации в «Последних новостях», снабдив его необходимым комментарием.

Таким образом, «Мои воспоминания», «Под властью трех царей» и «С царской семьей под арестом» не только продолжают и дополняют друг друга, представляя собой картину полувековой жизни русского двора, но и являются своего рода трилогией, хотя и не задуманной изначально, но силою исторических обстоятельств XX в. сложившихся в таковую.

Вместе с тем в процессе нашей работы было выявлено значительное число материалов, относящихся как непосредственно к подготовке мемуаров (варианты, черновики, наброски), так и к личности автора (материалы по благотворительной деятельности и эпистолярные источники), которые зримо дополняют тексты Нарышкиной. Они приводятся в приложении.

Как указывает Е.А. Нарышкина в дневнике за 1917 г., во время пребывания под арестом в Александровском дворце Царского Села она читала семье бывшего императора фрагменты своих воспоминаний⁸⁸. В бумагах Александры Федоровны в ГАРФ удалось найти и сам текст – «Последний день жизни Александра II и начало царствования Александра III»⁸⁹. Это 22 листа машинописи с правкой чернилами. Он содержит отрывок воспоминаний Е.А. Нарышкиной, который начинается событиями последнего дня жизни и убийством императора Александра II (1 марта 1881 г.) и заканчивается описанием коронации Александра III (15 мая 1883 г.). Сохранившийся текст представляет собой русский оригинал фрагмента книги «Под властью трех царей», значительно сокращенный при переводе для издания на немецком языке. Из его содержания совершенно ясно, что он написан после революции 1917 г. на основании дневниковых записей, поскольку в них Е.А. Нарышкина дает оценку событий, произошедших после революции, о чем и сама пишет в этом тексте. Неизвестно, на каком этапе были проведены сокращения, – в процессе авторской работы над рукописью в 1920-е гг. или на этапе редакционной подготовки. Отрывок этот ценен в качестве ранней редакции русского оригинала книги «Под властью трех царей». Мы сохранили при публикации специфические особенности в написании слов (пенуар, пальятивы и др.).

Кроме указанного текста в приложении публикуются три письма, которые были выделены нами из значительного корпуса эпистолярия Е.А. Нарышкиной, просмотренного в процессе подготовки настоящего издания, ввиду их особенного значения для характеристики Е.А. Нарышкиной – два письма к бывшей императрице Александре Федоровне, написанные в 1918 г., а также письмо А.Ф. Кони, присланное ею уже из эмиграции в 1926 г. Первые два

⁸⁷ Публикация Милюкова, в свою очередь, также грешит мелкими неточностями, например, в последней записке к Нарышкиной императрица благодарит свою гофмейстерину за 23 года верной любви и дружбы; в тексте же изданного Милюковым дневника ошибочно: «25 лет верной любви и дружбы» и т.п.

⁸⁸ См.: запись от 20 марта / 2 апреля 1917 г.: «Читала вторую часть своих воспоминаний, которая заинтересовала моих слушателей» (С царской семьей под арестом. Дневник обер-гофмейстерины Е.А. Нарышкиной // Последние новости. 1936. № 5553. 7 июня. С. 2).

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 501.

письма являются последними знаками многолетнего преданного служения Елизаветы Алексеевны Нарышкиной императорской фамилии, а письмо к А.Ф. Кони, по сути, подводит итог ее продолжительной, богатой событиями и трагическими поворотами жизни.

* * *

Публикация этой книги не могла бы осуществиться без помощи моих коллег – сотрудников РГАДА, ГАРФ, РГАЛИ, РГИА, РГБ, РНБ, Тверского государственного объединенного музея и Библиотеки Бейнеке Йельского университета, за что сердечно их благодарю.

Искренне благодарю В.А. Мильчину и М. Шрубу за ценные замечания, касающиеся перевода французского текста, а О.Ю. Бычкову за помощь при переводе немецкого текста.

Выражаю особую признательность Т.А. Лаптевой и Е.Е. Лыковой за их постоянную дружескую поддержку.

Благодарю моего сына П.А. Дружинина, который был инициатором этой публикации.

Е.В. Дружинина

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ

ГЛАВА I

Мои самые дальние воспоминания переносят меня в Париж, где мой отец⁹⁰ состоял первым секретарем посольства при Николае Дмитриевиче Киселеве. Нас было четверо детей, из коих мой брат Борис и я были старшие, а двое младших⁹¹ родились в Вене, где началась заграничная дипломатическая карьера нашего отца. Кроме того, самый старший из нас умер годовалым ребенком, к великому горю наших родителей. Это был первый Борис, – второго, также Бориса, мой отец назвал при рождении *l'enfant de la consolation*⁹², чем он действительно был во все время своей слишком короткой жизни⁹³. У нас было политическое детство. С ранних лет нас окружали интересы общественного характера. Общительность моего отца и то обстоятельство, что посланник не был женат, способствовали сосредоточению в нашем доме дипломатического кружка. При моей крайней впечатлительности, присутствуя при разговорах и рассуждениях, я без усилия запоминала отрывки речей, облики известных лиц. В моем воображении проходит целая вереница личностей, тем или иным ознаменовавших себя. Вот старая графиня de Valence, дочь знаменитой в свое время графини de Genlis. Она уже была замужем во время первой французской революции⁹⁴, ее имя упоминается в мемуарах того времени. Мы, дети, были друзьями ее правнуков и бывали у них по вечерам, играя и резвясь в то время, как наша мать⁹⁵, сидя с ней в гостиной в небольшом кружке лиц, слушала, как умная и живая француженка рассказывала эпизоды из блестящей придворной жизни при Марии Антуанетте и как вихрь революции привел ее в тюрьму Conciergerie⁹⁶, откуда она вышла на свободу, а не на гильотину только благодаря смерти Робеспьера. Отрывки этих рассказов долетали и до ушей шестилетней девочки и запечатлевались в ее воображении с легкостью и верностью фотографической пластинки. К тем же годам относится веселый день, проведенный мною у M-me Récamier. Не знаю, по какому случаю ей вздумалось дать детский дневной бал в своем помещении в Abbaye-aux-Bois⁹⁷. Помню, как меня одевали, как coiffeur⁹⁸ завил мои волосы бумажными

⁹⁰ Князь Алексей Борисович Куракин (младший). Граф С.Д. Шереметев вспоминал о нем: «Князь Алексей Борисович Куракин был большой чудак, понемножку музыкант, композитор, поэт, художник и царедворец и всего более – сумасброд! Это был утонченный придворный французского двора, человек души хорошей, но крутого и вспыльчивого нрава. Типом он был настоящий Куракин: нос горбом и все тот же профиль. Он владелец богатого Надеждинского архива, человек с образованием и в рассказах своих интересный» (Мемуары графа С.Д. Шереметева. М., 2001. С. 182).

⁹¹ Александра и Федор Куракины.

⁹² Дитя – утешение (*фр.*).

⁹³ В сохранившемся рукописном отрывке воспоминаний о своих родителях Е.А. Нарышкина писала: «Внешняя жизнь протекала в светском и семейном кругу, сначала в дипломатическом мире, впоследствии в придворном. Женившись в 1835 году на нежно им любимой княжне Юлии Федоровне Голицыной, молодые супруги поселились в Петербурге, уезжая на время летом к отцу, князю Борису Алексеевичу в Орловское или Тверское имение или же в Гостилицу к тетке Татьяне Борисовне Потемкиной. Рождение первенца радовало молодую чету, и ему дано было фамильное имя Бориса, но, к неописуемому их горю, через год после рождения младенец умер, и его потеря глубоко потрясла родителей, особенно отца, который восчувствовал это первое горе со всей страстностью своей натуры. К счастью, через два месяца после этой утраты родился другой сын, которого также называли Борисом и который был утешением и гордостью своих родителей до тех пор, пока смерть и его не похитила на 23-м году жизни в расцвете блестящих его способностей и на пути к видной будущности» (РГАДА. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 1100. Л. 1 об. – 2 об.).

⁹⁴ Имеется в виду Великая французская революция 1789—1799 гг.

⁹⁵ Княгиня Ю.Ф. Куракина. Весьма лестную характеристику дает ей граф С.Д. Шереметев: «Славная была эта княгиня Юлия Федоровна, благородная, правдивая, почтенная женщина» (Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 433).

⁹⁶ Консьержери – бывший королевский замок (с X в.) в Париже на острове Ситэ. С 1391 по 1914 г. – тюрьма, в которой содержались политические и уголовные заключенные.

⁹⁷ Лесное аббатство (*фр.*) – парижский женский монастырь, где с 1819 г. после разорения мужа мадам Рекамье снимала

папильотками и прижег их щипцами так, что моя голова сделалась кудрявой, как у барашка, и надел круглый венок из живых цветов (*primevères*⁹⁹), и как я стояла на столе, пока оправляли мое белое кисейное платье. Помню, что я была представлена старой даме и старому господину, и много лет спустя громкие имена *M-me Récamier* и *Chateaubriand* получили для меня свое значение, которое, понятно, было от меня скрыто тогда. С поздравлением на новый год и на Пасху мамá возила меня к старой тетушке княгине Багратион. Она была дочь известной красавицы графини Литта (племянницы князя Потемкина и сестры моей прабабушки княгини Голицыной). Она жила в собственном доме в *Faubourg St.-Honoré*¹⁰⁰ с большим садом, который доходил до *Avenue Gabriel* в *Champs Elysées*¹⁰¹. Рослый швейцар с булавой и в треугольной шляпе встречал посетителей у подъезда в глубине широкого двора. В комнатах с крепким запахом духов царила тропическая жара, так несвойственная парижским домам. В большой гостиной, слабо освещенной и убранной массой пальм и других растений, сидела хозяйка, всегда одетая в белые прозрачные платья, подбитые розовым или голубым шелком, с такими же туфлями на миниатюрных ногах. Сама она была бледна, с тонкими чертами лица и казалась изваянной из белого воска. Длинные белокурые букли окружали ее лицо. Она никогда не носила чепца. Мне она казалась каким-то волшебным существом вроде феи, и я чувствовала всегда известную робость в ее присутствии. Совсем другое чувство вселяла во мне другая пожилая дама Марья Яковлевна Нарышкина, рожденная княжна Лобанова-Ростовская, друг юности моей бабушки княгини Голицыной. Они вместе были свитными фрейлинами при Императрице Марии Федоровне. Она очень любила мою мать, которую звала по имени. С нами была ласкова, щедра и добра, как настоящая бабушка, и мы ее также любили. Помню еще знаменитую княгиню Ливен. Раз в год, 6 декабря, мы ее всегда видели в церкви по случаю именин Государя, но ее имя часто произносилось у нас. Ее значение было большое, и в ее салоне собирались по воскресеньям все политические деятели того времени, все дипломаты и государственные люди, в числе которых неизменно был первый министр Гизо.

В 1845 году мы совершили нашу первую поездку в Россию со времени нашего переселения за границу. Мой отец, не имея отпуска на все лето, решил, что мамá уедет сначала с нами раннею весной и будет ждать у матери своей княгини Анны Александровны Голицыной приезда его, чтобы вместе отправиться к его отцу князю Борису Алексеевичу, жившему в своем орловском имении Куракине¹⁰². Он проводил нас до Гавра, так как путешествие наше должно было совершиться морем, но и до Гавра из Парижа пути сообщения далеко не достигали еще в то время современной быстроты. Железная дорога шла только до Руана, а потом приходилось следовать по Сене на пароходе. В Гавре к нам присоединилась графиня Аппони, урожденная графиня Бенкендорф, подруга моей матери, которая вместе с нами ехала в Россию, и, дождавшись благоприятной погоды, на третий день мы сели на пароход «*Amsterdam*» и отплыли в дальний путь. До сих пор не изгладилось во мне впечатление ужасного путешествия по Северному морю. Впрочем, оно было только субъективно ужасно, так как никакой опасности нам не грозило. Море было бурное, высокие серые волны колыхались, пенясь до пределов серого же горизонта, сливаясь с ним. Я страшно была больна морской болезнью и трое суток не выходила из каюты, где все наши вещи попадали и катились по полу от качки. Наконец, я выползла, увидела кучку людей, смотревших пристально на голубую отдаленную линию. Это была Дания. Зная уже историю Христофора Колумба, я вообразила себя им и с восторгом закричала: «*Terre*,

небольшую квартиру.

⁹⁸ парикмахер (*фр.*).

⁹⁹ первоцветов (*фр.*).

¹⁰⁰ Предмestье Сент-Оноре – аристократическая улица Парижа. Княгиня Багратион с 1825 по 1857 г. жила в доме № 45.

¹⁰¹ Авеню Габриэль на Елисейских Полях.

¹⁰² Богородицкое-Куракино Малоархангельского уезда Орловской губернии – любимое имение прадеда Е.А. Нарышкиной князя Алексея Борисовича Куракина, который там был погребен. Усадьба была разрушена во время революции.

terге»¹⁰³, как в моей детской книге Колумб закричал, впервые увидя Америку. В Копенгагене мы вышли на сушу, я была безумно рада, почувствовав под собой твердую почву. Мы были приняты посольством, нас угощали, катали, занимали, показали сад Тиволи, и вечером мы возвратились в свой плавучий дом. Море утихло и приняло голубой цвет, следующие дни мы проводили на палубе. Наш пароход вез первые устрицы, которые потом продавались на бирже; по этому случаю биржа делалась весной в Петербурге сборным местом, куда съезжалось все элегантное общество. Ели устрицы и любовались красивыми заморскими птицами и животными, также приходившими с первой навигацией. На нашем пароходе везлись такие же пассажиры. Мы бегали по палубе и играли в прятки между высокими корзинами с устрицами и потом посещали друзей наших: сидящих в клетках, дивных попугаев и милых гримасниц обезьянок. Графиня Аппони была все время с нами. Это была очаровательная молодая женщина, прекрасная музыкантша. Помню, как раз она села за фортепиано в кают-компании и запела. Никогда не забуду моего впечатления от ее голоса. Она пела модный романс Алябьева «Соловей, мой соловей»¹⁰⁴ и пела прекрасно. Я была вне себя от восторга; до сих пор вижу ее, красивую и тонкую, с белокурыми сбитыми буклями по обеим сторонам лица, с ее изящными руками, украшенными кольцами, окруженную маленьким обществом наших спутников, внимательно слушавших ее дивный голос. Я уверена, что никто глубже меня не восчувствовал его прелесть; этот момент был открытием для меня так сильно развившегося впоследствии очарования музыкой. Между тем мы подходили уже к концу нашего плавания. Нам объявили, что на другой день в первом часу будем в Кронштадте. Утром я просыпаюсь и чувствую, что стоим. Воображая, что мы уже приехали, я с радостью спрашиваю о том одевавшую меня девушку, но оказывается, что мы окружены льдинами и не можем двигаться. Выбегаю на палубу и вижу, что вдали виднеется Кронштадт, но между ним и нами огромное замерзшее пространство. Попытавшись безуспешно пробить себе дорогу между льдинами и достигши только того, что переломалось одно колесо парохода, которое пришлось чинить, мы принуждены были стоять на месте. Мало-помалу истощались наши запасы провизии и особенно пресной воды. Капитан решил повернуть обратно на Ревель и там запастись всем нужным. Помню, с какой медленной осторожностью мы пробивались между льдинами, пока не пришли в открытое голубое море. В Ревеле мы вышли на берег и целым караваном ходили по городу и за город. Была прелестная погода, травка и первые цветы меня восхищали. Графиня Аппони нас оставила в Ревеле и поехала к своему отцу графу Бенкендорфу¹⁰⁵ в имение Фалль¹⁰⁶ и оттуда проехала в Петербург на лошадях, мы же возвратились на наш пароход. Лед был рассеян ветром или растаял, и мы пришли благополучно без нового инцидента в Кронштадт. Меня поразила масса таможенных чиновников, высадившихся на наше судно, как только мы причалили, на них были одеты длинные серые шинели с зелеными воротниками, и они писали, писали без конца. Меня это зрелище крайне удивило, часы проходили, а они все писали и писали. Наконец прибыли на пароход старший брат моей матери князь Александр Федорович Голицын¹⁰⁷ с младшим братом князем Борисом Федоровичем и стал объясняться с чиновниками. Подействовало ли его

¹⁰³ «Земля, земля» (*фр.*).

¹⁰⁴ Романс А.А. Алябьева «Соловей» на стихи А.А. Дельвига (1825—1826).

¹⁰⁵ К этому времени графа А.Х. Бенкендорфа уже не было в живых.

¹⁰⁶ Поместье Фалль, название которого происходит от немецкого «wasserfall» – водопад, было приобретено А.Х. Бенкендорфом в 1827 г. См. о нем: *Мурашев А.А.* Мызники замка Фалль. Улан-Удэ; М., 2011.

¹⁰⁷ Имеется в виду князь А.Ф. Голицын-Прозоровский. С.Д. Шереметев писал о нем: «Старший брат в этой семье, князь Александр Федорович Голицын-Прозоровский унаследовал титул матери, которая была последняя в роде. Ему теперь принадлежит Зубриловка и Бронницкое имение село Раменское. Этот известный всей молодежи 30-х годов “Сашка” Голицын, фигура типичная, кутила и жуир, когда-то командовавший Конногвардейским полком, большого роста, с седыми усами и коротко обстриженной седой головой, он появлялся на балах и, несмотря на преклонные годы, изредка пускался в мазурку и, когда он танцевал, вся зала смотрела на него» (Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 93).

влияние или работа их кончилась, но нас отпустили, и мы сели на маленький пароход, который нас доставил в Петербург.

Трудно мне описать очарование и трепет, которые овладели мною по мере того, как мы приближались к столице. Золотой купол Исаакиевского собора, стрелка Адмиралтейства выступали из голубого тумана и блестели под солнечными лучами. Мы стояли на палубе и следили, как мало-помалу волшебный город обозначался все яснее и яснее в своих очертаниях. Он мне казался прекрасным, сердце мое билось. Церковные здания, подобия которым я никогда не видала (так как в Париже у нас была только домовая церковь), казались мне почему-то родными. Всей душой я стремилась к моей незнакомой родине, которую я инстинктивно любила не детской, необъяснимой любовью. Бабушка, княгиня Анна Александровна Голицына, встретила нас со слезами радости. Мы узнали, что все в Петербурге страшно беспокоилось о нас. Вышедший из Гавра после «Амстердама» пароход «Le Tage»¹⁰⁸, исполнявший, попеременно с первым, рейсы до Кронштадта, прибыл накануне, а об «Амстердаме» сведений не было; опасались, что мы потерпели крушение, может быть, даже и погибли, так как никто не знал о нашей задержке льдинами и заезде в Ревель. Нас окружила многочисленная родня. Все нас ласкали, любовались нами и нашим заграничным видом и парижским акцентом, заставляли нас петь французские детские песни; к счастью, в нас слабо был развит микроб тщеславия, а то бы мы могли в сильной мере им заразиться. Со стороны моего отца главным лицом была Татьяна Борисовна Потемкина, сестра его матери княгини Елизаветы Борисовны, урожденной княжны Голицыной. Эта замечательная женщина заслуживает того, чтобы о ней была написана особенная биография. Друг Императоров Александра и Николая Павловичей, она употребляла свое влияние и высокие связи исключительно для пользы страждущих и обездоленных. В одном письме к Государю Николаю Павловичу она так выражается: «Sire, je tremble, en Vous écrivant, mais j'ai encore plus peur de la veuve et de l'orphelin et c'est ce qui me décide à Vous adresser ma requête»¹⁰⁹. Государь был так тронут этими словами, что дал ей разрешение прибегать к нему лично во всех случаях и предложил ей приезжать, «когда Он будет ей нужен», во дворец великой княгини Марии Николаевны, куда он сам приезжал каждый день к двум часам во время обеда своих внуков. Татьяна Борисовна широко пользовалась этим разрешением, и в продолжение всего царствования Николая Павловича Государь никогда не отказывал ей в своей всесильной помощи. Он имел доброту и терпение тут же разбирать все приносимые ее прошения и собственноручно писал свои резолюции. Понятно значение и влияние, которые она имела, и сколько запутанных и долго тянувшихся дел она, таким образом, привела к справедливому и милостивому окончанию. Дом ее был на Миллионной, когда-то принадлежал он князю Александру Борисовичу Куракину, который давал в нем блестящие балы в присутствии Императрицы Марии Федоровны. При Татьяне Борисовне он был хорошо известен всем иерархам нашей церкви и всем нуждающимся всех концов России. Ее глубокое благочестие и сострадание ко всем видам людского горя привлекало к ней массу лиц. На каждодневные большие обеды съезжались попеременно все обширное родство, друзья, высшие должностные лица и всегда бывало несколько приезжих, которым она давала у себя приют и щедрое гостеприимство, помогая им в устройстве дел, приведших их в столицу. Это разнородное общество встречалось за пышным столом на почве своеобразной христианской простоты. Первоклассный французский повар и многочисленные ливрейные лакеи свидетельствовали о привычке хозяев к широкой барской жизни, преимущества которой они одинаково делили со всеми. С членами царской фамилии Татьяна Борисовна была в коротких и дружеских отношениях, хотя и отказалась со времени первой молодости от участия в придворных церемониях и вечерних

¹⁰⁸ Тахо (*фр.*) – река, которая берет начало в Испании, пересекает Португалию и впадает в Атлантический океан.

¹⁰⁹ «Государь, я трепещу от страха перед Вами, когда пишу об этом, но еще больше я боюсь за вдов и сирот, – и именно это заставляет меня обратиться к Вам с прошением» (*фр.*).

выездов. Она нередко принимала их у себя в Петербурге, в Гостилицах, Святых Горах (Харьковской губернии) и в Крыму, во всех этих местах у нее были роскошно обставленные имения. Она была одна из первых красавиц своего времени и сохранила в пожилых годах свои прелестные черты и ласкающее, доброе выражение глаз, в которых светилась ее любвеобильная душа. Она была первой председательницей Петербургского дамского тюремного комитета¹¹⁰, это дело ее глубоко интересовало, и она вложила в него все свое сердце, посвятив ему более тридцати лет. Я счастлива, что мне пришлось продолжать основанное ею дело, вследствие назначения меня Государем Императором Александром III председательницей этого комитета в 1884 году. На нас, детей, она также излила свою ласку и любовь, и мы от души подпали ее обаянию. Мы сблизились еще с семейством дяди моего, князя Александра Борисовича Куракина, брата моего отца, с женой княгиней Марией Александровной, урожденной графиней Гурьевой, и детьми их Лизой и Борисом; Анатолий был еще младенцем. Мы составляли с ними как бы одну семью и впоследствии, живя вместе, мы считали их родными братьями и сестрами. Я сохранила глубокую сердечную благодарность за радушие и теплоту, с которой встретила нас наша далекая незнакомая нам родина. Думаю, что то впечатление способствовало к развитию врожденного в нас патриотизма. Бабушка, у которой мы жили в Павловске, была для нас очень добра, она занималась с нами, рисовала для нас сама фигурки, которые мы раскрашивали, и читала вслух «*Les Veillées du Château*» M-me de Genlis¹¹¹. Я страшно любила эти повести, и мне приятно было знать, что Pulchérie, о которой шла речь, была та самая графиня de Valence, которую мы так хорошо знали.

По приезде отца мы уехали с ним с Орловскую губернию к нашему дедушке. Теперь, когда путешествие совершается так быстро, в удобных спальных вагонах, трудно себе представить всю сумму утомления, которая выпадала путешественникам, предпринимавшим столь дальний путь. Мы ехали в двух дорожных каретах; в первой двухместной помещались родители и один из нас попеременно на скамеечке; в другой большой четырехместной остальные дети с няней и Каролиной Карловной, камер-юнгферой¹¹² моей матери. Моя гувернантка Miss Hunter осталась в Париже. Над обоими экипажами помещались большие чемоданы во весь размер крыш кареты, а сзади были места для мужской прислуги. Эти рыдваны были крайне тяжелы и тащились шестериками из самого Петербурга. Было жарко, пыльно, утомительно до невозможности, и казалось, что длилось бесконечно, но все имеет конец, и мы приехали в Москву, где остановились в нашем фамильном куракинском доме¹¹³. Помню этот приезд поздно вечером, как я старалась размять ноги, прыгая в этих знакомых впоследствии комнатах. Нам подали чай с калачами, которые я увидела в первый раз, и кипячеными сливками, что показалось мне отвратительным. Между тем мой отец, увидев фортепиано, тотчас сел за него и стал играть прелюдию. Как теперь вижу эту маленькую сцену – моя мать, разливающая чай в описанной обстановке, тут же управляющий Соловьев и мой отец, играющий на дребезжащих клавикордах и поющий модный тогда романс «Черный цвет, мрачный цвет, ты мне мил навсегда»¹¹⁴. Еще длинный бесконечный путь уже не по шоссе, а по грунтовым дорогам,

¹¹⁰ Т.Б. Потемкина с 1827 г. в течение 42 лет исполняла обязанности председательницы Санкт-Петербургского дамского комитета Общества попечительного о тюрьмах, учредила приют для детей заключенных и приюты для бедных детей, больных и престарелых, большую часть которых содержала на свои средства.

¹¹¹ Речь идет о романе С.-Ф. Жанлис «Вечера в замке, или Нравственные наставления для детей» (1784).

¹¹² Камер-юнгфера – девушка, прислуживающая при одевании императрицы, великих княгинь и княжон.

¹¹³ Усадьба князей Куракиных у Красных Ворот на Новой Басманной улице (в настоящее время – Новая Басманная ул., 6).

¹¹⁴ Имеется в виду романс «Цвет подруги моей», опубликованный в 1831 г. (слова Г.И. Ломакина, музыка Н.П. Девитте). Текст романса следующий: «Черный цвет, мрачный цвет / Ты мне мил навсегда, / Я клянусь, не влюблюсь / В другой цвет никогда. / Не принудят меня, / Не заставят меня / Разлюбить черный цвет. / Силы нет, власти нет! / Отчего же, спросит свет, / Я влюблен в черный цвет? – / Цвет подруги моей... / И пусть друг, милый друг / Позабудет меня, / Черный цвет, мрачный цвет / Все любить буду я. / У меня мысль одна: / Черный цвет и она – / С ней навеки солью / Мрачну душу мою» (Песни для русского народа с приложением куплетов в 2-х томах, собранные М. Смирдиным. СПб., 1859. Ч. 1. С. 259–260).

и, наконец, приехали в Куракино к важному и внушающему трепет старому князю. Он жил постоянно в деревне. Слишком избалованный жизнью с колыбели, единственный представитель славного рода, наследник огромных имений¹¹⁵, он вступил в жизнь под сенью высокого государственного значения своего отца и дяди¹¹⁶, но извлек мало пользы от этих преимуществ. Он был, несомненно, умен и обладал высокой культурой, равно как и музыкальным талантом, но все эти дарования давали ему только повод к презрению других и питали его непомерную гордость. Женившись рано по страсти на прекрасной княжне Елизавете Борисовне Голицыной, мать которой происходила от старшей владетельной ветви царей Грузинских, он через год уже открыто изменял ей с известной актрисой M-me George и тем приводил свою жену в отчаяние. Она была страстная, артистическая натура, серьезно образованная под влиянием ученого итальянского аббата, приглашенного в дом как воспитателя ее братьев¹¹⁷, но грубоватые натуры трех молодых повес мало его интересовали, а все старания свои он сосредоточил на развитии богато одаренной молодой девушки, в которой нашел благодарную почву. Сам первоурядный классик, он читал с ней в подлиннике произведения латинских философов. Она знала в совершенстве итальянский и французский языки и писала на них свободно в стихах и прозой. Поэтическая натура ее проявлялась с одинаково выработанной техникой в литературе, музыке, живописи. Сохранились ее прелестные стихи и портрет ее детей и сестры Татьяны Борисовны, писанные ею миниатюрой и пастелью. В пожилых уже годах и больная, она еще играла наизусть с удивительной беглостью и чувством концерты Моцарта и Фильда. Она много страдала в своей недолгой брачной жизни: может быть, ее оскорбленная страстная натура не устояла бы против искушений, если бы она не нашла опору в неведомом для нее доселе новом мире. У нее, воспитанной философом, которого духовный сан выражался одной сутаной, религия занимала мало места в жизни. В эту пору она коротко познакомилась с французскими эмигрантами, графом de Maistre, Princesse de Tarrente и другими, деятельно занимавшимися вместе с иезуитами католической пропагандой. Благодаря им, ее жаждущая душа познала суть христианства, и, естественно, она переняла также и форму, в которой явились пред ней высокие утешительные истины, и она перешла в римско-католическую веру. Она оставила свет и успех в нем и предалась всем существом вновь созданному религиозному чувству, на котором основала свою жизнь. Но этот кризис явился слишком поздно для ее расшатанных нервов; натянутые до последней степени, они не выдержали нового сильного напора, и развивающаяся постепенно психическая болезнь обрушилась на нее всей своей тяжестью. Столько дарований, прелести, ума, таланта – все было сметено неумолимым недугом, и двадцати шести лет от роду она перестала жить сознательной жизнью, сохраняя в своем прозябании лишь проблески памяти о прежних днях.

Дедушка принял нас с удивительным волнением. Когда, вышедши из второй кареты, вслед за нашими родителями, опередившими нас, мы прошли через длинную анфиладу в кабинет, мы увидели его стоящим на коленях посреди комнаты и громко благодарящим Бога, приведшего нас к нему. Все были в слезах. Были ли эти восторги искренни? Без сомнения. Он чувствовал сильно, но он так окружил себя раболепством и лестью, в атмосфере которой он играл роль какого-то сверхчеловека, что привычка к сосредоточию всех интересов на себе взяла свое, и его жизнь, несмотря на наше присутствие, осталась по-прежнему помпезно одинокой. Нам отвели особый небольшой каменный дом. В таком же точно доме помещался дядя, князь Александр Борисович, приехавший представить в первый раз свою жену, княгиню Марию Александровну (после, однако, 8-летнего супружества). Общий сад соединял эти дома, и в нем были

¹¹⁵ Б.А. Куракину – племяннику и единственному наследнику князя А.Б. Куракина (старшего) – перешли от дяди все его родовые поместья в Псковской, Саратовской и Пензенской губерниях, а также художественные коллекции, архив и драгоценности.

¹¹⁶ Имеются в виду Алексей и Александр Борисовичи Куракины.

¹¹⁷ Речь идет о князьях Андрее Борисовиче, Александре Борисовиче и Николае Борисовиче Голицыных.

устроены для нас первые виденные нами русские качели. Строгий этикет был установлен в Куракине. Утром посылалось узнать о здоровье князя, и до возвращения посланного, иногда долго задержанного, нельзя было идти гулять, так как это было бы признаком малого интереса к просимым сведениям. К обеду, к 5 часам перед нашими домами подавались две коляски с четверней цугом¹¹⁸ для выезда в большой дом. К этому времени мамá и тетя нарядно одевались, и мой отец был во фраке. Разумеется, мы всегда шли пешком, и наши экипажи следовали за нами. После торжественного и пышного обеда нас отпускали, и мы ездили кататься по окрестностям. Помню, как мой отец поднимал свою высокую серую шляпу, отвечая на приветствия встречаемых крестьян, а дядя только кивал своей покрытой кавалергардской фуражкой головой и смеялся над поклонами своего брата. Вечером в десять часов большие опять бывали у отца на ежедневном концерте из собственных музыкантов, на который они получали каждый раз особое приглашение. В парке были разные храмы и беседки, между прочими, храм философии довольно несообразно был окружен двенадцатью пушками. Каждый день за полчаса до обеда палили из одной из них, а в торжественный момент, когда садились за стол, раздавался второй выстрел. В дни наших именин палили из всех пушек по чину, для нас, внуков, обходился круг один раз, т.е. было двенадцать выстрелов; для второго поколения два раза, а для самого князя три раза, т.е. было тридцать шесть выстрелов. Он был окружен обществом управляющих, главных и других секретарей, всякого рода фавориток, которые интриговали между собой, сплетничали на детей и обкрадывали его ужасным образом. Многие из них и потомство их имеют до сих пор дома и имения, нажитые без особого труда. Иногда при нас говорилось о разных инцидентах, касавшихся этого мира, и чтобы мы не понимали, о ком шла речь, звали дедушку «le grand voisin»¹¹⁹. Но мы прекрасно понимали и сами стали звать его этим именем. Все они исчезали при появлении семьи. Иногда только мы их встречали на наших катаньях, причем замечалось, что их лошади и коляски были лучше тех, которые нам отпускались. Конечно, мы только впоследствии узнали, кто были эти незнакомцы. Тогда вся обстановка поражала нас исключительно своей странностью. Воспитанным как европейские дети, нам казалось, что мы перенесены в какое-то отдаленное царство, где мы стали какими-то царьками и как будто переживали волшебную сказку наяву. Думаю, что мой дед переживал ту же сказку и наполнял пустоту своей жизни самопоклонением и мелочным этикетом, который подчеркивал его величие. С ранней молодости он привык к большому свету и сохранил в одиночестве все привычки изящной жизни. Ни на один момент он не опустил. Карьера его началась блистательно. Двадцати лет он сопровождал отца своего, назначенного чрезвычайным послом для присутствия на свадьбе Наполеона с Марией-Луизой, тогда как его дядя князь Александр Борисович уже состоял в Париже постоянным послом, так что все трое князей Куракиных были представителями России на этом торжестве. Он очень рано был сенатором и в этом звании произвел ревизию в Сибири. По возвращении своем, может быть, по преувеличенному представлению о своих заслугах, а может быть, и по основательным причинам, он счел себя обиженным и не по достоинству оцененным и, не перенеся этого укола своему самолюбию, демонстративно оставил службу и удалился в свое имение, где стал будировать двор. Вероятно, он ждал, что его вызовут, но этого не случилось, и, не будучи сорока лет от роду, он обрек себя на одиночество. Человека его характера и его привычек жизнь в отдаленной деревне, как бы роскошно она ни была обставлена, не могла удовлетворить. Думаю, что взятая на себя роль владетельной особы до некоторой степени заглушала его тоску. Он много читал и писал огромные письма прекрасным французским слогом, где представлял себя мудрецом, отрешившимся от шума и света и вкушающим спокойствие уединения. Но в этих письмах слишком ясно сквозит горечь и неудовлетворенное самолюбие. В окружающем его обществе он

¹¹⁸ Цуг – вид упряжки, в которой лошади идут гуськом или парами, одна за другой.

¹¹⁹ «Знатный сосед» (grand voisin) вместо «grand-père» – «дедушка» (*фр.*).

встречал одну лесть и раболепную покорность, и чувство своего огромного умственного превосходства над ними питало в нем презрение к людям и сознание, что он создан из иного, чем большинство из смертных, теста. Полагаю, что он был глубоко несчастен. К тому же, денежные дела его запутывались, пришла роковая минута, когда обнаружилось, что он состоял должником 12 миллионов. Полное разорение было на волоске. Оно было только устранено влиянием кн[ягини] Анны Александровны Голицыной, моей бабушки, благодаря связям которой было установлено над куракинскими имениями попечительство. Несмотря на это учреждение, князь Борис Алексеевич был мало стеснен в распоряжении своим имуществом. Конечно, некоторые из имений пришлось продать, но то, что оставалось, было еще значительно, и мы видели в Куракине, что образ жизни его был широк по-прежнему. Последние годы он ездил в Пятигорск на лечение. Что такое были эти поездки с самого Куракина на долгих¹²⁰, со своими лошадьми и экипажами, с остановкой каждую ночь – трудно теперь вообразить. Впереди ехал фургон с поварами, кухонной и серебряной буфетной посудой; за ним дормез князя и целый караван с секретарями, камердинерами, с фавориткой и ее штатом. Замыкал обоз другим фургоном, где помещалась складная мебель, чуть не на целую комнату. Железная кровать с зелеными шелковыми занавесками, ширмы, столики, все принадлежности для туалета из серебра. И таким образом ехали до Пятигорска каждое лето и осенью возвращались оттуда. В последнюю такую поездку осенью 1850 года, на обратном пути он должен был остановиться в Харькове и там тяжело занемог. К счастью его, в Харьков одновременно приехала свояченица его Татьяна Борисовна Потемкина, возвращающаяся из своего Святогорского имения. Они в продолжение многих лет не виделись, так как отношения между князем и семьей его несчастной жены были почти прерваны. Но, узнав об его болезни, она тотчас же отправилась к нему. С ней был состоящий при ней доктор М. Patenôtre. Состояние князя было настолько серьезно, что она решилась не покидать его. Для умирающего присутствие Татьяны Борисовны было как Богом посланное. Ее глубокая религиозность нашла доступ к его душе и пробудила в ней источник добра, заглушенный его эгоистическим самопоклонением. Вместе с тем изящность ее и умный разговор окружили его природной атмосферой, от которой он отвык, но которую не мог забыть. Он внимал ее словам и принял с радостью выписанного ею настоятеля Святогорского монастыря отца Арсения¹²¹. Его беседы и молитвы тронули его до того, что он дал обет, в случае выздоровления, поступить в число братии управляемого им монастыря. Но не суждено было ему исполнить этот обет. Он тихо скончался, примиренный со своей совестью, с теплыми выражениями благодарности и любви ко всем окружающим и к отдаленным своим детям. Так как в силу обета его считали как бы поступившим в монастырь, его отпевали как монашествующего, и он погребен в Святогорском монастыре. Ему было 66 лет.

После пребывания в Куракине мой отец должен был возвратиться в Париж, а мы с мамой остались в России до осени. Обратное путешествие было длинное и трудное. В октябре, при холодном ветре и бурном море, из Кронштадта до Любека, потом в Гамбург, оттуда почему-то в Амстердам, в Антверпен и, наконец, до Парижа на лошадях. Удивляюсь, как молодая женщина, как мамá, могла справиться со всеми хлопотами столь длинного пути в такое время года и с четырьмя детьми, из коих старшему было 7 лет, а младшему 3 года¹²². С нами также ехал наш новый учитель Константин Васильевич Васильев, только что окончивший университет и с радостью принявший предложение поступить к нам, так как путешествия за границу

¹²⁰ То есть поездки не на сменных, а на одних и тех же лошадях.

¹²¹ С.Д. Шереметев писал о нем: «Митрополита Арсения он [А.Н. Муравьев] не уважал за болтовню, страсть к анекдотам, не всегда приличным его сану митрополита, а также за хитрый, уклончивый нрав. Муравьев не мог примириться с мужиковатостью и бестактностью м[итрополита] Арсения. Так, во время осмотра пещер великою княжною Мариею Александровной, тогда еще молодою девушкой, митрополит особенно долго держал ее перед Святым Иоанном Многострадальным, подробно объясняя ей, в чем заключался его подвиг и какая была тому причина!..» (Мемуары графа С.Д. Шереметева. С. 214).

¹²² В 1844 г. Борису было 7 лет, Елизавете – 6, Александре – 4, Федору – 2 года.

были сопряжены тогда с большими затруднениями и расходами. Уроки с ним начались безотлагательно по нашему приезду. Я уже умела читать и писать по-русски и по-французски с 4-летнего возраста, а спустя год я выучилась тому же по-английски с моей гувернанткой. Новейшие педагоги находят, что ребенка следует начинать учить гораздо позднее, но мой опыт показал, что раннее развитие, когда оно не насильственно, не приносит никакого вреда здоровью. Напротив, я думаю, что одновременное развитие физических и умственных способностей вполне нормально и дает всему существу гармоничное уравновешение. Мама сама выучила меня, почти шутя, моим первым познаниям. Вместе с уроками священной истории по книжкам г-жи Зонтаг¹²³ обучалась первым двум правилам арифметики, составляя сложение и вычитание из служивших нам, вместо цифр, шоколадинок, которые я, после урока, съедала. С прибытием Константина Васильевича начались более систематические уроки. Я училась вместе со старшим братом Борисом, очень способным мальчиком, так что мое внимание поддерживалось его вниманием и быстротою его ответов; Константин Васильевич был редкий учитель, все, чему я выучилась с ним, осталось на всю жизнь основанием последующих приобретенных знаний. Он читал нам свой собственный курс по всем предметам и умел возбудить в нас интерес к ним. Например, проходя историю Греции, мы во время другого урока – русского языка переводили с французского на русский язык места из «Voyage du jeune Anarchasis en Grèce»¹²⁴, и исторические факты получили жизненную окраску, сообщенную описаниями аббата Barthélémy. Меня очень занимали рассказы о философских школах, особенно некоторые положения софистов. Само собою разумеется, что эти познания были крайне поверхностны, но все же их характер был передан верно. Я получила от них зародыши понятия о движении человеческой мысли. Я тоже очень любила мифологию и пленялась рассказами о похождениях греческих богов; мы рисовали их атрибуты и были очень довольны, когда узнавали их в аллегорических картинах и статуях. Русскую историю мы любили и отлично знали даже удельную систему с переплетающейся генеалогией разных князей и имели ясно в уме хронологический порядок их. Летом, к пополнению наших знаний, мы читали отрывки из Карамзина, а также «Илиады» в переводе Гнедича. В этом году приехал в Париж назначенный при посольской церкви молодой священник Иосиф Васильевич Васильев. Его имя сделалось известным как одно из самых блестящих среди нашего духовенства. Он был сразу радушно принят моими родителями и был единственным нашим законоучителем и первым духовником. Он положил непоколебимое основание моей религиозной жизни своими прекрасными еженедельными уроками, которые он в продолжение 7 лет неукоснительно давал нам. Мы знали догматы нашей веры как маленькие богословы. Пространный катехизис Филарета¹²⁵ не казался нам сухим при объяснениях батюшки. Тексты мы, наперерыв, отчеканивали наизусть и переводили их по-русски. Богослужение, история церкви, разделение церквей, различие между ними, все это нам интересно преподавалось. Живя в католической стране и имея протестантских английских гувернанток, мы чувствовали потребность иметь свое и гордиться им. Обрядная сторона была несложна. На нее обращалось мало внимания. Праздники мы знали только двенадцатые¹²⁶. Вообще, не отягощали нас внешними правилами, но то, что мы имели, того мы держались крепко. Один эпизод может служить тому примером. Графиня de L'Aigle, внучка графини de Valence, предложила взять меня со своими дочерьми, моими подругами Mathilde и Geneviève на детский дневной праздник, на который я была приглашена. Это был день Крещенского сочельника. Мама отпу-

¹²³ См.: Зонтаг А.П. Священная история для детей, выбранная из Ветхого и Нового завета Анною Зонтаг: В 2 ч. СПб., 1837.

¹²⁴ Роман французского писателя и археолога Жан-Жака Бартеlemi «Путешествие юного Анахарсиса в Грецию» (1788).

¹²⁵ См.: Христианский катихизис православных католических греко-российских церкви. СПб., 1823. Его именовали пространым, чтобы отличить от «Краткого катихизиса», выпущенного Филаретом в 1824 г.

¹²⁶ То есть 12 важных праздников, не считая Пасхи, установленных православной церковью в честь главных событий земной жизни Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы.

стила меня, упомянув только, что, несмотря на сочельник, она не хочет лишиться удовольствия. Я была крайне живая девочка и очень любила выезды. Там мне было очень весело. После игр и всяких удовольствий детей усадили за большой стол, установленный всякими сладостями. Я была большая лакомка, но, несмотря на это, я отказалась от шоколада и всего, что мне предлагали, исключая компот и постного чая, которого я не могла терпеть, потому что я знала, что сочельник был для нас постный день. Вечером мамá видела графиню de L'Aigle, которая спросила у нее, не больна ли я была, так как я ничего не ела, кроме чая без сливок. Мамá объяснила ей причину моего воздержания. Граф¹²⁷ сказал: «Mais tous ces petits gâteaux étaient maigres»¹²⁸. И мамá объяснила ему различие между нашим постом и католическим, и оба они очень удивились, что девочка семи лет так хорошо знает и исполняет уставы своей церкви, а также что такие уставы существуют у схизматиков. Меня начали учить на фортепьяно. Музыку я всегда очень любила и прилагала все старания, чтобы научиться хорошо играть. Я всегда слушала с восхищением, когда по окончании урока моя учительница играла ту пьесу, которую я с трудом разбирала. Музыка всегда имела для меня глубокий смысл, который я старалась передать в неуклюжих стихах. То, что я называла этим именем, и другие сочинения были часто для меня источником горьких слез. Братья и сестра ими овладевали и читали громко, с пафосом, смеясь над ними. Конечно, мои произведения другого не стоили, но для меня они изливались из самого sanctum sanctorum¹²⁹ моей души, и я придавала им свое личное значение. Кончалось тем, что я набрасывалась с кулаками на моих критиков, плакала, сердилась, меня наказывали, увещевали, я каялась, но не исправлялась, так как я была очень вспыльчивая, и все-таки продолжала писать стихи. Лето проводили мы в живописных и милых мне по воспоминаниям окрестностях Парижа. Раз был нанят Château de la Jonchère¹³⁰ близ Bougival¹³¹. Это был прекрасный дом с большим садом недалеко от Сены, по которой мы катались на лодке. А с другой стороны дома простирался дивный лес из каштановых деревьев. Другой раз, когда мы жили в St. Germain¹³², мой отец был приглашен герцогом Омальским на охоту в знаменитый Forêt¹³³. Он поехал верхом и взял с собой моего брата Бориса, которому было только девять лет и который, на своей маленькой лошадке, следовал за охотой в продолжение 5 часов. Мы были очень горды этим его подвигом.

Так застал нас 1848 год. Уже с некоторых пор чувствовалось брожение в политическом мире, и разговоры принимали все увеличивавшийся тревожный оттенок. Не берусь написать объективно историю февральской революции¹³⁴. Здесь место только личным моим воспоминаниям, и потому коснусь исторических фактов только, насколько они отражались в моих детских впечатлениях. Дня за два до катастрофы мои родители были вечером в Тюлерийском дворце. Король¹³⁵, снисходя к буржуазному духу своего правления, упростил, насколько мог, этикет, обычный при всех дворах. Так, предоставлялось известным лицам приезжать вечером без приглашения и по своему личному усмотрению и уезжать, не дожидаясь, чтобы их отпустили. После званого обеда или вечера такой визит был обязателен. Государь Николай Пав-

¹²⁷ Граф Анри де л'Эгль.

¹²⁸ «Но все эти маленькие пирожные были постными» (*фр.*).

¹²⁹ святая святых (*лат.*).

¹³⁰ Замок Ла-Жоншер, построенный в XVIII в., в XIX в. принадлежал Наполеону I, а затем семье Жозефины Богарне.

¹³¹ Буживаль – западный пригород Парижа.

¹³² Речь идет о местечке Сен-Жермен-ан-Лэ, расположенном в Сен-Жерменском лесу в 19 км от Парижа.

¹³³ Лес (*фр.*). Имеется в виду заповедный Сен-Жерменский лес, который находился в собственности французского короля и был защищен специальным лесным правом. Особый статус леса связан с тем, что охота была любимым развлечением королей.

¹³⁴ Речь идет о революции во Франции 24 февраля 1848 г., результатом которой явилось отречение короля Луи-Филиппа и провозглашение республики. Поводом к революции послужило запрещение провести один из так называемых реформистских банкетов, которые в обстановке запрета на собрания и на свободу слова проводили сторонники реформ.

¹³⁵ Луи-Филипп.

лович не разрешил русским путешественникам представляться к французскому двору, и так как никто из членов посольства не был женат, кроме моего отца, то моя мать была единственная русская дама, бывшая в Тюлери при Орлеанах. В этот день вся королевская семья была спокойна и радостна. Король долго говорил с моим отцом, гуляя с ним по комнатам, а мамá сидела с Королевой¹³⁶ и принцессами¹³⁷ вокруг стола, где каждая из них, имея перед собой подсвечник из севрского фарфора с абажуром, держала в руках работу. Такова была обычная обстановка этих вечеров. В предшествующие дни были волнения по случаю банкета, который желали устроить в Champs Elysées в честь Blanqui. Банкет был только что разрешен на 21 февраля, и все думали, что этим достигается успокоение умов. 20 февраля мы, как всегда, встретились с своими подругами в Champs Elysées и, уходя, говорили, прощаясь: «Demain nous ne viendrons pas, parce qu'il y aura une révolution»¹³⁸. Нам казалось забавно и важно произнести это грозное слово, не сознавая его значения. Но так как банкет должен был иметь место в Champs Elysées, то нас заранее предупредили, что в этот день мы не пойдем туда гулять. 21 февраля, во вторник утром, мамá готовилась идти с сестрой на курсы m. Colart, где мы учились общим предметам и особенно французскому языку. Но ей сказали, что улицы полны толпой. Мы просидели дома целый день. Мой отец отправился в посольство и послал нам оттуда два раза известия тревожного характера. По улицам слышны были уже крики: «Долой короля» («À bas le roi, à bas Guizot»)¹³⁹, уличные мальчишки били окна, толпа приняла угрожающий вид и начала врываться в дома и в оружейные лавки, чтобы их ограбить. Вечером у нас должно было быть маленькое собрание, но, конечно, никто не приехал. На другой день состояние еще ухудшилось. Мы узнали, что национальная гвардия¹⁴⁰ побраталась с инсургентами и что строятся баррикады. Так как у моего отца были ружья и дорогие кавказские сабли, то утром этого дня их зарыли в саду вместе с серебряными вазами и потом сровняли землю. Мы, дети, усердно топтали это место, думая принести свою долю пользы нашей обороне. Муниципальная гвардия была еще верна Королю; происходили стычки, и раздавались выстрелы, и говорили уже о раненых и убитых в отдаленных кварталах. У нас близ Champs-Elysées все было тихо, но все были очень возбуждены. Со всех сторон приносили нам вести, все более и более тревожные. Знакомые всяких категорий то и дело входили и выходили от нас, и некоторые русские, оставшиеся в отелях, искали у нас защиты. Многие собирались уехать из Франции. На третий день, в четверг 23-го, пронеслась весть об отречении Короля в пользу внука, графа Парижского¹⁴¹, с регентством его матери, герцогини Орлеанской¹⁴², и о бегстве его с остальной семьей в Англию. Оставшаяся в Париже герцогиня Орлеанская отправилась с сыном в палату во время заседания, чтобы представить народу нового Короля. Но при ужасном смятении молодой граф Парижский (наш ровесник) чуть не был задушен, и герцогиня-мать с трудом спаслась с ним и должна была последовать за прочими членами королевского дома в Англию. После этого события республика была провозглашена, и временное правительство учреждено. Толпа ринулась в опустевший Тюлерийский дворец. Бегство королевской семьи было так внезапно, что все сохраняло еще следы их ежедневной жизни. Много было сделано опустошений и расхищено драгоценностей. Инсургенты в блузах надевали на себя парадные атласные и бархатные платья принцесс, покрытые дорогими кружевами, и их наколки и шляпы на свои головы. В этом безобразном виде они выбегали на улицу. Трон был взят и сожжен в саду. Несшие его

¹³⁶ Мария-Амелия.

¹³⁷ Принцессы Луиза и Клементина Орлеанские.

¹³⁸ «Завтра мы не придем, потому что будет революция» (*фр.*).

¹³⁹ «Долой короля, долой Гизо!» (*фр.*).

¹⁴⁰ Национальная гвардия была создана Учредительным собранием Франции в 1789 г. для охраны общественного порядка на улицах Парижа.

¹⁴¹ Луи Филипп Орлеанский, граф Парижский.

¹⁴² Елена, герцогиня Орлеанская, урожденная принцесса Мекленбург-Шверинская.

рабочие, которые, как французы, всегда имеют *le mot pour rire*¹⁴³, говорили между собой: «*Ce sera la première fois, que le trône aura eu le soutien du peuple*»¹⁴⁴. Положение было критическое. К счастью, Ламартин, участвовавший во временном правительстве, стал его центром и своим красноречием сумел удержать порядок. Его обаяние было замечательно и способность импровизировать речи поразительна. Депутации за депутациями являлись к нему безостановочно, требуя каждая для себя известных прав. Каждую он умел отпустить спокойной и довольной. Его речь лилась широкой и блестящей, и французы, пленяемые формой, как древние афиняне, были побеждены ею. Мы, дети, были окружены этой политической атмосферой и принимали в ней участие по-своему. Имена главных лиц были знакомы нам, и предметы вожделений депутатов обсуждались при нас, открывали нам существование волнующих до сих пор современников социальных вопросов. Константин Васильевич принимал живейший интерес в развивающихся событиях. Симпатии его не были тайные, и мои родители сочли нужным просить его умерить выражение их при нас. Он повиновался, но молчаливый протест его мы отгадывали, когда в разговорах при нем касались ежедневных дел. Он бывал в клубах и на собраниях рабочих, что не могло не интересовать молодого человека. Внешним образом он выражал свои симпатии курением камфарных папирос, рекомендованных, как панацею против заразы, ярким республиканцем доктором Распайлем, впервые открывшим тогда существование микроорганизмов. Очень скоро Париж принял свой обычный вид. Только в *Champs-Élysées*, куда мы по-прежнему ходили каждый день, появились группы, человек по сорока, в блузах, которые добродушно и вяло счищали едва заметную травку в аллеях. Для этой работы достаточно было бы одного мальчика. Это были рабочие, оставшиеся без работы, которые, в силу нового принципа «*le droit au travail*»¹⁴⁵, получали от казны два франка в день за этот труд. Часто мы встречали разные депутации, идущие в ратушу со своими петициями, и иногда символические колесницы, где девицы в трико и балетных кисейных платьях, между гирляндами из бумажных цветов, изображали ту или другую гражданскую добродетель (*vertu civique*). Я заглядывалась на эти колесницы и завидовала этим дамам в их парадировании, не замечая, что они дрожали от холода в своих легких костюмах при резком мартовском ветре. На многих площадях города сажали тополи, называемые «*arbres de la liberté*»¹⁴⁶. Военные церемонии сопровождали такие насаждения, и священники благословляли их и кропили святой водой. Увы, если бы теперь вздумали возобновиться такие церемонии, то священники не были бы призваны участвовать в них. При внешнем затишье умы волновались, и все утопии развивались в брошюрах, в речах, в страстных разговорах и попадали наконец под карандаш *Cham'a* в его остроумные карикатуры. У нас их было несколько тетрадей. Признаюсь, мы больше через них познакомились с именами *Proudhon*, *Considérant*, *Enfantin* и проч. и с предлагаемыми ими рецептами для блага человечества. Все разговоры были проникнуты этими темами. Никакого правительства не существовало, спокойствие поддерживалось привычкой, но не властью. Однако масса безработных рабочих увеличивалась и представляла большую опасность, тем более что брожение среди них росло, а средства на поддержание их истощались. На параде на Марсовом поле 10 мая крайняя партия выкинула красный флаг и хотела провозгласить анархию. Тут красноречие Ламартина опять сослужило свою службу. Отстаивая трехцветный флаг, свою пламенную речь он заключил: «*Le drapeau tricolore a fait le tour du monde, tandis que le drapeau rouge n'a fait le tour que du Champ de Mars*»¹⁴⁷. Волнения успокоились до июня месяца, когда восстание

¹⁴³ остроумное словцо (*фр.*).

¹⁴⁴ «Впервые народ будет опорой трона» (*фр.*).

¹⁴⁵ «право на труд» (*фр.*).

¹⁴⁶ «деревья свободы» (*фр.*).

¹⁴⁷ «Трехцветный флаг совершил путешествие по всему свету, тогда как красный флаг путешествовал только по Марсову полю» (*фр.*).

вспыхнуло с небывалой яростью и наступили ужасные, так называемые «*journées de juin*»¹⁴⁸. Мы в это лето не ездили на дачу, ожидая каждую минуту отозвания посольства. Все наши вещи заранее были уложены. В продолжение трех дней буквально все мужское население Парижа было на баррикадах, сражаясь в том или другом лагере. Все лавки были закрыты, в каждом доме пробавлялись имеющейся провизией. Все женщины трепетали за судьбу своих мужей или сыновей, и все, мы в том числе, щипали корпию¹⁴⁹ для раненых и изготовляли компрессы и бинты. Не было различия состояния или положения, сыновья пэров и герцогов дрались наравне с другими. Постоянно слышен был отдаленный гул артиллерийских снарядов и бой барабана учащенным темпом, называемым «*la générale*»¹⁵⁰. Фантастические рассказы с ужасом передавались. Вдруг мы узнали, что убит монсеньер Affre, архиепископ Парижский. Это известие произвело огромное впечатление. Действительно, этот достойный пастырь, проникнутый высотой своего призвания, появился на баррикадах во время сражения с увещанием прекратить братоубийственную резню. Он пал, сраженный пулей, неизвестно кем направленной, но кровь его не была пролита даром. Окруженный инсургентами и солдатами, которые со слезами целовали его руки, он умер с утешением, что долг свой он свято исполнил и что жизнь свою он отдал за братьев своих. После его смерти битва прекратилась и инсургенты сдались.

Вспоминая этот эпизод, я невольно грустно сравниваю поступок monseigneur Affre с апатией, проявленной нашим духовенством во время мятежа в Петербурге, 9 января 1905 года. Как высоко могли поставить себя наши иерархи, выступая посредниками между обманутыми рабочими и православным царем. Во время всеобщего смятения одно духовенство спало мертвым сном. Из среды его одно только имя прославилось... имя Гапона¹⁵¹. Ни один из самых

¹⁴⁸ «июньские дни» (*фр.*).

¹⁴⁹ Корпия (от *лат.* сагро – щипать) – нащипанные из тряпок нитки, употреблявшиеся при перевязке ран.

¹⁵⁰ «барабанный бой, сигнал сбора» (*фр.*). Ср. в русском военном лексиконе «генерал-марш» – барабанный бой, служащий сигналом для выступления армии в поход.

¹⁵¹ Сохранилось письмо Гапона к Е.А. Нарышкиной, написанное в пору, когда он заканчивал образование в духовной академии, служил священником в приюте Общества Синего креста и преподавал Закон Божий в Ольгинском приюте для бедных. С помощью митрополита Антония и, вероятно, не без протекции Нарышкиной, летом 1903 г. он был назначен священником пересыльной тюрьмы. Приводим письмо целиком: «Ваше Высокопревосходительство, глубокоуважаемая Елизавета Алексеевна! Осмеливаюсь послать свой рассказ, скорее чистосердечную исповедь во всех своих прегрешениях, имеющих отношение к одному из приютов Синего креста. Прочитав своего рода страницу из книги моего бытия, Вы увидите (если уже не догадались) ту психологическую причину, а также представите и то психологическое состояние, в котором я очутился, желая рассказать Вашему Высокопревосходительству свое дело в общих чертах. Это – попытка избежать неизбежное, т.е. не говорить нечто худое об одном представителе общественной благотворительности, в котором я к сожалению горько разочаровался. Как-то совестно было вводить Вас в мир грязных сплетен и интриг, возросших на почве благотворительности и среди благотворителей, и в то же время как-то опасно было, защищая себя, явиться в Ваших глазах выпустившим из виду заветы Христа: не судите, да не судимы будете. Глубокоуважаемая Елизавета Алексеевна, искренне Вам говорю, все происшедшее оставило в моем сердце неизгладимый след, неизгладимое во мне впечатление. Впервые я увидел, как трудно бывает узнать людей и их дела и как, подобно испорченному, но крепкому ореху, они бывают горько-противны человеку, еще не искушившемуся в сей жизни, но раскусившему их. Впервые отверзлись мои духовные очи, и я увидел, как люди умеют ловко плыть по житейскому морю и как они, подобно летучей мыши в известной басне, то лицемерно парят в вышине, то лицемерно опускаются на грешную землю с целью якобы помочь нести тяжелый жизненный крест страждущему своему ближнему; а между тем со взором коршуна и с наклонностями вампира зорко бросают взоры вокруг себя и с талантливостью, достойной лучшего дела, зачастую когда и пред кем им нужно нагло и лживо освещая поступки и незначительные ошибки брата своего, стремятся на развалинах чужого несчастного счастья создать себе чуть ли не памятник мнимого величия и славы. Верите ли, Ваше высокопревосходительство, теперь иногда я как бы ощущаю ту страшную борьбу, которая ведется точнее не за существование прямо, а из-за создания своих собственных алтарей своему собственному пустому эгоизму; как бы слышу стоны и предсмертное хрипение побежденных. Страшно! Страшно и за себя... и думаешь, как нужно быть осторожным и осмотрительным... и невольно понимаешь, что нет у тебя поддержки более сильного и верного среди тебе подобных. Только теперь начинаешь сознавать, что такое распятый Христос для мира, давший последнему возможность хотя сказать: “Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение”. Правда, на земле пока нет мира, нет и благоволения между людьми, но сам Христос и Его Святейшая кровь служит кормчим и балластом, благодаря чему корабль человечества, плывущий среди громадных бушующих волн неверия, голода, холода, лжи, зависти, насилия... не потонет – наоборот является твердая надежда, что когда-нибудь человечество может быть уже обновленным, достигнет тихой пристани и радостно вместе с ангелами оно, увидя воочию Христа, воскликнет дивную ангельскую песнь: “Слава в Вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение”. Да будет. Да будет Спаситель и с Вами. Пусть он Всемиловитый почаще возбуждает в Вашей душе светло-тихое настроение, которое

уважаемых иерархов и самых популярных священнослужителей не поднял голоса, не пришел к этим бедным овцам, чтобы помочь им разобраться в коварных советах, которыми их искушали и толкали на гибель. Ни один не выступил, чтобы остановить их вовремя в этот роковой день¹⁵². Чем бы рисковали они? Рабочие были безоружны, а если бы пуля революционера и нашла бы одного из них, то он бы умер, подобно архиепископу Парижскому, мучеником своего христианского призвания. Но этого бы не случилось. Агитаторы поняли бы, что такое злодеяние обратило бы против них самих весь гнев народа и что их дело было бы проиграно надолго. Такая апатия не составляет характерного явления в традициях русского духовенства. Вспомним имена Св. Сергия¹⁵³, митрополитов – Алексия, Филиппа, Гермогена¹⁵⁴ и современного нам Филарета. Все они принимали участие в вопросах, волновавших общество. Даже в дни описываемого мной детства не было той пассивности перед светской властью, которая развилась особенно в последнее двадцатипятилетие. Последний пункт в катехизисе Филарета, упраздненный в новейших изданиях, был следующий: на вопрос, что должно делать, если повеление правителей явно противоречит Закону Божию, стоял ответ: надо сказать, как апостолы сказали синедриону: судите сами, кого мы должны слушаться более, вас или Бога. Такой ответ предполагает независимость в суждениях и руководство своей совестью, а не одним слепым повиновением. Духовный наставник наш Иосиф Васильевич в открытой переписке с епископом Нантским¹⁵⁵, заявившим в одном из своих посланий к пастве, что в православной церкви государь есть глава церкви, убежденно и убедительно доказывал в ряде писем ошибочность этого понятия. То же самое писал и исповедовал ученый аббат Гетте, перешедший из католичества в православие. Но с 1880 года светское влияние все более и более преобладало в решении всех религиозных вопросов, и это давление привело духовенство к атрофии своих жизненных сил. Мы стоим теперь на рубеже нового порядка вещей и среди кризиса, который может или возродить нас, или ввергнуть в пучину страшных бедствий. Откуда явится принцип возрождения

так благотворно, лучше всякого лекарства, действует и на организм человеческий. Заканчивая свое несколько многословное письмо, я осмеливаюсь сказать Вам “спасибо” за вчерашний добрый Ваш прием меня, за то, что Вы меня еще не забыли. Адрес мой: Духовная Академия, где я состою на последнем курсе. Что будет весной, когда я окончу, не знаю. Но хотелось бы остаться на службе в Петербурге. Владыка митрополит Антоний, по-видимому, не внял наветам моих врагов. Не знаю. С глубоким уважением и почитанием остаюсь. О. Георгий Гапон. 22 дек[абря]. 1902. NB. Правдивость фактов, указанных в рассказе-исповеди проверена и подтверждена негласным следствием» (печатается по: Нарышкин А.К. В родстве с Петром Великим. Нарышкины в истории России. М., 2005. С. 538—539). Гапон оставил о Е.А. Нарышкиной следующий отзыв: «Я имел случай наблюдать жизнь высшего общества и нашел ее далеко не завидной. Как в разговорах своих, так и в поступках люди эти никогда не были искренни. Вся жизнь их была нудная, скучная и бесцельная. Их интерес к благотворительности был порывист и поверхностен. ... Тем не менее, в обществе этом была женщина, которую я глубоко уважал. Это была Елизавета Нарышкина, старшая гофмейстерина при императрице, дама высшего аристократического круга, весьма любимая царем и императорской фамилией. Женщина добрая и умная, она была основательницей многочисленных благотворительных учреждений, вполне удовлетворявших своему назначению. Она часто приглашала меня к себе, и мы подолгу разговаривали. Благодаря ей я стал идеализировать императора Николая II. Она рассказала мне, что, когда он был ребенком, она носила его на руках и на ее глазах он вырос; она уверяла меня, что знает его как своих детей, и отзывалась о нем как о действительно добром, честном человеке, но, к сожалению, совершенно бесхарактерном и безвольном. В моем воображении создался образ идеального царя, не имевшего только случая показать себя, но от которого только и можно было ожидать спасения России. Я думал, что, когда наступит момент, он покажется в настоящем своем свете, выслушает свой народ и сделает его счастливым» (Гапон Г. История моей жизни. М., 1990. С. 27—28).

¹⁵² В сохранившемся фрагменте чернового варианта воспоминаний Е.А. Нарышкина пишет более определенно и резко: «Вспоминая это время, я невольно грустно сравниваю поступок *monseigneur Affre* с иным, проявленным нашим духовенством во время мятежа в Петербурге 9 января настоящего года. Как высоко могли показать себя наши иерархи, выступив посредниками между обманутыми рабочими и правительством царским. Во время всеобщего смятения одно духовенство спало мертвым сном, из среды его слышно раздавалось одно только имя Гапона. Ни о. Иоанн, который сам говорит <...> государю: “Ваш народ меня любит”, и к которому вся Россия стекалась с верой в силу его молитвы <...>, ни митрополит Антоний, очень популярный среди народа, — не подняли голоса, не пришли на помощь к этим бедным овцам, чтобы помочь им разобраться во всем» (РГАДА. Ф. 1272. Оп. 1. Д. 1088. Л. 7 об.).

¹⁵³ Имеется в виду Сергей Радонежский.

¹⁵⁴ Имеются в виду митрополиты Московские Алексей, Филипп и Гермоген.

¹⁵⁵ См.: Два письма протоиерея русской посольской церкви в Париже Иосифа Васильева к нантскому епископу Александру Жакме. СПб., 1861.

нашего?.. По моему крайнему убеждению, одна церковь может дать его, но она должна сама пробудиться и одухотвориться. В настоящем ее состоянии мы вправе спросить, как у пророка Иезекииля пред сухими костями: «Сыне человече, оживут ли кости сии?» Пророк отвечал: «Господи Боже, ты веши сие»¹⁵⁶. Кости ожили и сделались живым организмом. Надо пламенно молиться, чтобы тот дух, который совершил это чудо в видении вящего пророка, проник бы в действительности во все прекрасные, но безжизненные формы нашей великолепной обрядности и чтобы символы привели, наконец, к великим идеям, которым они служат прообразами.

Но возвратимся к моему детству. После умиротворения начали готовиться к избранию президента республики. Лето было душное, воздух в Париже испорчен миазмами человеческой крови, мы побледнели и утомились и были рады уехать в сентябре в Диепп, на морские купания. Морской воздух оживил нас. Я была в восторге от бушующего моря, разбивающего свои пенящиеся волны о скалы, и любила оглушительный рев моря при сильном ветре. Все общество сходилось на пляже, было много знакомых, и разумеется, толковали исключительно о политике. Вся Европа была охвачена пламенем революции. В Италии Король Карл Альберт воевал с австрийцами¹⁵⁷. Мы встречали каждый день мать его, княгиню Монлеар, с которой мои родители много разговаривали. Это была высокая, полная женщина с мужским голосом и седыми усиками. Ее сопровождал всегда хромой и тщедушный муж ее, много ниже ее ростом. Она была по рождению эрцгерцогиней австрийской, и Monsieur Monléart¹⁵⁸ состоял при ней в качестве слишком приближенного секретаря. Раз, во время одного свидания, находясь в опасности быть открытым, он бросился из окна ее комнаты и сломал себе ногу. Отсюда его хромота. Вследствие происшедшего скандала она вышла за него замуж; он получил титул князя, а она отрешилась от своего царственного сана и перешла в частную жизнь. Впоследствии, после ее смерти он женился на богатейшей англичанке¹⁵⁹, которая желала красоваться его титулом, но он, взяв деньги, не удовлетворил ее тщеславию и держал ее на ноге морганатической супруги. Когда она умерла и он был обладателем всего ее богатства, уже в глубокой старости он женился в третий раз на ровеснице моей, одной из первых подруг моего детства, Félicie de la Tremoille, несмотря на то что она годилась ему во внучки или в правнучки. Месяца через три он умер сам, оставив ей все свое состояние. Она надела легкий элегантный траур и стала жить широкой светской жизнью. Я была так возмущена ее поступком, что не хотела возобновить знакомства с ней и потеряла ее из виду. Из впечатлений Диеппа выдается поездка на развалины Château d'Arques, где Генрих IV одержал одну из своих знаменитых побед¹⁶⁰, после которой он писал герцогу Крильонскому: «Pends-toi, brave Crillon; nous avons combattu à Arques et tu n'y étais pas»¹⁶¹. День был дивный, чисто летний, мы долгое время плыли по реке в большой лодке, которой управляли гребцы. Река извивалась живописно между полями, лугами и лесами, меняя постоянно картину, мимо которой мы проходили. Я всегда была глубоко отзывчива к красоте природы и до сих пор чувствую отголосок восхищения этого дня. Старый замок стоял на горе, откуда открывался дивный вид. Мое воображение старалось представить себе героическую битву, как ее передают на картинах, и белый панаш¹⁶² Короля, ведущий своих воинов к победе. Он был тогда одним из моих исторических любимцев.

¹⁵⁶ Иез. 37: 3.

¹⁵⁷ В марте 1848 г. король Сардинии Карл Альберт Савойский, поддержав восстание в Милане против австрийцев, объявил Австрии войну. Его армия была разгромлена австрийцами в битве у Кустоцы 25 июля 1848 г.

¹⁵⁸ Правильно: Montléart.

¹⁵⁹ Речь идет о Луизе Катарине Кир Грант.

¹⁶⁰ Речь идет о крепости Арк XIII в. недалеко от Каркассона, возле которой французский король Генрих IV Наваррский в сентябре 1589 г. одержал победу над войсками католической лиги.

¹⁶¹ «Удаvisь, храбрец Крийон, мы сражались у Арка, а ты – нет» (*фр.*).

¹⁶² Панаш – пучок страусовых перьев, служивший для украшения шляпы или шлема.

В следующем году Константин Васильевич нас оставил. Вспоминаю о нем с глубокой благодарностью. Он положил основательное начало нашим наукам, и главное, вселил в нас охоту учиться. Мне было десять лет, когда он уехал. Мы прошли с ним всю русскую грамматику и синтаксис, географию, которой я не любила, всю древнюю историю и средневековую до Магомета, русскую историю до Петра Великого и всю арифметику до кубических корней. Кроме того, имели первоначальные понятия о естественной истории, физике и ботанике. По-французски мы учились на курсах *monsieur Colart*, где французский язык был главным предметом, также преподавалась французская и всеобщая история и география и немного арифметики, что было только повторением того, что мы учили по-русски. Начиная в первом году с элементов языка, доходили постепенно на этих курсах до филологической законченности его. Метод был вполне научен. По смерти *monsieur Colart*, эти курсы перешли к репетитору нашему, товарищу его, *monsieur Rémy*. Когда мы впоследствии переехали жить в Петербург, то великая княгиня Елена Павловна расспрашивала мамá про этот метод учения и так была заинтересована им и нашими тетрадями, которые она пожелала видеть, что поручила *m-lle Troubat*, находящейся в Париже, изучить системы их и других однородных учреждений, с целью устроить что-нибудь подобное в Петербурге. Тогда гимназии еще не существовали у нас. Известные курсы *m-lle Troubat*, хотя много разнились с парижскими, все-таки были устроены в подражание им¹⁶³.

Мой отец был артист в душе. В *La Jonchère* он занимался скульптурой, а в этом году он был поглощен живописью. У него была большая мастерская на *Rue du Faubourg du Roule*¹⁶⁴, где он проводил все свое свободное время за огромными картинами. Сколько он написал наших портретов в разных позах и костюмах, особенно портретов моей матери!¹⁶⁵ Между прочим, копию во весь рост картины *Horace Vernet*, изображающей кн. Витгенштейн, рожденную кн. Барятинскую¹⁶⁶, в средневековой обстановке, возвращающуюся в охоты. С разрешения княгини и самого художника точная копия, написанная моим отцом, была только изменена портретами лиц. Вместо княгини моя мать изображена главным лицом, а в окружающей группе мы все фигурируем вместо членов семейства Витгенштейн. Помогал моему отцу живописец Витковский. Он был одним из доморожденных крепостных живописцев моего деда. Отец заметил его во время нашего пребывания в Куракине и, плененный его талантом, испросил ему вольную и привез его с собой в Париж, где *Horace Vernet*, по просьбе его, согласился принять его в число своих учеников. Мой отец любил общество талантливых людей. Он бывал иногда у *Alexandre Dumas* в его *Château de Monte-Cristo*¹⁶⁷ недалеко от *St.-Cloud*¹⁶⁸. Его живо интересовали вопросы магнетизма, ясновиденья и проч., которые тогда только что появились, и мы часто слышали имена барона *du Potet*, *Marcillac*, *Alexis Didier* и др. Моя мать не одобряла этого занятия и тщательно нас устранила от всякого влияния их.

В этом году вся Европа страшно волновалась. Один Государь Николай Павлович стоял как величественный колосс, непоколебимый среди разъяренной бури. Его обаяние было огромное, и мы были горды за Россию. Венгерская кампания окружила его новым престижем¹⁶⁹.

¹⁶³ А.О. Труба в 1857 г. основала пансион, дававший знания на уровне гимназического образования и частично высшего образования. Здесь обучалась, в частности, дочь Ф.И. Тютчева и Е.А. Денисьевой Елена.

¹⁶⁴ На этой улице в доме № 33 в 1849—1864 гг. располагалось русское посольство.

¹⁶⁵ Девять работ (в частности, портрет княгини Ю.Ф. Куракиной и автопортрет) из усадьбы Степановское-Волосово хранятся в Тверском музее (см.: *Мойкина Е.Г.* Музей, время, вещи (К 140-летию Тверского музея) // Куракинские чтения. М., 2008. Вып. 2. С. 91—92).

¹⁶⁶ Портрет был написан О. Верне в 1837 г. и ныне хранится во дворце Сайн в Германии, неподалеку от Кобленца.

¹⁶⁷ Замок Монте-Кристо.

¹⁶⁸ Сен-Клу – пригород Парижа.

¹⁶⁹ Весной 1848 г. в ходе буржуазно-демократической революции в Австро-Венгерской империи и установления конституционной монархии Венгрия добилась создания национального правительства, парламента и собственной армии, были проведены демократические реформы. После неудачной попытки Австрии подавить демократическое движение в Венгрии, в апреле 1849 г. была провозглашена Декларация независимости Венгрии, Габсбурги низложены, а правителем страны избран

Мы жили в это лето в прелестном месте Villeneuve-l'Etang¹⁷⁰ близ Ville-d'Avray¹⁷¹. Эта дача принадлежала когда-то герцогине Ангулемской (дочери Людовика XVI) и была оставлена ею одному из верных слуг в ее изгнании, графу Decazes¹⁷². Семейство это жило в самом château¹⁷³ среди обширного парка, имеющего в окружности 200 десятин. А мы нанимали дом на краю его. Никогда не видела я более роскошной и редкой растительности: огромные тюльпановые деревья (Tulipiers) из рода платанов, с цветами, похожими на тюльпаны, магнолии, каталпа¹⁷⁴, великолепные ореховые деревья с их освежающей тенью. Там было большое озеро и над рекой, протекающей через парк, каменный мост, покрытый вьющимися пурпуровыми цветами. На берегу большие белые и розовые акации с их гроздьями душистых цветов, целые рощицы каштановых деревьев с их сладкими плодами, которые мы осенью подбирали и пекли. Собирали также массу земляники и грибов, которых никто не трогал, считая их ядовитыми. Все это было перемешано с широко раскинутыми изумрудными лугами. Всей этой роскошью добрая мать-природа щедро одарила счастливых детей, живших среди ее богатств. Decazes не обладали достаточными средствами, чтобы содержать этот огромный парк в строгом порядке. Кроме ближайших мест, около их дома и нашего, все было несколько запущено. Но это придавало еще более прелести нашему милому саду. Впоследствии, во время Второй империи Наполеон купил эту дачу и давал в ней блестящие празднества. Наш парк граничил с огражденной частью парка St. Cloud, и через небольшую дверь в каменной ограде можно было проникнуть в него.

Осенью моя мать получила известие о трагической смерти брата, князя Сергея Федоровича¹⁷⁵. Он нечаянно застрелился на охоте у родственника своего, Виктора Владимировича Апраксина, в имении Брассово, принадлежащем теперь великому князю Михаилу Александровичу. Два года перед тем он женился на княжне Ольге Алексеевне Щербатовой, но, в усугубление горя, она только что уехала с матерью к сестре кн. Васильчиковой¹⁷⁶ и по дороге узнала о катастрофе, разбившей ее жизнь. Вся семья была в отчаянии. Моя мать разделяла его глубоко. Сначала она хотела уехать немедленно в Россию, но, уступая советам своей матери, она решила повременить отъездом и дожидаться весны. Итак, весной 1850 года мы во второй раз отправились на родину, и опять морем, в этот раз из Дюнкерхена¹⁷⁷. С нами ехал наш учитель Ал. Ив. Поповицкий, сменивший Константина Васильевича. Занятия наши не прекращались, где бы мы ни были. У нас никогда не было каникул, но летом мы учились только до завтрака, т.е. до часа. Мы не знали напряжения, спешных приготовлений к экзамену, ни долгого ничегонеделания в остальное время. Мы всегда были заняты и никогда не утомлены. Кроме воскресенья и двенадцатых праздников, мы не учились только: второй день Пасхи, 6 декабря, день именин Государя, в дни рождения и именин наших родителей, и каждый из нас праздновал свои собственные именины и день рождения. Такой порядок было бы невозможно завести в Петербурге. Он показался бы там суровым, но мы нисколько не тяготились им. Не было детей более нас живых и веселых, и времени оставалось у нас довольно для всевозможных игр и движений на воздухе. Более всего наша мать ненавидела праздность и распушенность, а особенно всякий вид притворства и лжи. Мой отец говорил ей иногда, смеясь: «Vous avez un amour exagéré de

Лайош Кошут. 21 мая 1849 г. Австрийская империя подписала Варшавский договор с Россией, и вскоре в Венгрию вторглась сотысячная русская армия. При ее содействии повстанцы были разгромлены к августу 1849 г.

¹⁷⁰ Вильнев-Летан – имение в 10 км от Парижа.

¹⁷¹ Виль-д'Авре – городок, расположенный в 11 км к западу от центра Парижа.

¹⁷² С 1851 г. имение принадлежало графу Деказу. В 1852 г. его владельцем стал Наполеон III, а с 1884 г. в нем располагается Институт Пастера.

¹⁷³ замке (фр.).

¹⁷⁴ Каталпа (Catalpa) – дерево с округлой кроной, дающей много тени, с сердцевидными, очень крупными листьями, достигает 20 метров высоты, цветет крупными белыми или кремовыми с крапинками цветами.

¹⁷⁵ Князь С.Ф. Голицын (младший).

¹⁷⁶ Имеются в виду С.С. Щербатова и Е.А. Васильчикова.

¹⁷⁷ Дюнкерхен – немецкое название французского города Дюнкерк, расположенного на побережье Ла-Манша.

la verité»¹⁷⁸. Думаю, что принятая в отношении нас система способствовала к усвоению нами постепенно и без скачков того, что нам преподавалось. Обучение наше было только одна из сторон общего воспитания, приучавшая нас к внешней и нравственной дисциплине и чувству ответственности, т.е. к развитию совести.

Мы провели это лето у бабушки, княгини Анны Александровны, в Павловске на даче Лярского. Первый момент свидания после недавней утраты был, конечно, тяжел, и много было пролито слез. Но для нас, детей, снова повеяло родной радушной лаской, как в последний наш приезд. Мы познакомились с нашими молодыми тетями, вышедшими замуж за последние годы, с женами: князя Александра Федоровича, впоследствии принявшего имя своего деда князя Прозоровского, Марией Александровной, рожденной Львовой, и князя Давида Федоровича, красавицей Верой Аркадьевной, рожденной Столыпиной, и со вдовой оплакиваемого князя Сергея Федоровича, Ольгой Алексеевной. Все они проводили по несколько недель с нами. Княгиня Марья Александровна Куракина приезжала очень часто с детьми, с которыми мы крепко сдружились. Они жили на даче Волконских на островах. Все гостили у нас по несколько дней сряду, и мы также ездили к ним. Было много смеха, игр и забав всякого рода. Большие иногда принимали участие в нашей возне. Вместе со всеми Куракиными мы поехали на несколько дней в Гостилицу к тетушке Татьяне Борисовне Потемкиной. Там было много народа, как всегда. Дом был великолепен, и сад удивительно живописен, с большим обрывом, разделявшим его, и ключами холодной, как лед, воды, с фонтаном и большим озером, и содержался в совершенстве. В этот раз мы не поехали к дедушке, так как он сам собирался в Пятигорск на свое, как оказалось, последнее пребывание.

Осенью мы уехали в Париж и, к большой радости, увезли с собой Куракиных. Тетя была больна и приняла предложение наших родителей поселиться на зиму у нас. Дядя не мог оставить свой полк и приехал много позже. Чувство тяжелой скорби давило мое сердце, когда мы прощались с родными, которых я очень любила, особенно бабушку, и когда с палубы парохода «Владимир» я грустно глядела на берег родной земли, постепенно исчезающей в тумане серого осеннего горизонта. Лежа в каюте из-за морской болезни, я подбирала рифмы, чтобы выразить мое настроение в русских стихах, но выходило ужасно нескладно. Русский язык не был моим природным языком. Мы всегда говорили и переписывались по-французски, с гувернантками по-английски. Я его знала, как хорошо преподаанный иностранный язык. О народной жизни мы не имели ни малейшего понятия. Когда мы учили наизусть стихи Кольцова, например, «Ну тащися, сивка...», приходилось учителю разъяснять смысл почти каждого слова¹⁷⁹, и все-таки мы не имели ясного представления о жизни, так далеко стоящей от нашего кругозора. Но я страстно, инстинктивно любила все русское. Зачитываясь хрестоматией Галахова¹⁸⁰, я знала наизусть почти все стихи в ней, отрывки из «Полтавы», «Руслана и Людмилы» и проч., восторгаясь героизмом нашего народа в отечественную войну, увлекалась записками Михайловского-Данилевского¹⁸¹. История Пересвета и Осляби, монахов, идущих на бой против угнетающих нас татар, выражения «Святая Русь», «христолюбивое воинство» представляли моему уму соединение идеи церкви и отечества. Мне казалось, что наша армия должна быть как фаланга святых, вроде армий первых христиан при Константине¹⁸², и что, подобно ей, она должна быть

¹⁷⁸ «У вас преувеличенная любовь к истине» (фр.).

¹⁷⁹ Первые строчки «Песни пахаря» А.В. Кольцова, написанной в 1831 г.: «Ну! тащися, сивка, / Пашней, десятиной, / Выбелым железо / О сырую землю...»

¹⁸⁰ Имеются в виду «Полная русская хрестоматия, или Образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей» А.Д. Галахова, впервые изданная в 1843 г. и выдержавшая более 30 изданий.

¹⁸¹ См.: Михайловский-Данилевский А.И. Записки о походе 1813 года. СПб., 1834; *Он же*. Записки 1814 и 1815 годов. СПб., 1832.

¹⁸² Христиане составляли часть армии римского императора Константина Великого, который сделал христианство государственной религией.

осенена святым знаменем креста, с обещанием: «Сим победиши». Эту врожденную любовь ко всему русскому я отношу к атакизму, оставшемуся во мне от долгого ряда предков, всегда имевших близкое соприкосновение с народом. Вспоминая рассуждение нашего гениального писателя¹⁸³ по поводу русской пляски Наташи в художественном романе «Война и мир», думаю, что во мне происходило что-нибудь подобное.

Отец мой приехал сюрпризом к нам в Штеттин, к большой нашей радости. Вместе мы уехали в Берлин, где остановились на несколько дней, и скоро приехали в Париж. Но только что мы устроились дома, как получилось тревожное известие о здоровье моего деда, и отец, глубоко пораженный, почти тотчас же собрался назад в Россию. Однако не застал уже в живых своего отца и почти сразу уехал в Харьков, чтобы поклониться его могиле. Его отсутствие было продолжительно. Дела были страшно запутанны. Приходилось платить огромные долги, особенно по дарственным записям. Попечительство все еще длилось. Лет пятнадцать оно еще продолжало свои действия до конечной ликвидации всех долговых обязательств. Нас всех облекли в глубокий траур, и мамá, понятно, никуда не выезжала. Мы же продолжали нашу детскую жизнь, сделавшуюся еще оживленнее от присутствия трех лишних гостей. Вместе с ними нас было семеро, и они разделяли все наши обычные забавы. Я продолжала учиться с Борисом и подвигаться на курсах *monsieur Rémy*. Раз нам дали как тему сочинения описание события, наиболее поразившего нас в нашей жизни. Одна девочка описала, как у нее вырвали зуб, *Olga de Lagrenée* о виденных ею пирамидах, а сестра ее *Gabrielle* о Китае, где отец их был посланником¹⁸⁴. Я же написала о первом нашем приезде в Россию и о чувствах, волновавших меня тогда. Мое сочинение имело неожиданный для меня успех. Вероятно, оно было написано тепло. Его читали вслух при всеобщем одобрении. Мамá переписала его и послала в Петербург к бабушке. Другой раз нам задали писать во время урока о летнем вечере, предоставив нам для сего 20 минут. Никакая тема не могла быть для меня симпатичнее, так как я любила природу и чувствовала глубоко ее прелесть. Я быстро написала свое сочинение, которое и в этот раз оказалось лучше прочих, *m. Rémy* прочитал его с видимым одобрением, расхвалил и в заключение сказал, смеясь: «*Et qu'on nous dise après cela, que les Russes sont des Cosaques!*»¹⁸⁵ Но не всегда была такая удача. Нам давали самые разнообразные темы, например, по случаю того, что президент принц Наполеон, желая оградить себя от возможности постройки баррикад, на что употреблялись крепкие кубические камни парижской мостовой, начал везде заменять эту мостовую родом шоссе под названием макадама, нам задали писать диалог: «*Le macadam et le pavé*»¹⁸⁶. Сколько помнится мне, мой успех был сомнителен.

Кажется, я не сказала в этих беглых записках, что главные кандидаты на выборы в главы государства были: принц Людовик-Наполеон и суровый республиканец Кавеньяк, как президенты республики, и герцог Бордосский, которого легитимисты метили в короли, под именем Генриха V. Всюду распространялись гимны и статьи в честь каждого из этих кандидатов от их приверженцев и столько же насмешек над ними со стороны их политических врагов. Так вспоминалось, что при первой высадке в *Boulogne* в царствование Луи-Филиппа принц Наполеон, желая произвести впечатление на умы народа, выдумал приручать орла, который прилетал на его плечо во время гулянья на пляже¹⁸⁷. Масса карикатур изображала этот инцидент. Много позже, в 1870 году, во время агонии Второй империи, Рошфор упомянул об этом эпизоде в первой своей речи по избрании своем в депутаты одного из парижских округов. Вот подлинные его слова, произнесенные в палате: «*Le chef de l'état a cru devoir ricaner quand on a appelé mon*

¹⁸³ Имеется в виду Л.Н. Толстой.

¹⁸⁴ Речь идет о Т.-М. Лагрене.

¹⁸⁵ «И после этого пусть попробуют нам сказать, что русские – это казаки» (*фр.*).

¹⁸⁶ «Мошение дорог щебнем и мошение дорог камнем» (*фр.*).

¹⁸⁷ Луи-Наполеон, высадившись в 1840 г. в Булони, пытался захватить власть, но был схвачен солдатами. Его судили и заточили в крепость, где он пробыл 6 лет.

nom à l'audience. Si ridicule que je sois je ne me suis jamais promené sur la plage de Boulogne avec un aigle sur mon épaule et un morceau de lard dans mon chapeau»¹⁸⁸. Несмотря на все сарказмы, Наполеон был избран подавляющим большинством голосов и укоренился на своем посту, все более и более принимая положение царственного лица. Предчувствовалась уже возможность империи. С русским посольством Наполеон был особенно предупредителен по политическим своим расчетам, страстно желая сближения с нашим Государем, и моя мать, как единственная дама посольства, была окружена его вниманием.

Летом мы опять жили в нашем прелестном Villeneuve-l'Étang. Мои родители нередко ездили оттуда на обеды к президенту, проводившему осень в St.-Cloud. Тетя уехала на лечение в Пиренеи, а ее дети остались у нас. Нам подарили маленькую лошадку с экипажем, каждый из нас попеременно был ее хозяином и имел право ею править и приглашать седоков. Мы ездили на ней каждый день в St.-Cloud на купанье в Сене. У нас тоже был осел Charlotte. Моя мать любила бесконечные прогулки пешком. Из нашего дома через дивные леса, почва которых была покрыта лиловыми цветами вереска (*bruyère*), мы доходили иногда до Версаля и возвращались обратно, остановившись там у знакомых. Мы брали с собой Charlotte и попеременно садились на нее, отдыхая как бы на передвижной скамейке. Мамá же все время шла своим ровным шагом, восхищаясь движением, воздухом, природой. В течение всего лета бывали в окрестностях Парижа так называемые *fêtes*¹⁸⁹. Особенно красивы были эти *fêtes* в St.-Germain и в St.-Cloud. Между рядами лавок, изящно убранных игрушками, пряниками, *sucre d'orge*-ами¹⁹⁰, лотереями, были игры всякого рода, балаганы с разными представлениями, кухни на воздухе, где чисто и аппетитно приготавливали разные фритюры и знаменитую *galette du Gymnase*¹⁹¹. При каждом новом испечении ее раздавался звонок, и все, отвечая на него, получали за 10 сантимов кусок, угол которого был завернут в бумагу для сохранения перчаток и выдавался поварами в белоснежных куртках. И все было весело, полно добродушия и остроумия, без всякой толкотни. Вечером бывали для народа балы на лугах. Мы иногда смотрели, как танцевали. Моему отцу так понравился этот род веселья, что он устроил такие *bals champêtres*¹⁹² у нас, на широкой луговине около дома. Были также фейерверки. Вообще он любил простой народ и легко общался с ним. Несмотря на республиканские веяния, они все были очень почтительны к нам. В это лето приехало в Париж семейство Кутузовых. Графиня, рожденная Рибопьер¹⁹³, была близкая родственница моей матери. Они поселились в Ville-d'Avray, в недалеком расстоянии от нас, и мы виделись ежедневно. Сыну их Саше¹⁹⁴ было 5 лет. Я начала учить его азбуке и письму, и впоследствии говорила ему, что он мне обязан основанием своих знаний. К графине Кутузовой приехала ее сестра, графиня Brassier de St.-Simon, которую звали Мими. Муж ее был прусским посланником в Швеции¹⁹⁵. Они обе прекрасно пели. Это лето было особенно музыкально, и к нам собирались почти каждый вечер. Балабин, товарищ моего отца (впоследствии посол в Вене), имел прекрасный слух и играл бесконечно наизусть. Мой отец тоже. Князь Алексей Михайлович Дондуков-Корсаков только что сменил другого секретаря, князя Алексея Борисовича Лобанова, родственника и друга моего отца (впоследствии он был министром иностранных дел). Княгиня Дондукова была великолепная пианистка, одна из первых учениц Гензельта. Я восхищалась всей этой музыкой, особенно когда милая и плени-

¹⁸⁸ «Глава государства счел своим долгом ухмыльнуться, когда на заседании произнесли мое имя. Каким бы смешным я ни был, но я никогда не прогуливался по пляжу в Булони с орлом на плече и с куском сала в шляпе» (*фр.*).

¹⁸⁹ гуляния (*фр.*).

¹⁹⁰ леденцами (*фр.*).

¹⁹¹ гимназическую лепешку (*фр.*).

¹⁹² сельские балы (*фр.*).

¹⁹³ Имеется в виду С.А. Голенищева-Кутузова.

¹⁹⁴ А.В. Голенищев-Кутузов.

¹⁹⁵ Имеется в виду граф И. Брасье де Сен-Симон-Валлад.

тельная графиня Кутузова пела своим прекрасным контральто. Меня тоже заставляли играть. Конечно, с технической стороны мой талант был в зародыше, но я имела своеобразное понимание и чувство музыкальных мотивов, и княгиня Дондукова говорила, слушая меня: «Как это странно, она играет, как большая». Некоторые из моих пьес мой отец заставлял меня повторять до пяти раз кряду, так нравилось ему мое исполнение.

Надо сказать, что музыка служила мне в то время проводником смутных волнений, наполнявших мою душу непонятной тревогой. Я читала с моей матерью мой первый роман. Это был добродетельный девический роман – но все-таки роман, и он открыл неисчерпаемый источник мечтаний и желаний какого-то неопишемого счастья. Досуга для мечтаний и самосозерцания у нас было мало, так как правило моей матери было то, что девочки должны быть настолько заняты, чтобы не иметь времени думать. Но в перерывах между уроками я бегала в сад, садилась на качели и, мягко покачиваясь, предавалась своим грезам. Что понимала я в любви?.. Конечно, ничего; так как нельзя было иметь воображения более чистого и невиннее моего. Но мне казалось, что это таинственное слово открывает доступ ко всем блаженствам мира, подобно тому, как другое слово – смерть, в моем представлении, должно было приподнять завесу на все блаженства другого мира. Это последнее впечатление родилось во мне давно. Читая в любимой мной хрестоматии Галахова письмо Жуковского о смерти Пушкина, когда перед его застывшим навсегда ликом он готов спросить у него: «Что видишь, друг?» И над этим вопросом мое воображение напрягало все усилия, стараясь проникнуть в неразрешимую тайну. Любви я не знала и смерти еще никогда не видела, и мечты мои роились в пустом пространстве моей не начинавшейся еще жизни.

Около того времени родилась у графини Кутузовой дочь Мария¹⁹⁶. Теперь она состоит камер-фрейлиной Императрицы Марии Федоровны. Мой отец был восприемником вместе с графиней Brassier, и мы, дети, присутствовали при крестинах. В этом же году приехало в Париж семейство Паниных¹⁹⁷, близких друзей моих родителей. Граф Виктор Никитич слишком известный государственный человек, чтоб я о нем распространялась. Он был тогда министром юстиции. Графиня была слаба здоровьем и по этой причине осталась два года в Париже с детьми – четырьмя дочерьми и сыном. Мы сблизились с ними на всю жизнь. Моя подруга была вторая дочь Eugénie, прелестное существо, похищенное смертью от чахотки в 1869 году¹⁹⁸. Старшая, Ольга, впоследствии графиня Левашева, была блистательного ума и недюжинных способностей. На курсе М. Rémy, куда они поступили, следуя нашему примеру, она была впереди всех и была объявлена hors de concours¹⁹⁹. Они были старше меня и потому ходили на курсы высшие, чем мои, а две последние – на низшие. Графиня Левашева хорошо памятна всему Петербургу. Ее приемы в собственном доме на Фонтанке и в прелестном загородном имении Осиновая Роща²⁰⁰ собирали вокруг нее лучшие силы петербургского общества. Она много читала и была более других в курсе современной политики. Ее правдивость, горячность убеждений приобрели ей несколько искренних друзей и заставляли уважать ее даже тех, которые не разделяли ее слишком либеральных мнений. Она скончалась весной 1904 года после короткой болезни, в которой она проявила всю силу духа и христианскую непоколебимую веру. Ее смерть горестно отозвалась в моем сердце. Более пятидесяти лет постоянных дружеских отношений связали нас неразрывными узами. Из всей многочисленной семьи Паниных

¹⁹⁶ М.В. Голенищева-Кутузова.

¹⁹⁷ В.Н. Панин, граф, его жена Наталья Павловна и их дети: Ольга, Евгения, Леонилла, Владимир, Наталья.

¹⁹⁸ Ошибка: Е.В. Панина умерла 11 декабря 1868 г. (см.: Саитов В.И. Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 3. С. 354).

¹⁹⁹ вне конкуренции (*фр.*).

²⁰⁰ Мыза Осиновая Роща была расположена в 23 км от Санкт-Петербурга, на развилке Выборгского и Приозерского шоссе. В первой половине XIX в. перешла к киевскому, волынскому и подольскому губернатору, генерал-лейтенанту В.В. Левашеву. В имении был построен дворец по проекту архитектора В.И. Беретти. В 1991 г. дворец был уничтожен пожаром, сохранились только флигели и часть галереи.

осталась теперь третья дочь, графиня Комаровская, и вдова сына, графа Владимира Викторовича, вышедшая замуж вторым браком за Петрункевича²⁰¹. Единственная наследница огромного состояния Паниных, дочь ее, вышедшая замуж за Половцова и после развода с ним принявшая опять свою девичью фамилию, графиня Софья Владимировна Панина употребляет все свое богатство и молодую жизнь на дела широкой социальной благотворительности. Зимой мы часто виделись с Паниными. Куракины взяли квартиру в нашем доме. У них, у нас, у Паниных, у Кутузовых бывали детские балы. Как мы веселились на этих незатейливых вечерах и как усердно танцевали под звуки музыки неизменного нашего тапера поляка Шиманского! На одном из них я помню молодого кавалергарда Пашкова, приглашенного старшим его товарищем, моим дядей князем Александром Борисовичем. Из учтивости он сделал со мной и двоюродной сестрой Лизой²⁰² несколько туров вальса. Впоследствии я его знала проповедником христианского учения и основателем секты пашковцев. Но об этом после. Между многочисленными нашими обычными гостями княгиня Меншикова выделялась своим блестящим умом. Мой отец любил с ней разговаривать и смеяться. Блестки остроумия каждого из них составляли фейерверк живых речей. Чтобы не мешать их перекрестному огню, когда княгиня Меншикова у нас обедала, мамá нас отправляла наверх, что также было заведено, когда давали званые обеды. В эти дни мы появлялись в гостиной после десерта. Был тоже веселый и остроумный двоюродный брат моей матери князь Сергей Григорьевич Голицын, прозванный Фирсом, со своей женой, рожденной графиней Езерской. Мы были дружны с его сыном Гри-Гри и с дочерьми Жюли и Мари²⁰³. Они были воспитаны в религии и национальности их матери²⁰⁴, тогда как сыновья были православные и воспитывались в России. Кузины приходили к нам на уроки рисования. У нас был отличный учитель Daméru школы Paul Delaroché. Князь сочинял стихи, романсы и был прекрасным музыкантом. Нередко после обеда он брал аккорды на фортепиано, находил по слуху аккомпанемент к русским романсам и направлял хор, в котором участвовали он сам, его жена, графиня Брассье и графиня Кутузова, и все было гармонично и мило. Меня русские мотивы приводили в восторг. Лето мы проводили в окрестностях С[ен]-Жермена на даче под названием Maison Verte²⁰⁵. У нас был очень большой сад с горкой, откуда открывался прелестный вид на покатую плантацию виноградников и на широкую даль. В саду был павильон, служащий нам учебной комнатой. От него спускался огород, куда разрешалось нам бегать между уроками. Из-за нас поселилась в это лето в С[ен]-Жермене княгиня Марья Аркадьевна Вяземская со своими детьми. Муж ее, князь Павел Петрович, сын знаменитого поэта, князя Петра Андреевича, был членом посольства в Гааге. Она должна была оставить этот город вследствие погрешности в этикете, которую она, по рассеянности, совершила, именно: на Пасхальной заутрени она подошла к кресту прежде Королевы Анны Павловны. По придворным и дипломатическим понятиям это составляет une énormité²⁰⁶. Королева была так ошеломлена этим поступком, что потеряла обычное у царственных лиц самообладание и громко ей сделала выговор. Вследствие сего княгиня уехала из Гааги, а князь там остался до передачи места своему преемнику. Впоследствии я была готова благословлять Королеву за этот инцидент, так как он привел меня к сближению со старшей дочерью княгини от первого ее брака, Марией Бек. Это была моя первая сознательная дружба, которой я предавалась со всей восторженностью моей натуры, встретивши наконец в другой душе отголосок всех своих пламенных мечтаний. Мери, как ее звали, была редко одаренная личность. Очень молодой она вышла замуж за графа

²⁰¹ А.С. Панина.

²⁰² Имеется в виду княжна Е.А. Куракина.

²⁰³ Упомянуты С.Г. Голицын, его жена Мария Ивановна и их дети: Григорий (Гри-Гри), Юлия (Жюли), Мария.

²⁰⁴ Полька по национальности, она была католичкой.

²⁰⁵ Зеленый дом (*фр.*).

²⁰⁶ недопустимый поступок (*фр.*). Об этом случае см.: Заметки и дневники Л.В. Дуббельта // Российский архив. М. 1995. Т. 6. С. 169.

Ламздорфа и умерла 27 лет от роду, оставляя за собой долгий след поэтических воспоминаний. Князь Петр Андреевич посвятил ей некоторые из своих лучших стихов²⁰⁷, о ней писали некрологи, и память ее является как бы окруженной ореолом поэзии и грусти. Тогда она была милая девочка 13 лет, веселая и живая, одетая очень просто, как и мы, и без всяких претензий на светскость. Только в наших интимных беседах, когда мы вместе упивались стихами Ламартина и некоторых английских поэтов, можно было узнать ее природное настроение. Сестра ее, Вера, была более *terre à terre*²⁰⁸. Она подружилась с моей сестрой, и дружба эта длится до сих пор, несмотря на то, что она почти всегда живет за границей, поселившись здоровья ради в Арко²⁰⁹, на берегу Гардского озера²¹⁰. Она вышла за князя Горчакова²¹¹, и сын ее успел уже жениться, развестись с женой²¹² и жениться во второй раз. Мери и Вера были дети первого брака Марии Аркадьевны, рожденной Столыпиной и родной сестры Веры Аркадьевны, сделавшейся моей тетей по выходе замуж за брата моей матери князя Давида Федоровича Голицына. Они обе были выдающейся красоты, равно как и третья сестра, Екатерина Аркадьевна Кочубей, умершая в молодых годах. От второго брака были тогда две миленькие девочки, одна будущая графиня Шереметева²¹³, а другая Александра Павловна Сипягина. Мы виделись каждый день, устраивали спектакли с ними и с другим семейством, англичанами Blount, с которыми мы были давно дружны и которые жили летом в С[ен]-Жермене. Было большое удовольствие выбирать пьесы, распределять роли, сходиться на репетициях. В верхнем этаже нашего дома была комната под библиотеку, где было удобно устраивать сцену. Мы писали декорации с помощью одного художника М. Vinout. Все это было страшно весело. После одного из таких представлений у нас был настоящий бал, где мы, подростки, танцевали вместе с взрослыми. Была иллюминация, фейерверк, ужин. Между гостями был князь Лобанов, очень приятный и умный моряк, сделавший кругосветное путешествие на своей яхте и принесший с собой интересный альбом с рисунками собственного изделия. Его яхта стояла в Гавре, и он устроил на ней *partie de plaisir*²¹⁴, на которую пригласил несколько дам, в том числе мою мать, но она отказалась от этой поездки, и мой отец отправился один. Помню умный разговор князя Лобанова, когда он сидел с нашей матерью, в нашем саду под роскошной сенью векового дуба, распустившегося перед домом. В это лето я начала два раза в неделю ездить верхом. Это было и долго оставалось для меня первым удовольствием. Мы ездили втроем: мои оба брата и я. У Бориса была своя лошадь, которая выделявала удивительные прыжки. Для меня и для Феди нанимали лошади в *manège d'amateurs*²¹⁵ некоего Ravelet на террасе. Мы ездили одни, без всякого присмотра и исчезали в огромном *forêt* на два часа и более. Удивляюсь, что наша мать не боялась отпустить нас таким образом, не зная даже, в какую сторону мы поедем. Иногда ездили до *Malmaison*²¹⁶, иногда до маленького города *Poissy*²¹⁷, откуда привозили коробки с известным местным лакомством, называемым *sucre-tors*²¹⁸. Коробки эти купцы привязывали к нашим седлам. Как мы любили наши поездки. Нам было так безгранично весело, что они

²⁰⁷ См.: Вяземский П.А. Памяти графини М.И. Ламздорф. Стихотворения, посвященные ей. СПб., 1890.

²⁰⁸ посредственной (*фр.*).

²⁰⁹ Арко – небольшой городок в северной оконечности озера Гарда. Благодаря мягкому климату в 1872—1925 гг. был известным курортом.

²¹⁰ Гарда (Lago di Garda) – самое большое озеро в Италии, расположенное на севере страны, у южного подножия Альп.

²¹¹ Имеется в виду Д.С. Горчаков.

²¹² Княгиня С.Д. Горчакова.

²¹³ Графиня Е.П. Шереметева.

²¹⁴ увеселительную прогулку (*фр.*).

²¹⁵ любительском манеже (*фр.*).

²¹⁶ Мальмезон – замок в 14 км от Парижа, резиденция Наполеона I Бонапарта и императрицы Жозефины, которая там похоронена.

²¹⁷ Пуасси – парижское предместье.

²¹⁸ витой сахар (*фр.*).

оставили во мне яркое воспоминание до сих пор. Гигантские деревья, окаймляющие зеленые и широкие дороги, по которым было так удобно и мягко скакать галопом, простирались далеко, далеко, исчезая в синеве как бы океана деревьев. Не очень давно, в 1901 году, сопровождая их величества в их поездке в Компьен²¹⁹, я получила то же впечатление от тамошнего леса, который напомнил мне столь знакомую моему детству Forêt de St.-Germain²²⁰. Вблизи от него был прекрасный Château Du Val²²¹, принадлежащий герцогине De Poix. Катаясь с нашей матерью в коляске, мы заезжали к ней и любовались ее роскошными цветами. Бывали также в Chambourcy²²² у герцогини De Gramont, очень важной, красивой и ласковой дамы, приятельницы моей матери. Наша гувернантка Mrs. Hall была прежде при ее уже взрослых дочерях²²³. Это составляло род связи между нами, несмотря на большую разницу в годах. Графиня Кутузова провела у нас с детьми несколько недель во время отсутствия своего мужа. Ее присутствие всегда приносило оживление и музыкальный элемент. Я так желала петь и так обрадовалась, когда она, испробовав мой голос, обнадежила меня, сказав, что он годится для пения. Но, увы, ничего из него не вышло. Думаю, что я испортила зачаток его, если он и существовал, утомив его прежде времени. Бегая к фортепиано во все свободные минуты, я пела все большие арии и романсы, которые мне попадались, у нас их была большая коллекция, и я вдохновлялась словами столько же, как и мотивами. В моем изучении французского языка я в то время дошла до сложных правил стихотворения. Это познание было мне очень полезным, так как оно дало рамки моим поэтическим «творениям», и я стала выражать свои мечты в правильной форме. Осенью к нам приехала подруга детства моей матери Марья Сергеевна Бутурлина, рожденная княжна Гагарина, с детьми²²⁴. Они были воспитаны на русский лад, т.е. были разнузданны, недисциплинированы и непослушны донельзя. Но были добрые дети, особенно Сергей, старший и любимец матери. Они гостили у нас некоторое время.

Между тем политическая жизнь не останавливалась. Уже 2 декабря 1851 года принц Наполеон совершил свой *coup d'état*²²⁵ и провозгласил себя пожизненным президентом. По странной случайности, как и накануне февральской революции, мои родители провели в Елисейском дворце вечер 1 декабря. Президент оставлял по временам своих гостей и уходил в свой кабинет, где, как оказалось, он давал распоряжения на следующий день. Потом возвращался в залы и разыгрывал роль любезного хозяина. Самообладание его было удивительное. Никто не имел ни малейшего подозрения о готовящемся событии. На другой день было масса арестов, и войска энергично и жестоко подавляли несуществующий бунт, признак которого был нужен президенту как предлог, чтобы сбросить все ограничения и утвердить свою власть. От пожизненного президентства до империи – шаг был невелик, и мало-помалу правительство готовило общество к этой мысли. Наш посланник Николай Дмитриевич Киселев был вызван в Петербург для личного доклада и совместных соображений, и мой отец остался в Париже как поверенный в делах. Осенью 1852 года президент предпринял путешествие по югу Франции. Почва была подготовлена, и его всюду встречали с энтузиазмом и криком «Vive l'Empereur!»²²⁶ Въезд его в Париж был настоящим триумфом. Он принимал все овации с видимым удовольствием и довершил общий восторг провозглашением, что «l'Empire c'est la

²¹⁹ С 18 по 21 сентября 1901 г. император Николай II с императрицей Александрой Федоровной пребывали с официальным визитом во Франции, посетив Реймс, Дюнкерк и Компьень, присутствовали на маневрах армии и флота.

²²⁰ Сен-Жерменский лес (фр.).

²²¹ Замок Дюваль был построен в 1669 г.

²²² Шамбурси – владение в 25 км к западу от Парижа, в 1848 г. было приобретено министром иностранных дел при Наполеоне III, герцогом Антуаном де Грамоном.

²²³ Герцогини Аглая и Леонтина де Грамон.

²²⁴ Дети С.П. и М.С. Бутурлиных: Сергей, Александр, Дмитрий, Софья. Дочь Варвара умерла в детстве.

²²⁵ государственный переворот (фр.).

²²⁶ «Да здравствует император!» (фр.).

раix»²²⁷. Никогда слово, которое, по выражению Талейрана, дано человеку для того, чтобы скрывать свою мысль, не оправдало более этого назначения и не выражало менее правды. Вместо обещанного мира, со времени наступления империи, непрерывные войны привели Францию к большому триумфу сначала и к Седанской катастрофе впоследствии²²⁸. По принятии императорской короны вопрос поднялся, под каким именем будет царствовать новый обладатель Франции. Louis Napoléon I²²⁹ указывало бы на основание новой династии, что разрушило бы престиж наполеоновской идеи. С другой стороны, имя Наполеона III противоречило решению Венского конгресса, упразднившего навсегда династию Наполеонов, так как выбранная новым Императором цифра III подразумевала существование непосредственно после Наполеона I права на царство герцога Рейхштадтского, называемого Наполеоном II. Поэтому было немало толков и споров в дипломатическом мире и вокруг нас. Мой отец в своих депешах горячо ратовал за признание совершившегося факта и за дарование согласия на избранное новым Императором имя. Предстал вслед затем очень важный вопрос о титуловании его другими монархами. Перепишу по этому поводу несколько строк из моего дневника, написанного в 1854 году по возвращении нашем в Россию, по поводу разговоров о наступившей Крымской войне. «27 Septembre 1854. Hier soir on a causé au salon de la guerre. On aurait pu l'éviter avec la France, c'eût été un ennemi de moins. Papa raconte qu'à un bal à St. Cloud, Napoléon III ayant pris Kisselëff à part dans l'embrasure d'une fenêtre lui dit: "Ecoutez, si votre maître répond aux avances que je lui fais, s'il me donne le titre de frère, je suis prêt à être pour lui un ami fidèle. Alors je m'arrangerai avec l'Angleterre pour laquelle j'ai de l'éloignement, mais s'il m'humilie, s'il me traite comme il a traité mon prédécesseur, je me jette dans les bras de l'Angleterre et je ne réponds plus des conséquences". Kisselëff, pendant son séjour à Pétersbourg, voulant plaire au comte Nesselrodé, qui haïssait les Bonaparte et avait combattu les bonnes dispositions de l'empereur Nicolas, et il avait conseillé de n'user que de politesse en lui donnant le titre d'ami. Le lendemain de sa conversation de St.-Cloud, il reçoit la dépêche qui donnait ce titre à l'empereur des Français. Il s'y attendait, puisque c'était lui qui l'avait conseillé. Il en fut au désespoir, mais cela ne servit à rien et il dut communiquer à Napoléon l'ordre de son souverain dont toute la Russie déplore les funestes conséquences»²³⁰.

Но мы забегаем вперед. Начинаясь образовываться двор, этикет, мундиры, волнение поэтому и выборы первых придворных чинов носили характер поспешности и какого-то вольного переодевания. Придворные обычаи, если имеют какую-либо ценность, то в силу традиции и как символы чего-то установленного веками. Новоиспеченная важность заставляла улыбаться лиц, привыкших к старым монархиям, и критики и насмешек было много в первое время. Сравнивали новый двор с двором Императора Сулука и Королевы Томаре²³¹, цар-

²²⁷ «Империя – это мир» (*фр.*).

²²⁸ Франция участвовала в Крымской войне с Россией в 1853—1856 гг., в 1859 г. в результате войны с Австрией она получила Ниццу и Савойю, предприняла удачные экспедиции в Китай (1857—1860), Японию (1858), Аннам (Вьетнам) (1858—1862) и Сирию (1860—1861). Но во время развязанной Наполеоном III Франко-прусской войны 1870—1871 гг. французская армия была разгромлена 2 сентября в битве при Седане, а Наполеон III сдался в плен. В сентябре император был низложен и провозглашена Третья республика.

²²⁹ Луи-Наполеон I.

²³⁰ «27 сентября 1854. Вчера вечером в гостиной говорили о войне. Можно было бы избежать войны с Францией, и у нас стало бы одним врагом меньше. Папа рассказывает, как на балу в Сен-Клу Наполеон III, отведя Киселева в сторону к проему окна, сказал ему: "Послушайте, если ваш Государь ответит на предложения, которые я ему делаю, если он мне дарует звание брата, то я готов стать его верным другом. Тогда я улажу дело с Англией, к которой чувствую неприязнь, но если он меня оскорбит, если он будет со мной обращаться так, как обращался с моим предшественником, то я брошусь в объятия Англии и за последствия больше не отвечаю". Киселев во время своего пребывания в Петербурге, желая понравиться графу Нессельроде, который ненавидел Бонапартов и боролся с добрыми намерениями Императора Николая, советовал в качестве дани вежливости даровать ему звание только друга. На следующий день после своего разговора в Сен-Клу он получил депешу, которая давала звание друга французскому Императору. Киселев ожидал этого, поскольку сам это посоветовал. Он был в отчаянии от этого, но все было бесполезно, и он обязан был передать Наполеону III приказ своего Государя, гибельные последствия которого оплакивает вся Россия» (*фр.*).

²³¹ Правильно: Помаре.

ствовавшими над какими-то отдаленными африканскими островами и захотевшими устроить свои дворы по-европейски. Было много карикатур по этому счету. Однако Государь Николай Павлович, признав Наполеона, разрешил русским по желанию представляться к новому двору. Моя мать составляла списки дам и представляла их. В эту зиму приехало в Париж семейство Воронцовых. Графиня Александра Кирилловна²³², дочь Марии Яковлевны Нарышкиной, была подругой детства моей матери. С ней были ее дети: Илларион Иванович²³³, нынешний наместник Кавказа, тогда товарищ моего брата Бориса, и графиня Ирина Ивановна²³⁴, только что помолвленная за кн. Паскевича. Моя мать предложила графине представиться и получила от нее следующий ответ, который я и теперь помню, как все помню: «Ma chère Julie, ni mon mari, ni moi, ni ma fille, ni ma nièce, ni le pr. Paskévitch, nous ne voulons être présentés à sa majesté Soulouque I»²³⁵, и проч. и проч. в этом духе. Однако впоследствии она переменила намерение и пожелала поехать к Императору. Мамá ее представила. Наполеон любезно сказал ей: «Vous arrivez de Berlin, madame. Comment avez-vous trouvé le roi de Prusse?» Она ответила: «Sire, c'est toujours la même chose, c'est une petite boule sur une grosse boule». Он улыбнулся и сказал: «Alors c'est une brioche?»²³⁶ Ей так понравился этот ответ, что он сразу попал в число ее любимцев. С тех пор она везде его восхваляла, и о Сулуке не было больше речи. Вот какие пустяки способствуют общественному мнению.

Уже с предшествующего года приехала в Париж графиня Монтихо с дочерью. Она была вдова испанского гранда²³⁷, очень родовитого, но не знаю, по каким обстоятельствам лишившегося своего богатства. Сама была ирландка, не из особенно аристократической фамилии. Говорили про нее, что она умна и что она хочет пройти в парижское высшее общество. Дочь ее, молодая Евгения, была замечательной красоты. Ею уже восторгался герцог Омальский, когда он ездил в Испанию на бракосочетание брата своего герцога Монпансье с испанской инфантой²³⁸ и написал с нее портрет верхом в андалузском костюме на фоне скалистых гор. Этот портрет впоследствии красовался в витринах всех магазинов художественных вещей. Она резко отличалась от типа современных ей парижских девиц. Она ездила верхом, вела дружбу с мужчинами и была близка с дамами довольно двусмысленной репутации. Между ними главная ее подруга была маркиза de Contades, дочь фельдмаршала de Castellane, оставившего интересные мемуары²³⁹ за долгий период времени, начиная с кампании 12-го года. Она имела вообще огромный успех. Приглашенная с матерью на пребывание в замке Compiègne²⁴⁰, она была центром внимания особенно Императора Наполеона, который сильно влюбился в нее. Не решаясь жениться на ней, так как он не терял еще надежды связать себя родственно с царскими домами, он сделал ей предложение, которое она с негодованием отвергла. Ее друг M-me de Contades, которой она поверила этот эпизод, высказала ей свое неодобрение, прибавив: «Eh, ma chère, il vaut mieux avoir un remords qu'un regret»²⁴¹. Но события показали, что ей не о чем было сожалеть, так как скоро потом манифестом было объявлено о помолвке ее с Императором. Ей было

²³² Графиня А.К. Воронцова-Дашкова.

²³³ Граф Илларион Иванович Воронцов-Дашков (младший).

²³⁴ Графиня И.И. Воронцова-Дашкова.

²³⁵ «Милая Жюли, ни мой муж, ни я, ни моя дочь, ни племянница, ни князь Паскевич не желаем быть представлены его величеству Сулуку I» (*фр.*).

²³⁶ «Вы прибыли из Берлина, мадам. Как вы нашли прусского короля?» – «Ваше величество, он все такой же: маленький шарик на большом шаре». – «Как сдобная булочка?» (*фр.*).

²³⁷ Имеется в виду Циприано де Палафокс и Понтокарреро, граф Теба, граф де Монтихо.

²³⁸ Имеется в виду Луиза-Фернанда де Бурбон.

²³⁹ См.: [Castellane V.-B. de]. Journal de marechal de Castellane 1804—1862. [Дневник маршала де Кастеллана 1804—1862]. Р., 1895—1897. V. 1—5. Издание подготовила дочь Кастеллана Софи де Контад.

²⁴⁰ Компьень – замок, расположенный в 80 км к северо-востоку от Парижа, в середине XIX в. – любимая загородная резиденция Наполеона III.

²⁴¹ «Ах, милая, лучше иметь угрызения совести, чем сожаления» (*фр.*).

тогда 26 лет. Решение Наполеона и его прокламация, где он назвал себя «*parvenu*»²⁴², чтобы сравняться с избранной его сердца, произвели огромную сенсацию. Бракосочетание совершилось в соборе Notre-Dame. Мои родители, конечно, присутствовали при церемонии. Мы же смотрели кортеж из Лувра, куда нам даны были билеты, и видели в окно парадной кареты молодую Императрицу, бледную от волнения и прекрасную в своем белом платье, сидящую рядом со своим супругом в генеральском мундире.

Из впечатлений этой последней зимы, проведенной в Париже, хочу отметить еще мое глубокое восхищение от игры знаменитой Рашель. Меня повезли смотреть ее в трагедии «*Marie Stuart*» Lebrun (подражание шиллеровской трагедии)²⁴³. Как мне выразить мой восторг! Я впи- валась в нее глазами, следила за ее движениями и жестами. Передо мной воскресла, как живая, поэтическая Королева Шотландии, ее сцена с Елизаветой, вначале сдержанная и перешедшая в бурный поток негодования, кончившаяся нравственным унижением властной соперницы и словами: «*Leicester était là, j'étais reine à ses yeux*»²⁴⁴. А вслед за тем месть, заключение, Мария Стюарт вся в черном, палач, эшафот – все это произвело на меня неизгладимое впечатление. В последнем акте я плакала. Я страстно всегда любила драматические представления.

Однако мало-помалу грозные тучи собирались на политическом горизонте. Крымская война надвигалась. Конференции для отвращения ее не увенчались успехом. В нашей семей- ной обстановке совершались также перемены. К крайнему нашему удивлению, великая кня- гиня Елена Павловна предложила моей матери через графа Рибопьера назначение гофмейсте- риной при дочери ее, великой княгине Екатерине Михайловне. В самом деле было странно, что великая княгиня, которую моя мать так давно не видела и никогда близко не знала, так как все придворные милости исходили от большого двора и личных отношений с Императри- цей Александрой Федоровной, вдруг вспомнила о так далеко проводящей свою жизнь супруге парижского секретаря посольства. На выраженное ее высочеству в этом смысле замечание моей тетушкой княгиней Чернышевой, великая княгиня ответила: «*Il y a longtemps que je l'espionne*»²⁴⁵. В дипломатической карьере моего отца совершался также перелом. Ему пред- лагали один из двух постов: посланника в Гааге или в Лиссабоне. Пришлось бы, во всяком случае, оставить Париж и, может быть, закабалить себя за границей на долгие годы. Вместе с этим наследство после моего деда, значительное, но запутанное и обремененное огромными долгами, равно как и необходимость дать русское образование моему брату Борису, указывали на неотложность возвращения в Россию. Ответ на предложение великой княгини был тот, что, не предпрещая еще его в окончательной форме, мы приедем летом в Петербург для выяснения этого и прочих вопросов, связанных с нашим дальнейшим местопребыванием. И вот, при пол- ной неопределенности будущего, одно только стало для нас ясно, это неизбежность разрыва с прошедшим и с настоящим. Я чувствовала нетерпение и любопытство к будущему, но сердце мое сжималось от тоски при мысли, что все, что я знала, к чему привыкла и что составляло мою жизнь, исчезнет бесследно. Мне трудно даже было реализовать такую перемену. В двух наших поездках в Россию мы были в гостях. Наш *home*²⁴⁶ со своими привязанностями и кор- нями был в Париже. И будем ли мы еще жить в России, куда нас влекло наше патриотическое чувство, или в новой какой-нибудь стране, где все чужое и ничто нас не прельщало?

²⁴² «выскочкой» (*фр.*).

²⁴³ Романтическая пьеса П.-А. Лебрена «Мария Стюарт», явившаяся переработкой драмы Шиллера, была впервые постав- лена в марте 1820 г. Пьеса пользовалась большим успехом, однако стихи Лебрена были весьма слабыми, о чем писал Стендаль в трактате «Расин и Шекспир» (см.: *Стендаль. Расин и Шекспир // Литературные манифесты западноевропейских романти- ков. М., 1980. С. 475*).

²⁴⁴ «Там Лестер был, в его глазах была я королевой» (*фр.*).

²⁴⁵ «Я уже давно за ней слежу» (*фр.*).

²⁴⁶ дом (*англ.*).

Мы уехали 11/23 июня 1853 года. Чтобы передать мои чувства, выпишу опять несколько строк из моего дневника, написанного в Петербурге, спустя три года после этого дня. «Lundi, 11 Juin 1856. – Voilà aujourd' hui trois ans que nous avons quitté Paris. Et cette idée me mène droit au souvenir de cette journée pleine d'agitation, de joie, de regret. Je me vois assise dans беседка de notre jardin pensant comme je fixe les yeux sur la maison où nous avons vécu tant d'années que je ne la reverrai peut-être plus jamais de la vie. Et puis cette foule de personnes qui vont et viennent pour prendre congé de nous, l'arrivée au chemin de fer avec papa et le baron Felkersam qui nous ont reconduits et, enfin, le dernier sifflet, le signe du départ et le souvenir du sentiment amer qui crispa mon coeur pendant que chaque secousse de la locomotive nous éloignait de Paris, Paris ville charmante, qui a été témoin de mon enfance, qui renferme tous mes souvenirs les plus vagues, les plus lointains, ne te reverrais-je jamais?.. Parfois, j'espère, parfois je crois ce bonheur impossible et toujours après y avoir pensé, j'anticipe sur la réalisation de ce désir, l'un des plus chers de mon coeur et je me figure alors ce que je ferais journellement si la joie de débarquer à Paris pouvait m'arriver»²⁴⁷. Да, хорошо помню этот день, и как я выбежала в сад, и сидела в беседке, и с грустью смотрела на наш милый дом, которого уже я не видела более, так как я нашла его скрытым и перестроенным, когда впоследствии навестила старое место. Я сорвала в эту последнюю минуту ветку пеларгонии и бережно взяла ее с собой, до сих пор сохраняя ее как последнюю реликвию моего счастливого детства. О мое милое детство! Вспоминаю о тебе с благодарностью и любовью. Много оно дало мне, много заложило во мне того, что помогло мне впоследствии, когда жизнь, к которой моя страстная натура стремилась с таким увлечением и такими требованиями счастья, открылась мне в своей реальной действительности и со своими преградами. Благодаря насаждениям в детстве привычки к нравственной дисциплине, культивированию совести и воли, не в смысле упрямого своеволия, но как силы, доходящей, если нужно, до самоотречения, я достигла того, что к концу моей жизни я могу передать моим детям без изъяна ту монументальную репутацию моей матери и моей бабушки, под сенью которой я начала свою самостоятельную жизнь. В Париже у нас была картина, писанная пастелью моей матерью. Я ее очень любила и засматривалась на нее. Она изображала женскую фигуру, задумчиво сидящую на берегу моря при закате солнца. Это была копия с картины современного художника, не помню его имени, и носила заглавие «Mélancolie»²⁴⁸. Я всегда старалась угадывать предметы дум этой мечтательницы в зеленом шарфе. Много позднее, в Петербурге, когда мне было 18 или 19 лет, переживая впечатления детства, я вспомнила об этой любимой мною картине и написала следующие стихи:

J'aime le soir la rêverie
 Au bruit des flots
 Lorsque l'âme se sent saisie
 D'un doux repos,
 A l'heure pâle où la nuit sombre
 Couvrant les eaux

²⁴⁷ «Понедельник, 11 июня 1856. – Вот уже три года, как мы покинули Париж. Мысль об этом заставляет меня вспомнить тот день, полный волнения, радости, сожаления. Представляю, как я сижу в беседке нашего сада и думаю, пристально глядя на наш дом, где мы прожили столько лет, что я, быть может, больше никогда в жизни не увижу его. И потом эта толпа людей, которые хотят прийти проститься с нами, прибытие на железную дорогу вместе с папой и бароном Фелькерзамом, которые нас провожают, и, наконец, последний свисток, знак отправления, и память о горьком чувстве, которое сжимает мне сердце в то время, как каждый толчок паровоза отдаляет нас от Парижа, милого города Парижа, который был свидетелем моего детства, в котором были заключены все мои самые смутные, самые отдаленные воспоминания, неужели же я никогда не увижу его? Иногда я надеюсь, иногда я верю, что это счастье возможно, и всякий раз после того, как я подумаю об этом, я опережаю осуществление моего желания, одного из самых дорогих моему сердцу, и я воображаю тогда, что бы я ежедневно делала, если б мне выпало счастье оказаться в Париже» (фр.).

²⁴⁸ «Меланхолия» (фр.).

Répand son silence et son ombre
Sur les coteaux,
Alors de mon âme s'envole
Un long soupir
Echo plaintif, douce auréole
Du souvenir
Et du passé l'aimé visage
S'offre à mes yeux,
Illusion, charmant mirage
Don précieux,
Qu'avec bonheur mon rêve accueille.
Ses premiers ans
Fleur charmante, mais qui s'effeuille
Presqu'en naissant
Où l'enfant lève sur la vie
Son regard pur
Plein du reflet de poésie
D'un ciel d'azur,
Où de sa limpide innocence
La blanche fleur
S'allie avec la jouissance
De son bonheur.
Et j'aime errer dans ce domaine
De pureté
Pour oublier la lourde chaîne
Réalité.
Alors mon âme libre, heureuse,
Sort de prison
Et dans sa course aventureuse
Fuit la raison.
De l'ange de la poésie
J'entends l'accord
Et mon âme se sent saisie
D'un doux transport.
Oh! laissez-moi la chère ivresse
D'un rêve aimé,
Laissez-le envelopper sans cesse
Mon coeur charmé, —
Et lorsqu'à la tristesse obscure
Il est dispos
Qu'il vienne ouïr ce que murmure
Le bruit des flots²⁴⁹.

²⁴⁹ Люблю вечерние грезы под говор волн, когда душа чувствует себя охваченной сладостным покоем, в поздний час, когда ночь, покрывая тьмой воды, распространяет тишину и мрак на холмы, — тогда из глубины моего сердца вырывается долгий вздох — жалобное эхо, тихий отблеск воспоминания. И образ милого прошлого открывается предо мной как иллюзия, чудесный мираж, драгоценный подарок, который мои грезы с благодарностью принимают. Мои детские годы как чудный цветок, который осыпается, едва успев распуститься, тогда, когда дитя вступает в жизнь и его чистый взгляд полон отблеска поэтичности лазурного неба, когда белый цветок чистой невинности соединяется с наслаждением блаженства. И я люблю блуждать в этом царстве невинности, чтоб позабыть тяжелые цепи реальности. Тогда моя счастливая и свободная душа покидает оковы и в своем отважном полете бежит благоразумия. Я слышу гармонию ангела поэзии, и моей душой овладевает чувство сладкого

И теперь, с бóльшим правом, чем тогда, мне отрадно восстановить перед собою эти первые страницы моей многозаботной жизни и перенестись от современной тяжелой действительности к смеющимся, ласкающим воспоминаниям о первых годах моего бытия.

восторга. О! Оставьте мне дорогое упоение любимой грезой, позвольте беспрестанно увлекать ею мое очарованное сердце, – и когда оно расположено к неясной грусти, тогда пусть приходит слушать рокот волн (*фр.*).

ГЛАВА II

Итак, мы уехали из Парижа. Наша первая довольно длинная остановка была в Берлине, где только что скончалась на 31 году своей жизни прелестная наша тетя, княгиня Вера Аркадьевна Голицына. Дядя нуждался в утешении и поддержке сестры своей (нашей матери), с которой был особенно дружен с раннего детства. Мы вместе уехали в Штеттин, а оттуда морем в Петербург. Наши спутники на пароходе были, между прочими, вдова и дети только что скончавшегося поэта Жуковского²⁵⁰. Они были в большом трауре, как и мы. Г[оспо]жа Жуковская была очень ко мне добра и много со мной разговаривала. Впоследствии я часто встречалась с детьми, так беззаботно игравшими на палубе парохода. Как разыгралась жизнь их, расскажу, если придется довести мои записки до времени, когда жизнь нас снова соединила. Другим путешественником был Андрей Николаевич Карамзин, муж прекрасной финляндки M-me Aurore²⁵¹, бывшей в первом замужестве за богачом Демидовым. Он был блестящ и приятен и говорил изящным русским языком, к чему я не привыкла, так как светский разговор я до сих пор всегда слышала французский. Полтора года спустя он погиб в сражении с турками под Силистриею в одной несчастной рекогносцировке, куда завлекла его отвага, может быть, недостаточно проверенная техническим знанием. Чувствовалось и тогда приближение тяжелой войны. Одна из неудавшихся попыток к устранению ее была, между прочим, австрийская миссия графа Guilay²⁵², ехавшего одновременно с нами, со всем своим штабом, с целью предложить Государю посредничество Австрии для улаживания конфликта. Все эти австрийцы были в высшей степени элегантны в своих светлых блестящих мундирах. Мама знала некоторых из них и самого графа со времени венского нашего пребывания, поэтому было много разговоров на тему общих воспоминаний, причем избегались жгучие вопросы политики. На этот раз приезд наш на родину был скромнее предыдущих. Все уже разъехались на летнее пребывание. Мы, остановившись на несколько часов в пустом доме Татьяны Борисовны Потемкиной (сама она была в Святых Горах), потом отправились в Павловск, где ожидала нас бабушка. Приезд наш, как и все это лето, имеет в моих воспоминаниях серенький, тусклый оттенок. После наших дивных летних местопребываний в окрестностях Парижа деревянная дачка, занимаемая бабушкой, показалась нам страшно мизерной. Было тесно, неуютно, неизящно, несвободно, так как мы все время были на глазах, и бабушка слышала каждую фальшивую ноту моих музыкальных упражнений. Рояль стоял в ее гостиной, что меня страшно стесняло. Мы вяло учились с Александром Ивановичем²⁵³, так как не имели учебной комнаты, и он сам был рассеян заботами об устройстве служебного положения. Собственно, он не был педагогом. Его единственный предмет был литература, что, впрочем, вполне совпадало с моими вкусами. Мы проходили с ним теорию словесности Чистякова и историю словесности по Плаксину²⁵⁴. Там было много выдержек разных сочинений, и поэтому руководство это мне нравилось. Только эти два пункта выступают светлыми точками в общем тумане, покрывающем для меня это время. Единственным развлечением нашим были нескончаемые прогулки пешком от 8 до 10 часов утра с бабушкой и столько же вечером с мамой. Где была наша лошадка, наш осел, где наши удовольствия, комедии, верховая езда, где были все наши милые друзья! Мы были совершенно одни, никого не знали и не видели, день следовал за днем в бессодержательном однообразии. Куракины были

²⁵⁰ Вдова В.А. Жуковского – Елизавета Евграфовна и их дети: Павел и Александра.

²⁵¹ А.К. Карамзина.

²⁵² Правильно: Gyulay.

²⁵³ Поповицким.

²⁵⁴ См.: Чистяков М.Б. Курс теории словесности. СПб., 1847. Ч. 1—2; Плаксин В.Т. Учебный курс словесности. СПб., 1843—1844. Кн. 1—2.

в Пиренеях, где тетя лечилась на водах. Все прочие наши товарищи на своих местах. Осенью стало еще хуже, было холодно, сыро, неприглядно, и мы были рады, когда переехали в октябре в Петербург, где мои родители решили поселиться, приняв предложение великой княгини. Я с нетерпением ждала, когда устроится наша жизнь, но, увы, на первых порах действительность не оправдала моих надежд. Была взята большая квартира на Царицыном лугу в доме, ныне принадлежащем принцу Ольденбургскому. До переделки его мы занимали весь бельэтаж во всю длину дома. Комнаты были большие, но до крайности холодные и все были проходные, составляющие длинную анфиладу. Мой отец мало обращал внимания на неудобства для повседневной жизни и был доволен тем, что места было много для развешивания картин. Мой брат Борис помещался в бальном зале, вся из *faux marbre*²⁵⁵ с лепными работами, разделенном на две половины ситцевыми занавесками. Занятия мои вместе с ним прекратились, и потеря его сообщества была для меня большим лишением. Естественно, что жизнь наша не могла войти разом в свою колею. Моя мать должна была освоиться с придворной жизнью, очень содержательной в то время, особенно в Михайловском дворце, возобновить прежние знакомства, сделать массу новых, вступить опять в среду обширного родства, отбывать так называемые *devoirs de famille*²⁵⁶, между которыми бабушка занимала первое место. Дела были запутанны, наследство обременено большими долгами, между тем переселение наше, устройство всего дома требовало сильных расходов; к тому же, необходимо было безотлагательно установить уроки моих братьев в виду всей их будущности. К нам же поступила Елизавета Алексеевна Гусева или *Goussette*, как мы ее звали. Воспитание свое она получила в институте, основанном прабабушкой моей княгиней Голицыной в имении своем Зубриловке (Саратовской губернии) для дочерей местных дворян²⁵⁷. Поэтому она сохранила большую преданность бабушке, рекомендовавшей ее моей матери. Она была очень добрая и религиозная женщина, и мы ее любили, но весь склад ее ума, воспитанного в средней чиновничьей среде, был до того чужд нам, что мы постоянно впадали в недоумение от ее взгляда на вещи. Мы ходили в ней каждый день гулять по улицам Петербурга, которые казались нам такими пустынными и скучными после оживления парижских, так что мало извлекали удовольствия от наших прогулок. Холод казался мне нестерпимым, вообще мы плохо переносили перемену климата и часто болели первое время.

Мало-помалу я разочаровалась в моем прежнем восхищении Петербургом. Первое разочарование касалось области церкви. Мы знали только один храм и одного священника, облеченного, в наших глазах, всем престижем своего высокого служения. Здесь я была поражена пренебрежительным тоном, с которым говорили о духовных лицах, вульгарностью их самих, открытыми разговорами о требах (о которых мы не имели понятия), общей халатностью в отправлении богослужения, возней с просфорами и свечами, бесцеремонным хождением взад и вперед сторожей во время службы и массой незнакомых мне обрядов и обычаев, которые считались как бы сутью религии, а для меня они были соблазн, так как много позднее я поняла их смысл и значение. Второе разочарование касалось отношения к людям. Крепостное право существовало в полноте. Помню, как после одного семейного обеда один из моих дядей сказал мимоходом другому: «Я купил повара». Тот спросил самым невозмутимым образом: «С семьей?» Первый подтвердил: «С семьей», и все тут... Я не верила своим ушам. Как? Неужели такие вещи произносятся и делаются в России, на Святой земле русской? До нашего отъезда из

²⁵⁵ фальшивого мрамора (*фр.*).

²⁵⁶ семейные обязанности (*фр.*).

²⁵⁷ Школа в имении Зубриловка Балашовского уезда Саратовской губернии, принадлежавшем С.Ф. Голицыну, была основана его женой княгиней В.В. Голицыной – прабабкой Е.А. Нарышкиной. Впоследствии их сын Ф.С. Голицын (1781—1826) учредил в 1821 г. под патронажем своей супруги А.А. Голицыной пансион для дворянских детей, которым руководила французка мадам Монсар. Для него было построено два двухэтажных здания, в одном из них помещались 36 мальчиков, в другом – 46 девочек. После смерти Голицына пансион был закрыт.

Парижа появилась наделавшая много шума книга «Хижина дяди Тома»²⁵⁸. Из романа составлена была драма, и мой отец повез на нее брата Бориса. Много по этому поводу приходилось нам слышать разговоров, единодушно клеймивших рабство, и вот, у нас, среди нас, такое же рабство существует. Однородное с этим впечатление я испытала, когда в самый день Рождества Христова пронесся слух, что предводитель дворянства был ночью убит своими крепостными людьми за его крайне жестокое обращение с ними. Несчастные шли на лютую казнь, принеся себя в жертву, чтобы освободить прочих от свирепости своего господина. Что же могла быть за жестокость, вынудившая этих смиренных людей на такой поступок? Наконец в апреле, когда снег сошел с Марсова поля, я увидела из окон происходившее на нем учение солдат и рекрут. Боже мой, что это было за зрелище! Я до того никогда не видела, чтобы били людей; выразить мое негодование, отчаяние, позор нет слов. Я бросилась в другую комнату, закрыла лицо в подушки дивана, не хотела поднять лица на свет Божий. Итак, вот христолюбивое воинство. Вот православная Россия, вот моя фаланга воинов Христовых. Весь мой патриотизм исчез, и я стала думать о милом Париже как об утраченном рае...

Внешняя наша жизнь постепенно устроивалась. Для развития моих музыкальных способностей решено было пригласить знаменитого учителя Гензельта. Он приехал к нам в один вечер и, видя перед собой застенчивую девочку, сначала сказал, что пошлет одного из своих учеников, чтобы подготовить меня для его уроков. Однако пожелал послушать меня. Я играла, как всегда, наизусть, но дурно, потому что волновалась. Несмотря на то, он нашел, вероятно, во мне признаки таланта и сразу решил заняться со мной сам. Уроки начались со следующей недели и продолжались четыре года. Я была горда моим учителем, но как трепетала в ожидании его уроков, с каким старанием разыгрывала трудные этюды и пьесы! Как счастлива была, когда он меня хвалил! Я не могла выносить, когда он сидел около меня и, нахмуренный, следил за моими пальцами, изредка покрикивая: «Falsch!»²⁵⁹ или «Legato»²⁶⁰, тогда я отвратительно играла, как самая бездарная ученица; зато, когда он расхаживал по комнате и, улыбаясь, поговаривал: «Très bien, charmant»²⁶¹ и особенно когда он заявлял, что ему доставляет удовольствие слышать мое исполнение его собственных сочинений, я была вне себя от восторга и чувствовала сама, что играю уверенно и со смыслом. Раза два в год Гензельт устраивал у себя концерты, в которых мы с ним являлись единственными исполнителями. Я играла первую партию, а он на другом рояле партию оркестра. Так исполняли мы: Concert-Stück Вебера²⁶², концерты Мендельсона²⁶³, Quintette и Septuor Hummel²⁶⁴, этюды Краммера, Moschelés, Шопена и пьесы самого Гензельта: «Si oiseau j'étais», «Poème d'Amour»²⁶⁵ и другие. Собирались ареопаг знатоков музыки из числа моих родных. Эти концерты были праздником для моего отца. Я же страшно волновалась, и дни и ночи до концерта при моей нервности были прямо мучительны. Но потом как довольна я была, видя радость Гензельта при моих успехах и принимая похвалы и критику моих слушателей! Между ними один из наиболее авторитетных для меня был князь Юрий Николаевич Голицын, двоюродный брат моего отца. Он прославился своим хором певчих, которых образовал из своих крепостных. Действительно, он достиг с ними поразительных результатов. К сожалению, он был равно известен своим необузданным нравом и сумасбродными выходками, от которых страдала его семья и он сам, так как, несмотря на большое состо-

²⁵⁸ Книга Гарриет Бичер-Стоу «Хижина дяди Тома», впервые изданная в 1852 г. в Бостоне, многократно переиздавалась.

²⁵⁹ «Фальшиво!» (нем.).

²⁶⁰ «Легато» (ит.).

²⁶¹ «Очень хорошо, прелестно» (фр.).

²⁶² Имеется в виду концерт для фортепиано с оркестром (соч. 79).

²⁶³ Здесь имеются в виду два концерта для фортепиано с оркестром (соч. 25 и 40).

²⁶⁴ Здесь речь идет о квинтете для фортепиано, скрипки, альты, виолончели и контрабаса ми-бемоль минор и септете для фортепиано, флейты, гобоя, валторны, альты, виолончели и контрабаса ре минор.

²⁶⁵ «Если б я был птичкой», «Поэма любви» (фр.).

яние, с которым он начал жизнь, одно время он был принужден выступать перед публикой в качестве дирижера оркестра²⁶⁶. Герцен верно рисует его физиономию в своих мемуарах, называя Юпитером Олимпийским²⁶⁷ из-за великолепной классической головы его, которая возвышалась над колоссальной фигурой.

К нашей общей радости, Панины также воротились этой осенью в Петербург. Их дом на Караванной не был окончательно устроен, и они провели эту зиму в доме Министерства юстиции. С ними мы могли говорить о милой парижской жизни, и они были единственные наши старые друзья посреди всех новых знакомств. Между последними мы сблизились тесной дружбой с Давыдовыми, или, как они стали называться два года спустя, Орловыми-Давыдовыми. Наши подруги были Мария и Евгения, или Женинька, как мы ее звали. Последняя вышла очень рано замуж за Петра Алексеевича Васильчикова и скончалась еще очень молодой, оставив своих пятерых дочерей²⁶⁸ на попечение матери своей, графини Ольги Ивановны. Старшая Мария олицетворяла с ранних лет тип христианской отроковицы, и этот характер она сохранила в последующем развитии ее жизни. Благодаря общественному положению ее родителей и их богатству, дом их был нередко открыт для блестящих светских приемов. Бывали у них балы и великолепные концерты с итальянскими певцами. Marie являлась на эти вечера кроткая и со всеми любезная, без застенчивости, со спокойным достоинством, окруженная как бы ореолом нравственной чистоты, и чувствовалось, что она была в мире, но не от мира. Действительно, вся жизнь ее была уже сосредоточена в любви к Богу и к ближним. Широкая благотворительность ее бабушки, княгини Барятинской, создала известную общину сестер милосердия ее имени²⁶⁹. Графиня Ольга Ивановна приняла по наследству попечение об этой общине и много расширила ее, находя в дочери деятельную помощницу в исполнении своих предначертаний. Кроме того, пользуясь, по разумной доброте своих родителей, обширными личными средствами, она имела свое независимое поле действий в области многосторонней благотворительности. Все стороны ее жизни, даже занятия искусствами, пение, живопись, имели одно общее направление, которое придавало всему строю пленительную для меня цельность. Во мне также религиозная нота была развита, но я ее не всегда слышала в бушевании всех притягивавших меня других голосов, смысл которых был неизменен – стремление к земному счастью. В атмосфере, окружающей Marie, я искала и находила поддержку этой бедной заглушаемой нотки, и моя,

²⁶⁶ На современников князь Ю.Н. Голицын производил сильное впечатление. Так, П.Д. Боборыкин писал: «Красовалась и крупная, породистая фигура красавца губернского предводителя князя Юрия Голицына, впоследствии очутившегося в Лондоне вроде полуэмигранта и кончившего карьеру начальником хора, предшественником Славянского. Тогда носил он камергерский ключ и держал себя как типичный барин-вивер николаевского времени, мот и женолюб, способный на пылкие юношеские увлечения, будучи уже отцом семейства. Вся губерния гудела толками о его последнем увлечении девицей К[олемино]й, с которой он позднее убежал за границу от жены и детей и прошел в Лондоне через всякие мытарства, вплоть до сидения в долгой тюрьме, откуда импресарио возил его в концертную залу и ссужал фрак с капельмейстерской палочкой, после чего его опять отвозили в “яму”» (*Боборыкин П.Д. Воспоминания. М., 1965. Т. 1. С. 118*). Н.А. Тучкова-Огарева писала: «Вспоминаю с восторгом до сих пор слышанные мною вариации на тему “Камаринской” Глинки и девятую симфонию Бетховена с женским хором в 400 голосов: это было великолепно; князь дирижировал необыкновенно хорошо, со всеми малейшими оттенками страстного и понимающего музыканта. Зала была полна, изумление, восхищение читалось на всех лицах» (*Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания. М., 1959. С. 161*). См. также автобиографические воспоминания Ю.Н. Голицына «Прошедшее и настоящее» (СПб., 1870).

²⁶⁷ Неточно: в 7-й части воспоминаний «Былое и думы» Герцен, давая князю Ю.Н. Голицыну колоритную характеристику, называет его «ассирийским богом, тучным Аполлоном-волом» (*Герцен А.И. Собр. соч. М., 1957. Т. 11. С. 313*).

²⁶⁸ Дочери П.А. и Е.В. Васильчиковых: Мария, Александра, Екатерина, Евгения, Ольга. Князь С.М. Волконский писал о них: «Удивительная эта семья из пяти сестер. Оставшись без матери на попечении тетки, графини Марии Владимировны Орловой-Давыдовой, впоследствии игуменьи основанного ею монастыря Добрынихи, эти девушки, воспитанные в холе и роскоши, казалось бы, вдали от жизни, явили впоследствии, каждая в своем роде и под разным воздействием житейских условий, наилучший тип настоящей русской женщины. От детства к старости, от рождения к смерти шествуют они сквозь жизнь, ничего не обронив, ни от чего не отказавшись и все время утверждаясь, все время обогащаясь...» (*Волконский С.М. Мои воспоминания. М., 1992. Т. 2. С. 77*).

²⁶⁹ Княгиня М.Ф. Барятинская основала в 1844 г. в Петербурге Общину сестер милосердия Литейной части, позже переименованную в Общину во имя Христа, которая оказывала медицинскую помощь и осуществляла уход за больными женщинами и детьми.

тогда тревожная, душа успокаивалась на время. Само собой разумеется, что эти чувства развились вполне с последующими годами – тогда нас только влекла друг к другу взаимная симпатия. В доме каждый из членов нашей семьи находил соответствующего себе товарища. Борис был дружен с сыновьями-близнецами Владимиром и Анатолием. Они все трое поступили вместе юнкерами в Кавалергардский полк и вместе были произведены в офицеры. Мой отец был приятелем графа, а моя мать со времени первой молодости была близка с графиней, сестрой княгини Витгенштейн²⁷⁰, которую мы так часто видели в Париже. Кроме долголетних дружеских отношений их соединяла общность основных принципов, руководящих жизнью каждой из них. Изредка нас возили на детские балы. Нас всюду звали, по дружбе и уважению к моей матери. Девочки, которых мы встречали, представляли для меня собой новый тип. Они были элегантны и нарядны, как настоящие маленькие дамы, и умели говорить светским жаргоном о светских вещах. В этом отношении я сознавала их безусловное превосходство надо мной; их апломб, миленькие манеры, легкий флирт с пажами, рассказы и смешки были для меня недостижимы, и вместе с тем я чувствовала, что никогда не заговорила бы при них о том, что наполняло мою голову и мое сердце, так что моя роль с ними была довольно пассивна. Я даже не умела отчетливо отвечать на их вопросы о том, что происходит в Михайловском дворце, так как до сих пор мало этим интересовалась. Впрочем, мы скоро познакомились и с придворной обстановкой.

Великая княгиня Елена Павловна, заинтересовавшаяся уже, как я выше сказала, нашими уроками, пожелала видеть нас самих. По ее приглашению мамá привезла нас с сестрой в верхнюю церковь дворца ко всенощной в Страстную пятницу. По окончании службы мы были представлены и после короткого разговора получили приглашение приехать к пасхальной заутрене. Со времени смерти Михаила Павловича великая княгиня не ездила на обычные большие выходы в Зимнем дворце. Вот почему служили пасхальное богослужение у себя дома. Великая княгиня Екатерина Михайловна должна была особенно беречь себя и осталась с матерью. Служба началась в 10½ часов заутреней в музыкальной гостиной. Присутствовали обе великие княгини, лица свиты, потом священник отправлял ту же службу в верхней церкви, по окончании чего, в сопровождении всех присутствующих, наполнявших храм, он спускался в нижнюю церковь, куда к обеду являлись великие княгини. В этот промежуток времени мы сидели в роскошных гостиных, пили чай и разговаривали. После обедни великая княгиня обошла все столы, приготовленные для служащих и их семейств на всем протяжении галереи, окружающей монументальную лестницу. За ней несли большие блюда с фарфоровыми яйцами, которые она раздавала по пути, а перед ней шел священник, окропляя святой водой приготовленное разговенье. После этого мы сели за стол. Меня вся эта придворная пышность поразила своей внушительностью и грандиозностью, и это впечатление было вполне справедливо, так как Михайловский дворец сохранил дольше других дворцов величавые традиции прежнего времени.

Весной мой отец уехал с братьями в деревню, куда мы с мамá должны были прибыть после ожидаемого великой княгиней Екатериной Михайловной рождения ее первого ребенка. Это событие произошло 29 июня, но, к глубокому горю молодой матери, роды были крайне тяжелы, и маленький принц Николай умер спустя несколько часов после своего появления на свет. Мы оставались в городе до половины июля. Мамá уезжала на целый день на Каменный остров – мы обыкновенно приезжали за ней, и иногда великая княгиня предоставляла в наше распоряжение свой большой катер, на котором мы объезжали красивые острова, окаймляющие Неву своей свежей зеленью. Так как в то время пароходы еще не сновали по всем направлениям, то катер наш, управляемый опытными гребцами-матросами, следовал без препятствий и без опасности для своего пути. Эти вечерние речные катания были дивно хороши, особенно когда

²⁷⁰ Речь идет о княгине Л.И. Сайн-Витгенштейн.

с Елагинской Pointe²⁷¹ открывалось широкое пространство, освещенное блеском солнечного заката. В это лето мы познакомились с фрейлинами: баронессой Эдитой Федоровной Раден, Елизаветой Павловной Эйлер и Hélène Staal. Последняя была, по красоте своей, украшением Михайловского дворца, равно как и другая красавица, фрейлина великой княгини Екатерины Михайловны Элен Штрэндман (впоследствии графиня Толь), их звали «die beiden Helenen»²⁷². Были еще две певицы, состоявшие при великой княгине: Анна Карловна Фридбург, вышедшая замуж через несколько лет за пианиста Лешитицкого, и Александра Доримидонтовна Соколова, дочь нашего священника в Берлине. Голос первой был дивный по timbr'u контральто, у второй был звучный сопрано. Обе получили законченное музыкальное образование, и их чудные голоса в дуэтах или соло доставляли истинное артистическое наслаждение слушателям. Над всеми этими девицами была пожилая дама г-жа Гельмерсон, которую звали la gouvernante des demoiselles d'honneur²⁷³. У нее собирались к обеду и иногда вечером. Нам приходилось бывать у нее часто, когда приезжали за мамá и ожидали, пока она не освободится. Они все были добры и внимательны к нам, так что я перед ними не стеснялась, играла мои пьесы на фортепьянах и нередко с восхищением слушала пение, которое репетировалось для исполнения в присутствии великой княгини. В это лето Рубинштейн сочинил на всех дам ряд музыкальных пьес-портретов их. Коллекция эта составляет «Album de Kamennoi Ostrof»²⁷⁴.

В июле мы с большой радостью уехали в наше тверское имение Степановское²⁷⁵. Из Твери пришлось ехать 80 верст по отвратительным дорогам. За нами посланы были две подставы, и, несмотря на то что остановки нигде не было, путь наш показался бесконечным и утомительным. Но зато какое приятное родное впечатление мы получили, прибыв на место! Уже на границе нашего имения отец наш встретил нас с братьями, управляющим и служащими и, взяв мамá в свой экипаж, открыл дорогу к дому, которого еще не видно было за густыми деревьями парка. Борис сел в нашу карету и, сообщив мне, что он нашел для меня верховую лошадь, указывал нам местность по пути. Вот широкий пруд, на нем стоит яхта, украшенная трехцветными значками. У пристани несколько лодок разной формы, вдали виднеются мосты с китайскими павильонами, потом, огибая парк, проезжаем мимо широкой еловой аллеи, в конце которой мелькает дом, а над ним флаг с нашим гербом. Усталые лошади скачут мимо оранжерей и других построек и наконец, завернув в большой двор, останавливаются у каменного подъезда. Масса народа нас встречает и кидается к нам с приветствиями. Это все дворовые, очень многочисленные в этом имении, хотя их было менее, однако, чем в Куракине, где жил мой дед. Потом отец водит нас по всему дому. Мы в восторге. Столько простора, изящества, столько фамильных портретов, огромная библиотека, и все хлопочут вокруг нас и любят нас, не зная еще нас, в силу какой-то связи, установленной трехвековыми постоянными добрыми отноше-

²⁷¹ Точки (фр.).

²⁷² «обе Елены» (нем.).

²⁷³ гувернанткой фрейлин (фр.).

²⁷⁴ «Альбом Каменный остров» (фр.). Фортепианный цикл, состоящий из 24 женских портретов (императрицы Александры Федоровны, цесаревны Марии Александровны, великих княгинь: Елены Павловны, Екатерины Михайловны, Марии Николаевны, Ольги Николаевны, Александры Петровны, Ольги Федоровны, Александры Иосифовны; фрейлин и дам из окружения великой княгини Елены Павловны: баронессы Э.Ф. Раден, Е.К. Штрэндман, Э.Р. Гельмерсен, Е.К. Стааль, А.Д. Блудовой, Б.Р. де Прен, княгини М.Ф. Барятинской, С.П. Апраксиной, баронессы М.Л. Веймарн, Л.К. Нарышкиной, Л.Х. Хрущевой, сестер Ю.Л. и И.Л. Грюнберг, певиц А.К. Фридбург и А.Д. Соколовой). Альбом был напечатан в Берлине в 1856 г., переиздан только в 2006—2008 гг. (Рубинштейн А.Г. Каменный остров: Альбом портретов для фортепиано. Opus 10. Тетради 1—4. / Ред. и сост. В.Г. Соловьев. СПб., 2006—2008), и входящие в него произведения стали исполняться публично.

²⁷⁵ Усадьба Куракиных Степановское-Волосово Зубцовского уезда Тверской губернии. Проект главного здания принадлежит Дж. Кваренги. Рядом с главным домом был построен целый городок из четырех кварталов, разделенных проспектами. Здесь располагались театр, пожарная каланча, увеселительные заведения. Неподалеку находились «готический замок» и пруд с пристанями и беседками. В 2005 г. пожар уничтожил кровлю и почти весь второй этаж главного дома. Не сохранилась домовая церковь, где ряд икон был написан отцом Е.А. Нарышкиной князем А.Б. Куракиным, автором серии видов Степановского, датированных 1839 годом (ныне в собрании ГИМ).

ниями. Мы, со своей стороны, идем навстречу им всем сердцем. И это впечатление не было мимолетным. Чем дольше мы жили в деревне, тем глубже мы чувствовали эту связь. Я ощущала наконец то родное представление об отечестве, в котором так была обманута в Петербурге. Со времени отъезда нашего из Парижа я могла сравнить себя с деревцем, вырванным с корнями из своей почвы и дрожащим в сухой холодной атмосфере. Здесь же деревце нашло свое питание, и корни его принялись в родной земле. Одной из первых забот моего отца было устройство школы, для чего он привез книг и разных приспособлений для взаимного обучения по ланкастерскому методу²⁷⁶. Школа была основана, но все таблицы и проч. остались без употребления, так как учитель, конторский писарь Константин Ворошнин, не понимал обучения иначе, как по азам. Священник был приглашен для уроков по Закону Божию, и, как бы то ни было, дети все-таки получали образование. Мы очень интересовались этим делом и потому невыразимо были поражены, когда приехавшие однажды к нам из Зубцова предводители дворянства и судья высказали, что грамота мужику не только не нужна, но и вредна, и что не следует образовывать его. Такое рассуждение мы слышали в первый раз, но, увы, не в последний! Мы перестали удивляться, но остались при своем мнении и продолжали действовать согласно ему.

Война между тем разыгрывалась, тяжелая, грозная, полная неожиданных разочарований. Наша военная мощь таяла перед удивленными взорами Европы и нашим собственным недоумением. Боже мой, какие страдания пришлось испытать нашему бедному серому войску, дурно вооруженному, дурно содержимому, дурно предводительствуемому, беззаветно отдающему свои силы и жизнь. Двор был в Гатчине в эту осень. С тревогой ожидалось приездов фельдгегерей, скакавших день и ночь на перекладных по непроездным дорогам, чтобы привезти известия о наших поражениях. Один флот поддерживал старую славу русского оружия. Имена черноморских адмиралов Лазарева, Корнилова, Нахимова произносились с патристической гордостью. Государь страдал неимоверно. Он страшно переменялся за последнее время. Молодые великие князья Николай и Михаил Николаевичи были посланы на войну. Отпуская их, Императрица грустно говорила: «*Toutes les familles ont là tout ce qu'elles ont de plus cher. Nous devons aussi y envoyer les nôtres*»²⁷⁷. Грусть царицы в Петербурге. В гостиных обличали, спорили, судили и рядили, повторяя: «*Voilà l'éducation du corps des Pages et du Champ de Mars*»²⁷⁸ и цитировали слова великого князя Константина Павловича, который говорил, что война портит солдата, назначение которого, по его мнению, было, вероятно, выделять удивительную шагистику на парадах.

Великая княгиня Елена Павловна не предавалась бесплодному нытью. Ее живой ум и горячее сердце искали средства к уменьшению страданий. Узнав об ужасном состоянии наших военных госпиталей, она задумала окружить наших мучеников христианским культурным элементом взамен единственной помощи, имеющейся у них в лице грубых военных фельдшеров. Так зародилась Крестовоздвиженская община сестер милосердия²⁷⁹. Только при ее исключительно высоком положении и счастливом сочетании с ним ее широкого ума, при ее неутомимой энергии и стойкой воле удалось ей преодолеть все препятствия, которые она встретила на пути, главным образом со стороны военной администрации. Ближайшим ее советником и руководителем в этом деле был Николай Иванович Пирогов, а помощницей в исполнении ее предначертаний – ее фрейлина баронесса Раден. Этот первый почин деятельности сестер милосердия на театре войны уяснил необходимость присутствия женского элемента в тяже-

²⁷⁶ Имеется в виду созданная в 1798 г. в Великобритании Дж. Ланкастером и Э. Беллом система взаимного обучения, согласно которой старшие ученики обучают младших.

²⁷⁷ «Все семейства отправили туда своих самых близких, мы тоже обязаны послать наших» (*фр.*).

²⁷⁸ «Вот воспитание Пажеского корпуса и Марсова поля» (*фр.*).

²⁷⁹ Община была открыта 5 ноября 1854 г. (день праздника Воздвижения Креста Господня) в церкви Михайловского дворца.

лые минуты народной жизни и получил широкое и блестящее развитие, справедливо прославившее русскую женщину. Переносясь в эту, уже отдаленную от нас, эпоху, я поражаюсь той огромной эволюции в идеях, совершившейся за этот промежуток времени, а в данном случае в сфере столь естественной для женщины, как оказание помощи ближним. Двоюродный брат моей матери, князь Александр Владимирович Голицын, находился со своим полком на войне. Его молодая жена²⁸⁰, узнав о формировании отрядов крестовоздвиженских сестер, обратилась к великой княгине за разрешением присоединиться к ним. Действительно, после обычного испытания она отправилась в качестве сестры и проработала в Севастополе до конца. Надо было слышать все вопли негодования, вызванные в обществе ее поступком. Находили его неприличным, упрекали ее за то, что она бросила «un devoir direct»²⁸¹, гоняясь за приключениями. Надо сказать, что этот пресловутый *devoir* состоял в уходе за своей *belle-mère*²⁸², больной в течение 20 лет хроническим ревматизмом, окруженной в своем доме нежным попечением дочери²⁸³ и уходом целого сонма разных компаньонов. Детей же у молодой княгини не было, вследствие чего, получив согласие своего мужа, она считала себя вправе располагать несколькими месяцами своей жизни. Но не так судило общество и, к удивлению моему, много очень достойных, добрых и религиозных членов семьи. Когда она воротилась, о ней говорили как о женщине, совершившей проступок. Она не отвечала и не оправдывалась, только иногда приговаривала: «Позор мой – крест мой». Я должна сказать, что мать моя не присоединяла своего голоса к общему гвалту и даже помогла ей завязать необходимые для нее сношения с Михайловским дворцом. Я же возмущалась ее преследователями и считала ее за героиню. Теперь трудно поверить, что такое обычное явление, как вступление в ряды сестер милосердия, могло вызвать подобный протест. В идеях совершается прогрессивная эволюция, а жизнь человека есть воплощение его идей; вот почему так важна строгая проверка источника этих руководящих идей и освещение их не временным, но вечным мировоззрением.

Этой зимой скончался Государь Николай Павлович. Его исполинская натура, подкошенная неутешным горем, не выдержала напора короткой болезни – бронхита, и 18 февраля его царское страдальческое сердце умолкло навсегда. Приведу опять несколько строк из моего дневника, написанного в этот день. «Vendredi 18 Février 1855. Quel désastre! Quel coup de foudre vient fondre sur nous, sur la Russie entière! On est encore à se demander: est-il vrai que l'empereur soit mort? Mon Dieu est-ce possible? Est-ce compréhensible? Ce coup si inattendu est un de ceux qui nous apprennent le mieux à ne pas compter sur notre fragilité humaine... Nous avons appris cette catastrophe de la manière la plus subite. Ce matin en allant nous promener, nous avons passé chez grand-maman. “Savez-vous, nous dit-elle, que l'empereur est fort mal?” Nous ne nous en doutions pas, – nous savions il est vrai, que l'empereur était grippé depuis quelques jours, mais l'idée du danger ne se présentait même pas à notre esprit. La veille nous avions dîné chez les demoiselles d'honneur du palais Michel et elles n'avaient pas la moindre inquiétude. Le bulletin que grand-maman nous montra disait: “Положение его величества весьма опасно”. Nous quittâmes grand-maman le cœur plein de tristesse et nous nous entretenions en marchant sur le quai de ce triste sujet. Arrivées à la hauteur du palais, nous retournâmes sur nos pas, à peine en avons nous fait quelques-uns dans cette direction que nous vîmes un jeune officier sortir du palais en traîneau de louage, troublé, le visage plein de

²⁸⁰ Княгиня М.И. Голицына. О ней писали впоследствии: «...молодая обаятельная княгиня пользовалась большим успехом. Поездки верхом, блестящие балы, с одной стороны, а с другой – выстаивание долгих служб по пять часов – все это сочеталось в ней. Она ко всему относилась с рвением. На Кавказе появилась холера, и молодая княгиня самоотверженно обходила больных по садам, сама давала лекарства и растирала шетками заболевших, не думая о себе и не боясь заразы. Она не была счастлива с первым мужем, овдовев, решила идти в монастырь, но, влюбившись в своего зятя, вышла за него замуж. Ее вторым мужем стал дипломат Константин Михайлович Веригин, который Марию Ивановну любил горячо» (см.: На переломе: Три поколения одной московской семьи: Семейная хроника Зерновых (1812—1921) / Под ред. Н.М. Зернова. М., 2001. С. 102).

²⁸¹ «прямой долг» (фр.).

²⁸² свекровью (фр.).

²⁸³ Княжна А.В. Голицына.

larmes, en descendant sur la Néva, il cria au будочник qui se trouvait à côté de nous: “Государь сейчас скончался”. Il était midi et demi, l’âme de l’empereur Nicolas avait quitté son corps depuis 10 minutes. Longtemps les paroles que nous venions d’entendre nous parurent incompréhensibles – nous restions à nous quatre immobiles comme des statues. Enfin le будочник rompit le silence, il fit le signe de la croix et dit: “Государь помер, дай Бог ему Царство Небесное”, et il alla à sa будка communiquer la nouvelle à son camarade. Nos pleurs coulèrent. Pauvre empereur, il a fallu que bien des tourments aient miné ce corps si robuste pour qu’une grippe l’ait mené à la mort. Nous passâmes chez grand-maman pour lui dire ce que nous savions, nous essayions de croire que nous avions mal entendu, – bientôt Boris arrivé de son régiment ne nous laissa plus de doutes. M-lle Euler nous donna des détails sur les derniers moments de l’empereur. Il s’est senti mal hier soir à 11 heures. A 4 h. du matin, il a reçu l’extreme onction. La grande-duchesse Hélène que le c[om]te Adlerberg était venu avertir est allée au Palais à 5 heures. Dès que l’Empereur a su qu’elle était arrivée il la fait appeler, et lui a dit. “Ah! M-me Michel, merci, merci d’être venue” et il lui a fait un signe avec la main pour lui dire qu’il s’en allait. Plus tard quand il ne pouvait plus parler, quelques minutes avant sa mort, alors que toute l’auguste famille était rassemblée, il regarda la grande-duchesse héritière et reporta ensuite ce regard sur l’impératrice. Il ne dit pas un mot, mais l’expression de ce regard était telle que toute l’assemblée en frémit»²⁸⁴. Мамá была в то время с великой княгиней Екатериной Михайловной в Мекленбург-Стрелицке, откуда они поспешили приехать при известии о несчастье.

Новое царствование открывалось при тяжелых обстоятельствах. Симпатичный образ молодого Государя давал всем надежды на более либеральное течение в правительственных сферах. Еще ничего не было предпринято, но говорилось уже свободнее, указывали на все пороки, на невозможный архаизм наших учреждений, и прежде всего, на необходимость отмены крепостного права. «Колокол» Герцена начинал проникать всюду и волновать умы. Между тем Севастополь продолжал бороться на жизнь или на смерть. Почти одновременно с общим трауром нас постигло новое семейное горе. В начале марта дядя князь Давид Федорович Голицын уехал в свое саратовское имение Зубриловку. После холодной снежной зимы оттепель сразу наступила и превратила дороги в сплошную непролазную грязь, а тронувшиеся реки в бурные потоки или даже озера. Сопровождал дядю камердинер его Михаил Кирсанов. Доехав с невыразимыми усилиями до речки Прони Рязанской губернии, путешественники с недоумением увидели, что речка эта широко разлилась, снеся все мосты, и что устроена тут была лодочная переправа. Дул сильный ветер, и смеркалось. Лодочник не советовал пускаться в путь при

²⁸⁴ «Пятница 18 февраля 1855. Какая катастрофа! Какой удар обрушился на нас, на всю Россию! Вспоминают себя снова и снова: неужели правда, что Император мертв? Господи, возможно ли это? Так ли это? Этот столь неожиданный удар – один из тех, которые лучше всего учат нас не полагаться на человеческую бренность. Мы узнали об этой катастрофе весьма неожиданно. Гуляя этим утром, мы зашли к бабушке. “Знаете, – говорит она, – что Император очень болен?” Мы не подозревали об этом, – мы знали, правда, что Император уже несколько дней болен гриппом, но мысль об опасности совсем не приходила нам в голову. Накануне вечером мы обедали у фрейлин в Михайловском дворце, и они не проявляли ни малейшего беспокойства. Бюллетень, который бабушка нам показала, гласил: “Положение его величества весьма опасно”. Мы оставили бабушку с сердцем, полным печали, и, идя по набережной, разговаривали об этом грустном событии. Дойдя до дворца, мы повернули назад, но сделали лишь несколько шагов в обратном направлении, вдруг видим: молодой офицер выходит из дворца, он взволнован, лицо его в слезах, и, спускаясь к Неве в наемных санях, он кричит будочнику, который стоял рядом с нами: “Государь сейчас скончался”. Было полпервого дня, душа Императора Николая уже 10 минут как покинула его тело. Мы долго не могли понять только что услышанные слова – мы, четверо, оставались недвижимы, как статуи. Наконец будочник прервал молчание – он перекрестился и сказал: “Государь помер, дай Бог ему царство Небесное” – и отправился в свою будку поделиться новостью с товарищем. У нас потекли слезы. Бедный Император, нужно было многими мучениями подточить его сильное тело до такой степени, чтобы какой-то грипп привел к смерти. Мы отправились к бабушке, чтобы сообщить то, что узнали, мы старались думать, что неправильно расслышали, но прибывший вскоре из своего полка Борис не оставил нам сомнений. Мадемуазель Эйлер описала нам последние минуты Императора. Он почувствовал себя плохо вчера в 11 часов вечера. В 4 утра он соборовался. Великая княгиня Елена, которую отправился предупредить граф Адлерберг, прибыла во дворец в 5 часов. Как только Император узнал, что она пришла, он позвал ее и сказал: “Ах! Мадам Мишель, благодарю, благодарю, что пришли” – и подал знак рукой, чтобы сказать ей, что умирает. Позже, когда он уже не мог больше говорить, за несколько минут до смерти, когда собралась вся августейшая семья, он посмотрел на жену наследника, великую княгиню, и потом перевел взгляд на Императрицу. Он не сказал ни слова, но выражение его взгляда было таким, что все собравшиеся содрогнулись» (*фр.*).

такой непогоде. Пока они советовались, подоспел другой экипаж, в котором сидели муж, жена и ребенок с кормилицей и лакеем на козлах. На пустом берегу не было пристанища – путешественники решили не останавливаться и приказали лодочнику приготовляться. Все сели в лодку. Что случилось потом, мы точно никогда не могли узнать. На противоположном берегу сквозь сгустившиеся сумерки заметили, что лодка опрокинулась. Крестьяне спустили свою лодку и стали грести по направлению к месту катастрофы. Долго искали они тщетно, наконец нашли окоченевшего от холода человека. Он был в обмороке, его привели в избу и положили на печь. Когда через некоторое время он пришел в себя, то первые слова его были: «А где другие?» И на вопрос: «Разве еще есть?» – он ответил: «Их было много». Несмотря на темную, наступившую уже ночь, отправились на новые поиски, но безуспешно. Утром опять вышли на реку, и вот у холмика, выступавшего посреди разлива, нашли наконец тела погибших, волна их привела всех вместе к их общей могиле. Это случилось 18 марта 1855 года. Понятно горе всей нашей семьи, особенно бедной бабушки, которая теряла второго сына в неожиданной катастрофе. Сообщения были медленны тогда; мы узнали о совершившемся только спустя несколько дней. Мои дяди выехали на место происшествия, чтобы принять необходимые меры и собрать те скудные подробности, которые можно было получить от местных жителей. При покойном был найден портрет его жены, писанный масляными красками ею самою, с которым он никогда не расставался, но портфель с крупной суммой денег исчез – между тем, по свидетельству главного управляющего, он вез с собой 60 000 рублей. Вместе с сим, разговаривая с представителем полиции, князь Борис Федорович вдруг увидел на руке своего собеседника кольцо, принадлежавшее его покойному брату. На замечание его о сем, тот смутился, тотчас же снял кольцо с пальца и, передавая его, объяснил, что он нарочно надел его, чтобы не потерять и возратить по принадлежности. Чтобы утешить бедную бабушку в ее тяжелом горе, мамá решила провести лето с ней, и так как придворные ее обязанности притягивали ее к Каменному острову, то взята была поблизости дача в Лесном. Мой отец ездил по имениям. Брат Борис был в первый раз в лагерном сборе с полком, и Федя²⁸⁵ был частью в пансионе, частью с ним.

Не могу сказать, что это пребывание имело для меня много прелести. Дача была посредственная. Красот природы в Лесном мало, жизнь была однообразная и для нас, девочек, одинокая. Но для меня внешняя форма ее имела второстепенное значение. Моя жизненность была так велика, что она создавала свою область фантазии и мечты помимо всего окружающего. С этого времени, как мне кажется, начинается то раздвоение жизни, которое было моим уделом в течение долгих лет до той поры, пока, достигши наконец пристани, я могла собрать аккорд из бывших так часто болезненных диссонансов. Вот что я писала по этому поводу в моем дневнике: «25 Juin 1855. Quelles délices je trouve à rêver toute éveillée! On se laisse emporter par l'imagination dans les champs brillants de l'avenir, du passé, on se crée mille images riantes ou tristes selon la disposition du moment. On se figure des situations, des mots, des gestes, des sourires, des expressions, des contenance, l'illusion est si parfaite qu'on en rit ou on en pleure selon les sujets et on aime à y rester tant il y a de charmes dans les vagues tableaux qu'on se représente dont on fait partie, et quand ils s'envolent, l'imagination en crée d'autres aussi brillants aussi illusoires. D'autres ont-ils senti comme moi ce charme mystérieux? Voilà une question, que je me pose souvent et que je ne saurais résoudre, je crois que oui, car je ne suis ni plus folle, ni plus poète que d'autres. Avec l'âge je suis bien sûre que mes chimères s'envoleront quand des intérêts sérieux viendront occuper mon esprit. – Pourquoi ne pas en jouir avec délices maintenant qu'elles me restent encore. J'ai lu autrefois un conte de Lelio intitulé "La reine Mab"²⁸⁶. C'est cette reine qui apparaît toutes les nuits à une pensionnaire nommée Lina et qui la mène au milieu de toutes les splendeurs, que peut enfanter

²⁸⁵ Князь Ф.А. Куракин.

²⁸⁶ Речь идет о сказке «Королева Маб» («La Reine Mab»), опубликованной младшей сестрой О. де Бальзака Лорой Сюрвилль под псевдонимом Лелио в 1843 г. в парижском детском журнале «Journal des enfants».

la plus riche imagination. Ma fée à moi: c'est l'illusion revêtue des couleurs de la vérité et c'est elle qui me présente des images réelles et charmantes»²⁸⁷. Я мечтала о войне, я желала быть Jeanne d'Arc, чтобы спасти мою родину, или я представляла себе упоение властью над сердцами людей посредством музыки, поэзии, вдохновенного слова. Я читала запоем стихи Victor Hugo, чувствовала сама потребность стихотворствовать. Между массой забытых мною вспоминаю одно из моих сочинений, передающее довольно верно мое настроение. Вот оно.

Rapide est l'éclair qui sillonne
En déchirant les sombres cieux.
Quand le tonnerre qui résonne
Accompagne ses feux,
Rapide elle est la jeune fille
Qui vole vers l'objet aimé,
Rapide est l'étoile qui file
Dans l'abîme insondé
Et le coursier que rien n'arrête
Vole rapide au son du cor,
Mais le coup d'aile du poète
Est plus rapide encore!²⁸⁸

Я также читала с увлечением исторические книги, между прочим, обширный труд Чезаре Канту, переведенный с итальянского на французский язык: «История ста лет от 1750 до 1850 года»²⁸⁹. Эта книга произвела на меня сильное впечатление, чему служит доказательством то, что после 50 лет я ее еще хорошо помню. До тех пор я знала историю французской революции из учебников и современных мемуаров, где факты, конечно, передавались в исключительной окраске. В первый раз цельная картина ее внешней и внутренней стороны представилась моему сознанию, и я поняла глубокое значение этого всемирного кризиса.

В августе добрая великая княгиня Елена Павловна предложила моей матери привезти нас с собой в Ораниенбаум, куда двор перекочевал на несколько дней. Несмотря на мою мечтательность, я любила действительность еще более, когда она была привлекательна; четыре дня, проведенных мной в Ораниенбауме, были для меня восхитительны. Там мы нашли огромное общество, умное, приятное, артистическое. Князь и княгиня Одоевские²⁹⁰, граф Владимир Соллогуб, граф Павел Дмитриевич Киселев, брат его Николай Дмитриевич, бывший начальник

²⁸⁷ «25 июня 1855. Какое блаженство грезить наяву! Когда позволяешь воображению уноситься в блистающие области будущего, прошедшего, когда создаются тысячи веселых или грустных образов, смотря по минутному настроению. Представляешь себе ситуации, слова, жесты, улыбки, выражения, манеры; иллюзия эта настолько реальна, что смеешься или плачешь в зависимости от них, и нравится так оставаться, ведь так завораживающе очарование этих смутных картин, которые представляются воображению, в которых принимаешь участие, и когда они исчезают, воображение создает другие, столь же великолепные, столь же иллюзорные. Чувствовали ли, как я, другие люди это таинственное волшебство? Вот вопрос, который я часто задаю себе и на который не могу ответить, думаю, что да, потому что я не более сумасшедшая и не более поэт, чем другие. С возрастом я совершенно убедилась, что мои химеры исчезнут, когда мой ум займут серьезные интересы. Отчего же не насладиться ими теперь, когда они еще со мной. Я когда-то прочла сказку Лелио, озаглавленную “Королева Маб”. Эта королева являлась каждую ночь одной пансионерке по имени Лина и вела ее во дворец, полный таких сокровищ, какие только может представить самое богатое воображение. Моя фея – это иллюзия, облекшаяся в краски действительности, и именно она представляет мне реальные и прелестные образы» (фр.).

²⁸⁸ Стремительна молния, разрывающая тьму небес, когда гром сопровождает ее вспышки, стремительна молодая девушка, спешащая навстречу любимому, стремительна звезда, падающая в неизмеримую бездну, и конь, которого ничто не может остановить, стремительно несется при звуке рога. Но взмах поэтического крыла еще более стремителен (фр.).

²⁸⁹ См.: *Cantù C. Histoire de cent ans, de 1750 à 1850 (histoire, sciences, littérature, beaux-arts) / Tr. de l'italien, avec notes et observations, par Amédée Rénée.* [История столетия с 1750 по 1850 год (история, наука, литература, изящные искусства) / Пер. с итальянского с комментариями и замечаниями Амедея Рене.] Р., 1852—1854. V. 1—4.

²⁹⁰ Имеются в виду князь В.Ф. Одоевский и его жена О.С. Одоевская.

моего отца в Париже, барон Брунов, наш бывший посол в Лондоне, – все люди известные и блестящие собеседники. Die beiden Helenen²⁹¹ были центром веселых групп, серьезные разговоры сосредоточились около баронессы Раден, а сентиментальные окружили Lise Euler; было много музыки и дивного пения. Мне было очень приятно попасть вдруг в число взрослых и пользоваться своей маленькой долей внимания. Дома я была безмолвной, застенчивой девочкой и никогда не смела проговориться о моих мыслях. Сидя по целым вечерам с работой в руках около стола, где восседала бабушка, я слышала сквозь обычные мечтания рассказы ее о былом времени, о тогдашнем придворном мире, об оригинальностях вельмож, с которыми наша семья состояла в родстве и традиционной дружбе. Благодаря моей редкой произвольной памяти, рассказы эти запечатлевались в ней механически, так что я, зная хронику этой отдаленной эпохи, как будто бы жила в ее время. Каково бы ни было содержание моей замкнутой жизни, на посторонних я, конечно, производила впечатление недоделанного подростка, потому понятно, что первое вступление мое в волшебный мир светского общения было для меня очаровательно. В то время устраивали для великой княгини Екатерины Михайловны прелестный Китайский дворец²⁹², где во время оно жила Императрица Екатерина II. С тех пор он пришел в упадок, ныне восстанавлился в прежней роскоши и артистическом вкусе, и на следующий год уже был готов для помещения в нем. Мы гуляли по широким аллеям грандиозного парка и восхищались видом на море с павильона Кательной горы²⁹³, откуда уже при помощи телескопа можно было видеть за Кронштадтом неприятельские суда, стерегущие наши берега. Мы провели в Ораниенбауме день рождения великой княгини Екатерины Михайловны 16 августа. По этому случаю исполнена была кантата, слова которой сочинил граф Соллогуб, музыку князь Одоевский, пропета же она была певицами Фридберг и Соколовой с хором. Вот как она начиналась:

On dit que les arts d'Italie
 Au nord s'en allant voyager
 Crurent retrouver leur patrie
 Sous les splendeurs d'un oranger.
 Le séjour de la poésie
 Au nord dit on donna raison
 Le soleil seul par jalousie
 Resta pour garder la maison²⁹⁴, и проч. и проч.

(два последних стиха относятся к погоде, которая была дождливая). На следующий день мы отбыли, как и прибыли, на императорском пароходе до Елагинской пристани. Описав подробно все инциденты нашей поездки в своем дневнике, я кончаю так: «... nous voguons pas une vague n'agite la mer, M-r Arsénief (впоследствии адмирал Дмитрий Сергеевич) nous offre du thé, – nous en prenons avec plaisir, – on rit, on cause, on s'amuse. Notre aimable capitaine apporte plusieurs volumes de caricatures. On se les partage, on les regarde, on rit encore, on s'amuse toujours. Tout à coup un matelot semblant sortir de dessous terre présente un plateau chargé des plus beaux fruits. On est enchanté, on s'écrit – “Mais c'est une féerie vraiment”. On mange des fruits, ils sont exquis. On remercie le galant capitaine. Tout à coup on aperçoit Elaguine devant soi. Quoi, déjà!

²⁹¹ Обе Елены (нем.).

²⁹² Китайский дворец в Ораниенбауме был построен для Екатерины II архитектором А. Ринальди в 1762—1768 гг.

²⁹³ Имеется в виду трехэтажный павильон Кательной горки, построенный по проекту архитектора А. Ринальди в 1762—1774 гг. для Екатерины II в Ораниенбауме. Непосредственно к павильону примыкали деревянные горки, по которым съезжали на резных колясках – одноколках. Наверх они поднимались на канатах по специальным желобам. В 1801 г. катание было запрещено из-за трещин в стенах, к 1860-м гг. Кательная горка была полностью разобрана. В 2008 г. частично восстановлена.

²⁹⁴ «Говорят, что искусства Италии, собравшись путешествовать на север, полагали, что найдут там свою вторую родину под великолепными апельсиновыми деревьями. Говорят, что появление поэзии воскресило север, только солнце из ревности осталось [на юге] охранять дом» (фр.).

s'écrite-t-on. Oui déjà, la traversée est finie, le beau rêve aussi. En montant en calèche, les grandes demoiselles d'Oranienbaum redeviennent les petites bûches des Forestiers. Adieu grandeurs! Adieu honneurs! Effacez-vous devant les leçons, les exercices de Henselt et leur suite, étonnés d'être restés quatre jours sans fonctionner!»²⁹⁵

Жестокая война все еще продолжалась. Малахов курган стоял последним отважным борцом за честь родины. Я читала только что появившиеся «Севастопольские рассказы» графа Л.Н. Толстого²⁹⁶, и сердце сжималось от энтузиазма и от боли при описании этой героической эпопеи. Наконец 26 августа войска удалились, оставив неприятелю одни окровавленные развалины, как писал в своем донесении князь Горчаков²⁹⁷. После этого события мир был близок, и, несмотря на угнетающую скорбь, чувствовалось облегчение вследствие прекращения стольких адских страданий. Что касается до меня, то жизнерадостность моя очень быстро взяла свое. В эту зиму мне было особенно весело. Мы постоянно виделись с нашими друзьями Орловыми-Давыдовыми, Паниными и Куракиными, давно уже возвратившимися в Петербург. Кроме них наше постоянное общество составляли Гри-Гри Голицын²⁹⁸ (уже камер-паж)²⁹⁹, товарищ Бориса, юнкер Кавалергардского полка князь Долгорукий (родители коего были в Полтавской губернии)³⁰⁰ и студент университета Иван Иванович Рюмин. Мы играли комедию, что я любила больше всего. У Куракиных была устроена сцена, мы исполняли две пьесы Скриба: «La demoiselle à marier» и «Le menteur Véridique»³⁰¹. После спектакля мы танцевали. Вообще часто бывали танцевальные вечера, на которых я безумно веселилась. За мной ухаживали, и это мне страшно нравилось, и моя голова была полна разговорами и воспоминаниями о балльных эпизодах, которые я лихорадочно записывала в моем дневнике, не имея никого, кому могла бы поверить свои восторги. Великая княгиня Елена Павловна также приглашала меня на свои маленькие вечера. На одном из них была исполнена *Kinder Symphonie*³⁰², род музыки, впервые вступившей тогда в моду. Основание составляло фортепьяно Лешетицкого с аккомпанементом квартета музыкантов, и при этом играл целый оркестр из детских инструментов, долженствовавших изображать пение птиц. Нужно было только знать счет и следить по нотам, чтобы выступить вовремя. Мне тогда дали какой-то инструмент, который должен был изображать перепелку, и пришлось руководить двумя моими соседками, которые не умели твердо считать такты. Пока я стояла за моим пюпитром, ко мне подошла дама, которая стала любезно говорить со мною. Сначала я ее не узнала, но в течение разговора поняла, что это была Императрица Мария Александровна. На этом же вечере я была представлена великим княгиням Александре Иосифовне и Марии Николаевне. Все были ко мне чрезвычайно ласковы и добры, так что я не чувствовала робости. Весной мы были приглашены на пребывание в Каменноостровский дворец. Мы там оставались несколько недель до переезда в Ораниенбаум, где Китайский дворец только что был отделан, а для свиты был построен Кавалерский дом при

²⁹⁵ «Мы плывем, и ни одна волна не колеблет море. Арсеньев <...> предлагает нам чай, – мы пьем его с удовольствием, смеемся, беседуем, развлекаемся. Наш любезный капитан приносит несколько томов карикатур. Делим их между собой, смотрим, снова смеемся, по-прежнему веселимся. Вдруг, будто появившийся из-под земли, матрос предлагает нам блюдо, наполненное самыми прекрасными фруктами. Все восхищены, восклицают: “Это, право, феерия!” Едим фрукты, они превосходны. Благодарим обходительного капитана. Неожиданно перед нами открывается Елагин остров. Все восклицают: “Как, уже!” Да, уже, переправа окончена, а с нею и прекрасное волшебство. Садясь в коляску, знатные девицы из Ораниенбаума вновь становятся маленькими поленьями в руках лесничих. Прощай, величие! Прощайте, почести! Исчезайте перед уроками, упражнениями Гензельта и ему подобных, удивленных тем, что четыре дня оставались без работы!» (*фр.*).

²⁹⁶ «Севастопольские рассказы» были опубликованы в журнале «Современник» (1855. № 6, 8; 1856. № 1).

²⁹⁷ Князь М.Д. Горчаков.

²⁹⁸ То есть Г.С. Голицын.

²⁹⁹ Камер-паж – придворный чин. С 1800 г. камер-пажами являлись 16 лучших воспитанников Пажеского корпуса.

³⁰⁰ Князь Михаил Михайлович Долгоруков.

³⁰¹ «Девушка на выданье» и «Правдивый лгун» (*фр.*).

³⁰² Детская симфония (*нем.*).

дворце. В этом доме помещались мы, фрейлина Штрандман, адъютанты герцога, состоявший при нем генерал Баумгарт, гофмейстер князь Мещерский³⁰³ (немного позже), и были устроены помещения для гостей. Весь дом блестел свежестью и отличался комфортом. Мы все завтракали и обедали вместе в кавалерской зале, где также происходили изредка вечерние собрания, на которые приезжала великая княгиня со своим супругом, а мамá принимала. Анна Карловна Фридберг уже вышла замуж за Лешетицкого. Музыкальный элемент на этих вечерах состоял из пения г-жи Соколовой и моей игры, что меня всегда смущало, тем более что я играла наизусть. Но чаще всего собрания происходили в Китайском или Большом дворце у великой княгини Елены Павловны. Там общество было очень многочисленное и оживленное. Гостили поочередно князь Петр Андреевич Вяземский, некоторые дипломаты, граф Кейзерлинг, князь Павел Павлович Гагарин, граф Киселев, а постоянно пребывали: Одоевский, несколько немецких принцев из родни великой княгини, между ними веселый принц Николай Нассауский (впоследствии женившийся на дочери Пушкина г-же Дуббельт)³⁰⁴, и также великая герцогиня Веймарская, Мария Павловна, приглашенная присутствовать на коронации, назначенной на 26 августа. Эта принцесса была другом юности моей бабушки княгини Голицыной, бывшей фрейлины Императрицы Марии Федоровны. Поэтому она пожелала видеть внучку ее старой подруги, и я была представлена ей на первом же вечере. Она также была в большой дружбе с нашим дедом князем Александром Борисовичем Куракиным³⁰⁵, который даже умер, гостя у ней в Веймаре. Тело его было перевезено, по желанию Императрицы, из Веймара в Павловск, где оно покоится в церкви под памятником, сооруженным ему Государыней, с надписью: «Другу супруга моего». Собрания в Большом дворце происходили в большой круглой зале, называемой Японской, оттого в шутку звали наши оба дворца «la Chine et le Japon»³⁰⁶. Я всегда была приглашаема на них и очень веселилась. Играли с большим оживлением в *petits jeux*³⁰⁷. Особенным успехом пользовалась игра под названием *la Poste*³⁰⁸, где приходилось перебегать постоянно из одного места в другое. Кроме того, была музыка, и велись умные разговоры, к которым я прислушивалась с наслаждением. Довольно часто великая княгиня Екатерина Михайловна брала меня с собой, для обратной езды в «Китай». Тут началось мое сближение с этой высокой душой, которое никогда не прерывалось.

Меня решили не представлять еще официально ко двору во время коронации. Конечно, мне было жаль, тем более что мои ровесницы дебютировали в это время, и я не могла не сознавать, что по моему развитию я заслуживала того, чтобы меня не считали уже ребенком, но я так привыкла к дисциплине, что не смела роптать даже мысленно. Одной из причин этого решения была та, что по состоянию здоровья великой княгини Екатерины Михайловны неизвестно было еще, поедет ли она в Москву или нет? Если бы нашли эту поездку для нее опасной, то мамá осталась бы при ней, и эта перемена отразилась бы также и на моей судьбе. Вообще, мы были дрессированы в безусловном повиновении. Приведу один пример. Однажды за завтраком один из наших кавалеров, зная мою страсть к верховой езде, предложил мне свою лошадь. С разрешения мамá я с радостью приняла его предложение, и Элен Штрандман стала давать мне советы, как лучше, скорее и дешевле устроить мой верховой костюм. Я была в восторге от мысли, что мне предстоит это любимое мое удовольствие, и, придя в мою комнату после завтрака, я ходила взад и вперед, обдумывая с восхищением, как привести его к скорейшему исполнению. Надо сказать, что в Ораниенбауме к нам не ездили учителя, но расписание уроков

³⁰³ Имеется в виду А.В. Мещерский.

³⁰⁴ Принц Николай-Вильгельм Нассауский женилсяmorganатическим браком на дочери А.С. Пушкина Наталье Александровне (в первом браке за М.Л. Дубельтом), получившей титул графини Меренберг.

³⁰⁵ Князь А.Б. Куракин (старший) – не дед, а двоюродный прадед Е.А. Нарышкиной.

³⁰⁶ «Китай и Япония» (фр.).

³⁰⁷ салонные игры (фр.).

³⁰⁸ Почта (фр.).

существовало: в 2 часа (мы завтракали в 1 час) я должна была заниматься английским языком. Было 10 минут третьего. Дверь отворилась. Вошла мамá. Я остановилась посреди моего шага-ния. Мамá спросила: «Que faites-vous?»³⁰⁹ Я отвечала, смущенная: «Je pense à mon amazone»³¹⁰. Мамá заметила: «Vous devriez faire votre Anglais»³¹¹, – и прибавила, уходя: «Je suis surprise de vous voir vous affranchir si facilement d'une obligation imposée par le devoir»³¹². Я вздохнула, отогнала до поры до времени мысль об амазонке и верховой езде туда, где покоились все прочие мечты, ожидавшие свободы, а пока запертые на замок, и засела за анализ одной главы из Мильтона.

В Москву мы все-таки поехали. Для великой княгини был предоставлен от большого двора роскошный дом Самарина на Тверской³¹³. Мамá помещалась там же, а мы обе с Goussette были приглашены Марией Сергеевной Бутурлиной в ее дом на Знаменке³¹⁴. Я в первый раз была в Москве, в этом сердце России, среди всех исторических воспоминаний, столь дорогих каждому русскому сердцу. Мы ездили смотреть все достопримечательности и восхищались ими. Из моих подруг только Орловы-Давыдовы не выезжали, но я постоянно сообщалась с придворным и местным обществом, так как вся Москва приезжала к моей матери, и меня всегда звали во время визита дам с их дебютирующими дочерьми. И всегда тот же вопрос: почему я не выезжаю? Даже раз, когда я сопровождала великую княгиню Екатерину Михайловну и она представила меня Императрице Александре Федоровне, Государыня в очень ласковом обращении со мной сказала, между прочим: «Mais c'est une tyrannie de vous garder à la maison!»³¹⁵ Эту tyrannie³¹⁶ я не особенно чувствовала по привычке никогда не смей ничего требовать, и вообще, настоящее почти не существовало для меня. Я жила в будущем, стремясь к нему на всех крыльях моих несбыточных мечтаний.

Въезд на коронацию был удивителен. Мне пришлось единственный раз видеть это великолепное зрелище, так как при двух последующих подобных случаях в 1883 и 1896 годах я участвовала в кортеже и потому не могла видеть общего впечатления. Длинная процессия плавно следовала вдоль Тверской улицы, и казалось, превращала ее в реку с золотыми волнами. Шествие замыкалось представителями всех азиатских и кавказских племен в их национальных костюмах, и число их и разнообразность давало внушительное понятие о величии России, соединявшей под своим скипетром столько народов. В самый день коронации мы заняли места на трибунах с 6 часов утра. Был ясный солнечный день. Впечатление той минуты, когда царственная чета вышла уже коронованная из Успенского собора, осталось для меня неизгладимым. Дневник мой и на этот раз сохраняет о нем память. Приведу опять несколько строк: «Lundi 26 Août 1856... Une décharge étourdissante de canons ainsi que la reprise du Боже Царя храни exécutée par tous les régiments qui se trouvaient là nous annoncent la fin du Te Deum»³¹⁷. En effet la famille impériale se dirige vers le palais dans le même ordre que précédemment. Au même instant l'empereur et l'impératrice³¹⁸ la couronne en tête et le manteau impérial sur les épaules sortent

³⁰⁹ «Что вы делаете?» (фр.).

³¹⁰ «Я думаю о своей амазонке» (фр.).

³¹¹ «Вы должны заниматься английским» (фр.).

³¹² «Я удивлена, видя, как легко вы освобождаетесь от возложенной на вас обязанности» (фр.).

³¹³ Дом на углу Тверской улицы и Газетного переулка был приобретен Ф.Д. Самариным в 1826 г.

³¹⁴ Дом М.С. Бутурлиной находился на углу Знаменки и Старо-Ваганьковского переулка; ныне ул. Знаменка, 12/2.

³¹⁵ «Но это тирания – держать вас дома» (фр.).

³¹⁶ тиранию (фр.).

³¹⁷ Окончание обряда коронования. Характерно, что Нарышкина дает латинское название (Te Deum, laudamus!) гимна «Тебе, Бога хвалим!», которым заканчивался чин коронования, после чего была литургия. Автором текста этого гимна считается Святой Амвросий Медиоланский, который в конце IV в. переложил с греческого языка на латинский «Гимн Вседержителю» Святого Григория Богослова. В обиход русской православной церкви этот благодарственный гимн вошел в переводе с латинского языка.

³¹⁸ Император Александр II и императрица Мария Александровна.

de la cathédrale par une autre porte et vont faire le tour des trois cobоры avant de remonter le Красное крыльцо. L'Empereur est pâle, il a l'air fortement ému, mais sa belle figure est pleine d'une douce majesté et on se sent attendri en le regardant. Les rayons du soleil font briller de mille feux les magnifiques diamants de la couronne et celui du sceptre qu'il tient en main. L'Impératrice elle aussi est émue et cette émotion visible ne fait qu'ajouter au charme de sa personne, aussi digne que gracieuse. De chaque côté de L. L. M. M. se tiennent leurs assistants. Ceux de l'empereur sont ses deux frères les grands-ducs Constantin et Nicolas, ceux de l'impératrice son frère le prince Alexandre de Hesse et le duc Georges. Comment exprimer la magnificence de ce spectacle? L'enthousiasme était au comble, des hurrahs sortaient de toutes les bouches, tous les yeux se mouillaient de larmes, les hommes agitaient leurs chapeaux, les femmes leurs mouchoirs, tous les cœurs s'unissaient à cet hymne, qui ne cessait de se faire entendre, tous demandaient au Ciel de bénir cet empereur dont le règne si récent et commencé dans des circonstances si difficiles a déjà trouvé une gloire dans la cimentation de la paix. Cependant, le cortège après avoir fait le tour des cathédrales, remonte le grand escalier et entre dans les appartements du palais. Le grand acte est accompli. M-r Numers nous fait trouver bientôt notre voiture et vers trois heures nous revînmes chez nous. Nous y trouvâmes M-me Boutourline, enthousiasmée de ce qu'elle avait vu au point de demander ce que le ciel pouvait offrir de plus beau à ses élus?»³¹⁹ По окончании всех праздников коронации мы уехали 16 сентября из Москвы в экстренном поезде великой княгини Екатерины Михайловны и, намереваясь провести последний осенний месяц в деревне, взяли с собой мою двоюродную сестру Лизу Куракину, которая должна была прогостить у нас это время. Мы расстались с великой княгиней в Твери, откуда собирались уехать на другое утро в наше Степановское. В тот же еще день мы встречали на станции великую княгиню Елену Павловну, уезжавшую из Москвы и направлявшуюся на всю зиму в Ниццу. Пока весь двор и принцы выходили к приготовленному для них в царских комнатах обеду, великая княгиня оставалась в своем вагоне и пригласила к себе мамá и нас трех. Она была добра и ласкова с нами донельзя, угощала конфетами, спрашивала о наших впечатлениях. Одним словом, была относительно нас, трех бесцветных девочек, той же Charmeuse³²⁰, какой являлась государственным людям и великим умам, с ней соприкасавшимся. Мы остались с ней до отхода поезда, а на следующее утро уже прыгали по кочкам, катились по косогорам, вылезали из трясин, переезжали со страхом через живые мосты, одним словом, испытывали все прелести путешествия в дормезе³²¹ по невообразимым тверским дорогам. Приехавши наконец, мы с радостью окунулись в родную, уютную атмосферу. Мой отец ждал нас и приготовил для нас разные сюрпризы в усадьбе. Несколько дней спустя брат Борис приехал со своим товарищем князем Долгоруким. Мы ездили верхом, катались, веселились,

³¹⁹ «Понедельник 26 августа 1856... Оглушительный залп пушки, как и возобновление “Боже, Царя храни”, исполненное всеми войсками, которые там находились, возвещает об окончании “Te Deum”. Затем императорская семья направляется ко дворцу в том же порядке, что и прежде. В тот же самый миг Император и Императрица с коронами на головах и с мантиями на плечах выходят из собора через другие врата и совершают обход трех соборов, прежде чем вновь подняться на Красное крыльцо. Император бледен, он кажется очень взволнованным, а его прекрасная фигура исполнена спокойного величия, и, взирая на него, мы чувствуем умиление. Солнечные лучи заставляют сиять тысячами огней великолепные бриллианты его короны и скипетра, который он держит в руках. Императрица тоже растрогана, и это явное волнение только прибавляет очарования ее особе, сколь достойной, столь же и изящной. По обеим сторонам от их императорских величеств стоят их ассистенты. Со стороны Императора – два брата: великие князья Константин и Николай, со стороны Императрицы – ее брат, принц Александр Гессенский, и герцог Георг. Как передать великолепие этого зрелища? Высшая степень восторга, звуки “ура”, раздающиеся изо всех уст, все глаза полны слез, мужчины машут шляпами, женщины – носовыми платками, все сердца соединяются в этом гимне, который не перестает раздаваться, все молят Небо благословить Императора, чье царствование, начавшееся при столь сложных обстоятельствах, уже снискало славу укреплением мирного договора. Тем временем кортеж, совершив обход соборов, вновь поднимается по большой лестнице и входит во дворец. Великое действо совершилось. Господин Нумерс вскоре отыскал наш экипаж, и к трем часам мы возвратились домой. Там мы нашли госпожу Бутурлину, которая была в таком восторге от увиденного, что вопрошала, могли бы небеса подарить своим избранныкам что-то еще более прекрасное» (*фр.*).

³²⁰ чаровницей (*фр.*).

³²¹ Дормез – дорожная карета, в которой можно спать.

потому что были беззаботны и веселы. Мой двоюродный брат Борис Куракин также прикатил к нам, и мы мирно и приятно окончили осень.

По окончании коронационных торжеств Государь произнес свою знаменитую речь дворянству, объявив первый раз официально свою державную волю освободить крестьян от крепостной зависимости и прося дворянство обдумать способы к осуществлению этой мысли³²². Великая княгиня Елена Павловна ранее всех откликнулась на призыв Государя и занялась проектами по устройству крестьян в своем Полтавском имении Карловке³²³. Она желала подать наглядный пример способа освобождения крестьян в надежде, что другие землевладельцы последуют ему. Но частные сделки не могли, конечно, привести к общему переустройству условий собственности, и вскоре потом было приступлено к большой законодательной работе, завершившейся великим актом 19 февраля 1861 года. Несмотря на мою молодость, мысль о власти человека над человеком меня всегда давила, и счет имущества по душам человеческим меня возмущал. Моя бабушка раздала при жизни все свое большое состояние своим сыновьям, довольствуясь известной рентой, которую они ей платили. Меня всегда корбило, когда она говорила: «Je suis si contente, je n'ai plus un seul paysan!»³²⁴, выражая этим, что у нее более нет личного состояния. Конечно, ничего в нашей семье не давало мне представления о тяжелых формах крепостной зависимости, но самые условия нормальной жизни создавали поневоле страшный гнет. Приведу к этому два примера. При переселении нашем в Петербург, ввиду массы непредвиденных расходов моей матери, понадобилось, как временную меру, заложить в частные руки одно из своих имений. Я помню ее беспокойство и почти отчаяние, когда к приближению срока уплаты она видела возможность перехода ее добрых, преданных, избалованных крестьян в чужие руки. К счастью, опасность миновала, так как один из ее братьев выручил ее в эту минуту, но одна возможность такого непоправимого несчастья, от которого более нас пострадало бы целое общество посторонних людей, служит иллюстрацией невозможных условий тогдашнего порядка вещей. У моей матери было имение в Тульской губернии³²⁵, густо населенное, так что часть малоземельных крестьян жила в Петербурге, занимаясь разными ремеслами и торговлей. В каждый наш приезд из Парижа они являлись с подношениями конфет, апельсинов и кондитерских пирогов и беседовали с нами, выражая к нам добрые и преданные чувства. Мы с любопытством и симпатией прислушивались к их разговорам с нашей матерью. У двух из них были собственные дома, но, будучи крепостными, они не имели права владения, так что купчая крепость, равно как и все бумаги, были совершены на имя моей матери, которая значилась по закону владельницей этих имуществ. В данном случае, конечно, их неограниченное доверие не было обмануто, но сколько могло встретиться непредвиденных обстоятельств в подобных сделках, могущих и без злого умысла лишить настоящих владельцев своего добра? Внезапная смерть, опека над малолетними, опи-

³²² Ошибка мемуаристики: речь к московскому дворянству Александр II произнес задолго до коронации, 30 марта 1856 г. Император сказал: «Слухи носят, что я хочу дать свободу крестьянам; это несправедливо, — и вы можете сказать это всем направо и налево; но чувство, враждебное между крестьянами и их помещиками, к несчастью, существует, и от этого было уже несколько случаев неповиновения помещикам. Я убежден, что рано или поздно мы должны к этому прийти. Я думаю, что и Вы одного мнения со мной; следовательно, гораздо лучше, чтобы это произошло свыше, нежели снизу» (цит. по: *Зайончковский Л.А. Отмена крепостного права в России. М., 1964. С. 66*).

³²³ Положение об устройстве имения Карловка Константиновского уезда Полтавской губернии, где числилось до 7 тысяч ревизских душ, было составлено под руководством Н.А. Милютина и вступило в силу 21 мая 1859 г. Положение частично освобождало крестьян от крепостной зависимости.

³²⁴ «Я так довольна, что у меня уже больше нет ни одного крестьянина!» (*фр.*).

³²⁵ Речь идет о Байдиговской вотчине Каширского уезда Тульской губернии (село Байдик, деревня Долматовка). В 1851 г. вотчина перешла к Ю.Ф. Куракиной от матери — княгини А.А. Голицыной. Крестьяне, исправно платившие денежный оброк, отпускались на заработки в Петербург и Москву, а мальчики — в учение. Согласно распоряжениям, которые управляющий вотчиной Н.И. Панов отдавал бурмистру в 1851—1854 гг., крестьяне, отправлявшиеся в Петербург, получали паспорт, но с 1853 г. им начали выдавать пропуска, чтобы они вовремя «являлись к старосте, который должен знать, где они будут» (РГАДА. Ф. 1375. Оп. 2. Д. 26. Л. 10 об.). В 1865 г. в селе Байдик числилось 179 душ, имевших 492 десятины земли, в деревне Долматовка — 33 души, имевших 90 десятин (Там же. Д. 54. Л. 1—1 об.).

сание имения за долги... такие и подобные случайности могли сразу превратить зажиточных людей в нищих. Что же сказать, когда владельцы или управляющие, пользуясь своим юридическим правом, могли безнаказанно присвоить себе чужое! Припомню еще между многими один для меня характерный факт, служащий подтверждением моей мысли. Одна помещица, очень добрая и культурная, жила в своем имении и пользовалась заслуженной любовью среди своих крестьян. Не имея детей, она взяла к себе маленькую девочку и занялась ее воспитанием. Она так привязалась к ней и была так довольна восприимчивостью ребенка к учению, особенно к музыке, и природной ее добротой, что намеревалась усыновить ее и завещать ей все свое состояние. Воспитанница уже пользовалась всеми преимуществами своего положения и любила свою благодетельницу как родную мать, но вдруг внезапный апоплексический удар разрушил до основания все здание их устроенной жизни. В патриархальном, идиллическом строе этого мирного уголка о юридических формальностях заботились мало, и хотя добрая барыня и хотела облечь в законную силу великодушные свои намерения касательно своей воспитанницы, но дело откладывалось год за годом, а теперь смерть отняла возможность его осуществить. Имение перешло к отдаленному родственнику, который никогда близко не стоял к бывшей владелице и не заботился об ее отношениях к воспитаннице. К ужасу своему, бедная сирота оказалась его крепостной! Присланный поверенный, приняв имение, передал ей от имени нового владельца единовременное пособие и водворил ее в семью дяди, от которого она была взята. Не распространяюсь об ее отчаянии. Всякий поймет, что значило для нее, привыкшей к сравнительной роскоши и культурной жизни, очутиться в среде бедной и грубой крестьянской семьи. К счастью своему, этот сокрушающий удар постиг ее за год до провозглашения освобождения русского народа, и ее мучения кончились с упразднением крепостного ига для всей России. Она переехала в Москву, занялась преподаванием музыки и, взяв к себе на воспитание малолетнего племянника, сумела открыть в нем сильный музыкальный талант³²⁶. Под ее руководством имя его приобрело всеобщую почетную известность. Мне пришлось слушать великолепное исполнение дирижируемым им хором церковного пения старой итальянской школы XVI столетия на слова псалмов. В нарядной гостиниой выделялась среди блестящих туалетов скромная пожилая женщина, вся в черном, которая, видимо, следила за каждым звуком и, казалось, знала наизусть как музыкальные мотивы, так и латинские слова, которые губы ее беззвучно произносили. Она меня заинтересовала, и я узнала, что она была та самая девушка, для которой великий акт 19 февраля даровал свободу личности. Вот почему, какие бы ни встретились ошибки в проведении в жизнь великих реформ, слава Государя как освободителя человеческой личности многомиллионного народа остается неувядаемой.

Атмосфера Михайловского дворца поддерживала во мне мое природное чувство справедливости, укрепленное впечатлениями детства, проведенного в свободной стране, и энтузиазм по этому вопросу чередовался в моем бьющемся скорым темпом сердце с моими личными мечтами об открывающейся предо мной жизни. Если бы мне пришлось нарисовать схему следующих полутора лет, то есть зимы, лета и опять зимы, я бы окрасила этот период времени сплошной ярко-розовой краской. Признанная наконец взрослой девицей, я жила на всех парах всем моим существом, умом, воображением, поэзией, крайним физическим напряжением моего несокрушимого здоровья и неутомимой мускулатурой. Балы, на которые я начала выезжать, и мои успехи там, верховая езда на красивой золотистой верховой лошади Забаве, подаренной мне отцом и на которой я обучалась манежной езде и скачкам через барьеры, живые картины в Михайловском дворце, в которых мы постоянно участвовали; курсы французской литературы у m-r Bougault и английской литературы у m-lle Troubat, уроки Гензельта и ежедневные двухчасовые приготовления к ним, мое восхищение «Демоном» Лермонтова,

³²⁶ Имеется в виду А.А. Архангельский.

которого я читала в первый раз в рукописи³²⁷ и столько раз перечитывала, что знала почти всю поэму наизусть, в сознании всей этой жизни я чувствовала интенсивное счастье, что не хотела спать, дабы не терять этого ощущения, и даже во время сна крылатые строфы, казалось, летали вокруг меня и убаюкивали меня мелодичными стихами моих любимых поэтов. К довершению счастья, семейство Вяземских³²⁸ переехало в эту зиму в Петербург. Моего друга Мери³²⁹ я не видела со времени нашего первого знакомства в S-t Germain, когда мы обе были 13-летними девочками, а теперь Мери хотя и была уже помолвлена за своего родственника графа Ламздорфа, но согласие на этот брак мать ее дала только через год. Я имела смутное опасение, что наши отношения изменятся. Но как я была счастлива, когда убедилась, что Мери осталась той же умной, чуткой, все понимающей, любящей, каковой я ее оставила. Мы сблизились, как могут только сблизиться молодые сердца однородные, верующие во все хорошее и находящие взаимную поддержку в стремлениях к общим идеалам. Дружба Мери была моей большой отрадой в этом году. Весной она вышла замуж и уехала на время, а я осталась одинокой, с сердцем, полным порывами, в недопускающей увлечения строгой обстановке семьи.

Бабушка пользовалась у нас огромным авторитетом. Высокий разум руководил ее сентенциями. Ее суждения, носившие всегда печать благородства и независимости, передавались в сжатой форме, как бы вырезанные на камне. Она справедливо имела репутацию женщины большого ума, но не понимала и презирала все, что было похоже на восторженность и всякое внешнее проявление какого бы то ни было чувства. Так, я помню, как однажды на панихиде по одной молодой княгине Голицыной, умершей 18-ти лет в первых родах, она заметила про одну даму, которая плакала навзрыд, что она была «*bien provinciale de pleurer de cette façon*»³³⁰. Мы ездили каждое воскресенье с ней к обедне к Татьяне Борисовне Потемкиной (мама была в эти дни в Михайловском дворце) и стояли впереди нее. Если мне случалось, забыв все, погрузиться в усердную молитву, я чувствовала на плече сухие пальцы бабушки, и ее голос у моего уха произносил: «*Ne vous exaltez pas!*»³³¹ Несмотря на то что я более всех походила на своего отца, с которым она никогда не могла сойтись, так как их натуры были прямыми противоположностями, она меня очень любила, хотя ни в чем не проявляла своей нежности. Понятно, что я не чувствовала себя ободренной к откровенности в такой атмосфере и что я более и более замыкалась в моем внутреннем мире. Мама замечала это с некоторой досадой и говорила мне иногда: «*Vous avez toujours vos poses de phénomène incompris*»³³². Феномен?! Я?! Как далека я была от такого представления о себе. Я слишком болезненно чувствовала почти смешное различие между тем, чем я желала быть, и тем, что я была.

Моя привычка думать и составлять самостоятельно свои заключения выработала во мне ясный ум и прямую совесть. Эти свойства были драгоценным для меня даром при моей способности к увлечениям – они были моей нравственной уздой. Я не могла действовать по неведению и потому никогда не теряла сознания своей ответственности. Основанием моей внутренней жизни было религиозное чувство, очень сильное. Крест представлялся мне последним выражением любви, доходящей до страдания, и я его видела в том же сиянии, в котором предстал пред апостолами Христос на Фаворской горе во время беседы о будущем своем кресте. Эти восторги происходили скорее от поэтического чувства и потому, увы, были мимолетны,

³²⁷ Поэма М.Ю. Лермонтова «Демон» впервые была издана целиком только в 1856 г., причем за рубежом (в Карлсруэ), затем последовали еще два издания – в Берлине в 1856 г. и в Карлсруэ в 1857 г., а в России она была опубликована лишь в 1860 г.

³²⁸ Семья князя П.П. Вяземского.

³²⁹ М.И. Бек.

³³⁰ «слишком провинциальна, проливая столько слез» (фр.).

³³¹ «Не увлекайся!» (фр.).

³³² «У вас всегда вид непонятого феномена» (фр.).

но на время отрезвляли меня от светского чада. Я упрекала себя в моей любви к наслаждениям жизнью и под влиянием этой мысли написала следующее стихотворение:

A une jeune fille

Lorsque du premier bal, la grâce enchanteresse
Verse à flots ses trésors de lumière et de fleurs,
Et que d'un air dansant, le son rempli d'ivresse
Vous fait rêver, enfant, et palpiter le cœur,
Lorsque d'un pas léger, vous parcourez la salle
Au son brillant de l'air, qui gaiement retentit
Et que l'œil animé, vous effleurez la dalle,
Le plaisir est bien grand et votre cœur bondit.
Mais après ce plaisir, où l'âme s'abandonne
Que reste-t-il, enfant? Un brillant souvenir?
Pas toujours, et déjà, votre cœur en frissonne,
Au souvenir se joint un douloureux soupir.
Lorsqu'en rentrant du bal, votre tête se penche
Sur la main dégantée ou brillent des bijoux
Quel sont tous les pensers dont votre esprit s'épanche,
Pourquoi sont-ils amers, vos sentiments nouveaux?
Pourquoi le lendemain voit-on planer une ombre
Sur votre bleu regard hier encore si riant?
Pourquoi ce front candide a-t-il pris un air sombre
Lorsque la veille encore il était si brillant?
Pourquoi vous surprend-on à faiblement sourire
Pendant un long récit, que vous n'écoutez pas
Et lorsque par hasard, d'heureux éclats de rire
S'échappent près de vous, soupirez-vous tout bas?
Ah! c'est que votre esprit est au bal de la veille,
C'est qu'il vous montre encore ses tableaux enivrants
C'est que des mots flatteurs enchantent votre oreille
Pendant qu'autour de vous babillent des enfants.
Autour de vous toujours, le quadrille se presse
Vous vous sentez encore dans le flot tournoyant
Et vos regards fermés contemplent dans l'ivresse
La foule admiratrice à vos pas s'attachant.
Et si dans cette foule, un être se détache
Pour qui, prête à rougir, tu sens battre ton cœur,
Vers qui le plus souvent ton souvenir s'attache
Et redit mille fois son compliment flatteur,
Enfant! Je t'en conjure, ah! Laisse-là ce rêve,
Ce plaisir dangereux qui trouble ton repos,
Renverse les châteaux que ton esprit élève.
Ne fais point le roman, dont il est le héros.
Retourne à tes devoirs, à ton Dieu, vers ta mère,
Cesse, ma pauvre enfant, ces rêves de langueur,
Ce n'est pas pour rêver que l'on est sur la terre.

Au foyer seulement se trouve le bonheur!³³³

В этом году двор почти весь отсутствовал. Вдовствующая Императрица и Елена Павловна были в Ницце, а Мария Николаевна в Швейцарии. Императрица Мария Александровна не принимала по нездоровью, придворных балов совсем не было. Впрочем, эти обстоятельства совпадали с взглядами моей матери, не желавшей, чтобы мое вступление в свет ознаменовалось каким-то переломом в моей жизни. Она предупредила меня, что мое времяпрепровождение останется все то же, за исключением некоторых новых удовольствий, и что чем более я буду веселиться, тем строже я должна буду относиться к моим *devoirs*³³⁴. Я никогда не знала, когда меня повезут на вечер. Меня всюду приглашали, но мамá не принимала всех приглашений. Я часто тогда только узнавала, что меня ожидает выезд, когда я видела, как девушки расправляют мои незатейливые наряды, – все это моя мать делала, чтобы умерить мою любовь к свету и отвлечь мои мысли от суеты. Мне кажется, что получилось как раз обратное действие, потому что трудно себе представить, с каким трепетом я ожидала, повезут ли меня или нет. Во всяком случае, у нас не было места тем честолюбивым расчетам, с которыми связывается иногда появление девицы в свете.

23 апреля мне неожиданно прислан был фрейлинский шифр³³⁵, но официально представление мое ко двору состоялось только осенью в Царском Селе, так как в конце апреля родился великий князь Сергей Александрович, а Императрица Александра Федоровна еще не возвратилась из-за границы. Весной мы, по обыкновению, провели несколько недель в Каменноостровском дворце, а потом переехали в Ораниенбаум. Там мне было особенно приятно. Мои впечатления тотчас же передадут живее картину нашего житья-бытья, чем мои рассказы *a posteriori*³³⁶, и потому я решаюсь переписать часть дневника моего, касающуюся этого лета.

«Mercredi 26 Juin 1857. Hier soir à la Катальная, la grande-duchesse³³⁷ dit qu'il faudrait arranger quelque chose pour le retour du duc³³⁸, qui doit arriver samedi ou dimanche. On discuta des charades, des proverbes, des tableaux, rien ne fut décidé. Demain, le p[rin]ce Mestchersky ira en ville et en ramènera le c[om]te Fredro. C'est sur lui que nous fondons nos espérances.

Vendredi 28 Juin. Ah! quelle journée décousue et accidentée – que celle d'aujourd'hui! Ce matin, après la promenade lorsque j'entraï dans le salon, je vis chez maman Fredro et Jean Rumine (ce dernier venu de Péterhof). On causa, on discuta des plans pour la surprise, que l'imagination

³³³ Юной девушке Когда чарующее обаяние первого бала сливается с потоками драгоценностей, света и цветов и звук танцевальной мелодии наполняет вас, еще ребенка, восторгом, он рождает у вас мечты и заставляет трепетать ваше сердце. Когда легкими па вы несетесь по залу под звуки блестящей мелодии, которая весело раздается, и взгляд ваш оживлен, вы слегка касаетесь пола, наслаждение очень велико, и ваше сердце колотится. Но после этого удовольствия, которому предается душа, что остается тебе, дитя? Сверкающее воспоминание? Не всегда, и уже ваше сердце дрожит, сопровождая это воспоминание горестным вздохом. Когда вы возвращаетесь с бала, ваша голова склоняется над рукой без перчатки, на которой сверкают драгоценности, какие мысли волнуют ваш ум, почему они так горьки, эти новые чувства? Почему на следующий день ваш ясный взор, вчера еще столь веселый, омрачает тень? Отчего на этом наивном лице, вчера еще столь веселом, отблеск печали? Почему во время долгого рассказа, который вы не слушаете, ваше лицо трогает едва заметная улыбка, и почему веселые взрывы смеха, случайно раздавшиеся возле вас, вызывают у вас тихий вздох? Ах! Потому что вы мысленно еще на вечернем балу, вам снова являются упоительные картины, ваш слух ласкают одобрительные слова в то время, как вокруг вас лепечут дети. Вы еще кружитесь в кадрили, вы снова ощущаете себя в кружащемся потоке, и ваш взор тайно созерцает в упоении толпу поклонников, следящую за вашими па. И если в этой толпе выделяется кто-то, из-за кого, готовая покраснеть, ты чувствуешь, как колотится твое сердце, кто-то, к кому чаще всего стремится твоя память и тысячу раз повторяет его лстивый комплимент, дитя, умоляю тебя, ах, оставь свои грезы – это опасное развлечение, которое тревожит твой покой, ниспровергает замки, которые воздвигла твоя душа, не делай его героем своего романа. Вспомни о своем долге, о своем Боге, о своей матушке! Прекрати, бедное дитя, эти грезы томления, мы рождены не для грез. Только у домашнего очага ты обретишь счастье!» (*фр.*).

³³⁴ обязанностям (*фр.*).

³³⁵ Шифром назывался золотой, украшенный бриллиантами вензель императрицы или великой княгини, под императорской короной, на банте из голубой андреевской ленты, который носился на корсаже с левой стороны груди.

³³⁶ позднейшие (*лат.*).

³³⁷ Великая княгиня Екатерина Михайловна.

³³⁸ Георг, герцог Мекленбург-Стрелицкий.

du c[om]te Fredro produisit en abondance jusqu'au moment du déjeuner. Après, toute la société se réunit de nouveau chez nous. On délibéra au milieu des rires et des saillies spirituelles du c[om]te Fredro, et le résultat fut le choix de trois mots qui doivent être présentés à dîner à la grande-duchesse. Première charade: Art-mai³³⁹, 2-de: Vers-vers³⁴⁰, 3-e: Vol-terre³⁴¹. Ce plan à peu près fixé, on alla faire une promenade en deux calèches du côté de Венки. La première, celle de la grande-duchesse, contenait Hélène et moi dans le fond et le p[rin]ce Mestchersky avec Fredro sur le devant. Dans la seconde, la nôtre, il y avait maman³⁴², Sacha et Rumine. La promenade fut très gaie. En rentrant, nous vîmes arriver Boris³⁴³ inopinément du camp. Nous avons été engagés à dîner chez la grande-duchesse, mais maman, pour rester avec Boris, parvint à se dégager et m'y envoya seule. On parla de nouveau des charades, puis la grande-duchesse m'invita à rouler avec elle dans son ponney-chaise. Nous fîmes une charmante promenade autour du lac, avant de rejoindre le reste de la société, qui s'était transportée pour le thé à la Кательная. Après le thé on écrivit une lettre collective en vers à la p[rince]sse Odoevsky. C'est Fredro, qui en a été le rédacteur. Pendant qu'elle se composait nous jouions aux syllabes, m-lle Strandman, Boris, m-r Numers et nous deux. Lorsque la lettre fut achevée la grande-duchesse nous appela pour en entendre la lecture. Les derniers vers en étaient:

Et nous allons dater cette épître amicale
Des sommets fortunés de la Гopa Katala.

Nous apposâmes tous notre signature à cette missive, et on se sépara bientôt. La grande-duchesse me ramena en ponney-chaise. Le reste de la compagnie rentra à pied. Le duc arrive après-demain et nos charades sont pour samedi.

Samedi 29 Juin. Aujourd'hui, jour de la Saint Pierre, nous avons eu la messe. Après le déjeuner, délibération chez nous. Fredro a admirablement lu des scènes de Molière. Puis, arrangements de nos costumes, avec m-lle Strandman. Ce n'est pas une petite affaire que d'improviser trois jolis costumes pompadour avec les éléments que nous avons à notre disposition. Nous dînâmes tous et Boris aussi chez la grande-duchesse. Après le dîner on se réunit dans une promenade en ligne. J'étais placée à côté de Fredro et sa conversation m'a surprise. Lui, si gai, si en train toujours, me parlait avec tristesse du poids des souvenirs, de l'amertume de la vie présente, dont on suit le cours au milieu des tombeaux de tant de personnes qui nous furent chères, lui parlait-on d'un autre côté, il ripostait vivement par une saillie remplie de verve pétillante, semblable à une fusée qui s'allume soudainement sur un ciel couvert de nuages. Cet esprit brillant, cette gaieté intarissable, ne sont-ils donc qu'un masque, au moyen duquel il dissimule la tristesse qui remplit son cœur? S'il en est ainsi, il est fort à plaindre. Nous prîmes le thé au palais. Boris, nous deux, Hélène et Jorry³⁴⁴, nous étions assis à la table des fruits et du laitage. Boris se mit à parler de mes soi-disant dispositions poétiques, et malgré tous mes

³³⁹ По-французски art – искусство, mai – май, вместе armée – армия, войско, которое обозначал лагерь Валленштейна.

³⁴⁰ Правильнее: «Ver-vert» («Вер-Вер»), что по-французски означает «зеленый змий» или «зеленый червяк» (ver – змей, червяк, vert – зеленый). Это название шутильной поэмы Луи Грессе, в которой описываются приключения попугая, воспитанного в женском монастыре. Поэма долгое время была популярна и в Европе (на ее сюжет в 1869 г. написал комическую оперу Жак Оффенбах), и в России, о чем свидетельствует (помимо упоминаний о ней А.С. Пушкина и перевода на русский язык, сделанного В. Курочкиным и опубликованного в «Отечественных записках» в 1875 г.), например, следующий факт: перевод ее, выполненный В.А. Небольсиной, в 1914 г. обсуждался во Всероссийском литературном обществе, о чем Небольсина сообщала А.Ф. Кони: «Я перевела стихами поэму Грессе “Вер-Вер”. Перевод мой был 24 января прочитан на заседании Всероссийского литературного общества. После чтения Ф.Д. Батюшков заметил, что поэма французского автора XVIII века для нас, русских, представляет тем больший интерес, что ее фабула о попугае Вер-Вере, получившем воспитание в женском монастыре, но затем огрубевшем в обществе матросов, проникла в наш русский народный эпос и послужила темой для одного неизданного рассказа Горбунова» (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 2666. Л. 1).

³⁴¹ По-французски vol – полет, terre – земля; вместе они составляют имя Вольтер.

³⁴² Ю.Ф. Куракина, мать Е.А. Нарышкиной.

³⁴³ Старший брат Е.А. Нарышкиной Борис.

³⁴⁴ Имеется в виду Е.Е. Мельников.

efforts récita le malheureux: “Heureux jour de mon âge” qui fait mon tourment depuis l’âge de sept ans que je l’ai composé. Sacha amplifia et assura que je composais des vers jusqu’à présent, que j’en avais une masse. Hélène dit qu’elle le savait et elle et Jorry ajoutèrent qu’ils me les feraient réciter à la Кавалерская³⁴⁵. Par exemple! C’est bien compter sans leur hôte.

Dimanche 30 Juin, Fredro me persécuta pour que je lui dise mes vers. Je refusai carrément. Le duc est arrivé. La surprise aura lieu demain.

Mardi 2 Juillet. D’abord nous eûmes la répétition à 2 heures. On se rendit à la salle des Muses et Fredro commença à nous grouper. La grande-duchesse représentant la peinture se tenait devant un chevalet. Hélène sculptait le buste de m-me Weymarn qui posait d’un air inspiré. Sacha et moi, nous étions en pose de menuet et le p[rin]ce Mestchersky avec sa pochette représentait notre maître de danse. Dans un coin, m-r Jorry, Boris et Rumine, ayant l’air de déclamer devant un livre posaient pour la poésie. M-lle Harder, excellente pianiste et élève de Chopin, exécutait pendant la durée du tableau une pièce courte et brillante à laquelle devait succéder l’air du menuet de Don Juan³⁴⁶ chanté par m-me Kochétof (Sokolof), son frère³⁴⁷ et sa soeur³⁴⁸. En même temps les groupes s’animent et on danse un menuet à quatre paires. La grande-duchesse, qui le savait seule commença à nous l’apprendre. Les danseurs étaient: la grande-duchesse avec Jorry, le p[rin]ce Mestchersky avec m-me Weymarn, Boris et moi – Hélène avec Jean Rumine. A la fin du menuet on passa dans la chambre voisine transformée en un délicieux jardin au moyen d’une multitude de plantes de serre chaude posée sur une élévation simulant une colline, et un Watteau langoureux rappelant le Décaméron de Boccace, et formé par les personnages de la première syllabe, vient y figurer le mois de Mai. – Le tout fut représenté par le Wallenstein’s lager, organisé sur les pelouses avoisinant le palais Chinois. Une tente fut dressée, des faisceaux d’armes, des soldats revêtus d’armures du moyen âge, des feux et une scène de la tragédie de Schiller³⁴⁹, récitée par Jorry, Sokoloff et Numers. La seconde charade fut Ververt. D’abord une scène du Misanthrope³⁵⁰ recitée par Fredro, le p[rin]ce Mestchersky et Jean Rumine, puis une scène de Zaïre³⁵¹ declamée par la grande-duchesse et maman devant le p[rin]ce Mestchersky, représentant Voltaire et le tout fut un tableau représentant la stupéfaction des Nonnes rassemblées autour de la cage de Ververt. C’est Numers qui représentait la mère Abbesse, et il m’avait emprunté ma jupe d’Amazone pour remplir ce rôle. Tout réussit à merveille, il y eut beaucoup de gaieté et la soirée fut charmante. A la fin des charades, la grande-duchesse organisa une ronde qu’on dansa autour de Fredro et à la fin de laquelle elle lui posa une couronne sur la tête. On alla souper et tout le monde se sépara enchanté de sa soirée. Fredro est parti aujourd’hui promettant de revenir dans quelques jours. Nous devons avoir un bal ces jours-ci à la Кательная et c’est maman qui invitera et recevra.

Jeudi 4 Juillet. Nous avons fait une longue promenade à pied avec Hélène – pendant le retour en calèche. Maman m’a dit de réciter à Hélène mes vers sur le bal, que j’ai faits ce printemps. Je m’en défendis d’abord, mais force me fut de céder et de les accompagner du Myosotis et de l’Hirondelle. Je crois qu’ils plurent à Hélène.

Samedi 6 Juillet. Demain le bal! Toutes nos têtes sont pleines de cette idée, on compte et recompte les invités – on lit avec satisfaction les billets, qui acceptent, avec dépit ceux qui refusent. On va voir la Гopa Katala ornée d’une multitude de fleurs. Entre les mille distractions de ces jours j’ai trouvé quelques moments à consacrer ... à la Muse! Voici ce qui l’a provoqué. Hier la grande-duchesse me ramena du mont Katala. La soirée était magnifique et je ne résistai pas à la tentation

³⁴⁵ Имеется в виду Кавалерский корпус в Ораниенбауме.

³⁴⁶ Имеется в виду опера Моцарта «Дон Жуан» (1787).

³⁴⁷ Д.Д. Соколов.

³⁴⁸ Сестра певицы Соколовой (Кочетовой).

³⁴⁹ Имеется в виду трагедия Ф. Шиллера «Лагерь Валленштейна» – первая часть трилогии, посвященной судьбе немецкого полководца времен Тридцатилетней войны Альбрехта Валленштейна.

³⁵⁰ «Мизантроп» (1666) – комедия Мольера.

³⁵¹ «Заира» (1732) – трагедия Вольтера.

de m'établir pour quelques instants sur le balcon pour y attendre le reste de la société, qui revenait à pied. L'air était pur et embaumé des parfums du soir, le ciel serein, la température vivifiante et douce, le silence troublé seulement par les échos des voix de la société attardée, tout concourait pour pénétrer mon âme d'un sentiment plein de douceur, je levai les yeux vers la voûte céleste si calme, si majestueuse de son harmonie grandiose. Je sentis, que si j'étais née poète, ce moment m'aurait inspiré mes plus beaux chants, et je plongeai dans l'intérieur de mon âme, pour en tirer les expressions qui devaient rendre les sentiments que j'éprouvais. Cette nuit encore, j'y rêvai, et ce matin, je mis en ordre mes idées et j'écrivis:

Plus que l'éclat brillant du jour plein de splendeur
J'aime l'heure douteuse, où la lune projette
De son pâle rayon la rêveuse douceur.
J'aime d'un ciel serein la majesté muette
Et le calme imposant d'un beau soir de l'été
Et j'aime à veiller seule à l'heure où tout sommeille,
A sentir s'élever la douce volupté
Qu'un rêve, une prière en mon âme réveille.
C'est l'heure, où tout repose, où la nature dort,
Seule l'âme s'élève au-dessus de la terre
Oubliant tous ses maux, et perce avec transport
Les voiles ténébreux, pour trouver la lumière.
Le calme de la nuit se répand dans mon cœur,
Je le sens palpiter d'un frisson plein de charmes.
Mon être est traversé par un souffle enchanteur
Qui me fait voir le Ciel, et qui tarit mes larmes.
Et dans mon cœur résonne un son mélodieux,
Car tu descends alors, divine poésie,
Et mon âme en extase en s'élançant aux Cieux
Par un douloureux charme est touchée et ravie!
O! moment plein d'ivresse! ô suave douleur
Qui frappe en tons rêveurs, les cordes de ma lyre.
Le cœur sait te comprendre et sentir ta douceur,
Hélas, l'esprit n'a pas de mots pour te décrire!

Je me trouve dans un de ces moments de la vie, où on voudrait la passer à contempler une belle nuit étoilée, à lire des poésies inspirées, à écouter les accords d'une voix s'élançant vers le Ciel, accompagnant le son grave d'une orgue religieuse; dans un de ces moments aussi où l'on sent le manque dans votre cœur de la plénitude de vie que vous trouvez dans la nature. Oh! s'il était permis à ce cœur de former un désir!... O doux, mais irréalisable rêve, quitte moi – une sphère étroite est tracée autour de ma vie. Que ma pensée s'y renferme aussi.

8 Juillet. J'ai eu une conversation sur la poésie avec Fredro, dont j'ai infiniment joui. Il a un esprit sérieux et méditatif sous l'apparence comique, dont il l'enveloppe, et je lui trouve beaucoup de charme. Il m'a appris une jolie énigme de Jean Jacques Rousseau dont le mot est Portrait.

Enfant de l'art, rival de la nature
Sans prolonger les jours, j'empêche de mourir.
Plus je suis vrai, plus je fais imposture
Et je deviens trop jeune à force de vieillir.

Le duc est de nouveau parti et pour son retour on prépare une nouvelle surprise.

Samedi 13 Juillet. La grande-duchesse est pour moi d'une bonté qui me touche, je me promène presque tous tes jours avec elle, et nous causons beaucoup. Aujourd'hui, je l'ai accompagnée à une visite qu'elle a faite à la p[rin]cesse d'Oldenbourg. Comme je rentrais à pied du pavillon Chinois je vis Hélène à sa fenêtre qui me cria d'entrer chez elle. Je le fis et après une petite causerie, elle me pria de venir jouer du piano à la Кавалерская, où Fredro devait faire son portrait. Comme cela avait été mon intention, je consentis avec plaisir et Fredro dessinant Hélène posant, moi, jouant, et tous les trois causant par intervalles, nous passâmes une heure fort agréable. Après le dîner chez la grande-duchesse, nous fîmes une courte promenade à pied avec Fredro. Tout en causant gaiement, nous dépassâmes un banc, sur lequel deux messieurs étaient assis. Nous en étions à quelques pas, lorsque l'un d'eux, un militaire se leva vivement et d'une voix haute s'adressa à nous: "Pardon messieurs et mesdames, faites moi la grâce de vous arrêter un moment". Un peu surpris, nous fîmes ce qu'il voulait et lui et son compagnon s'approchèrent de nous. Fredro prit la parole et lui demanda ce qu'il désirait: "Je suis aveugle", monsieur, répondit il, "j'ai perdu mes yeux à la guerre: une pension que la grande-duchesse m'accorde aide à ma subsistance ainsi qu'à celle de ma famille, mais depuis quelque temps j'ai cessé de la recevoir. J'étais venu à Oranienbaum pour voir m-r Numers et lui demander de ne pas m'oublier, mais voilà trois jours que je cherche en vain à le voir; on me dit toujours qu'il est en ville. Faites-moi la grâce de me dire, si la grande-duchesse doit passer par cette allée, je l'attends depuis plusieurs heures pour me jeter à ses pieds et lui exposer ma demande". Ce récit fait avec l'accent de la vérité nous toucha tous beaucoup. Fredro parla au malheureux officier avec une bienveillance qui me donna une bien bonne opinion de son coeur. Il lui dit de venir le lendemain le trouver au palais et d'y demander m-r Fredro. "Le c[om]te Fredro?" – demanda le pauvre aveugle en se decouvrant. "Oui, monsieur", répondit Fredro en rendant son salut au malheureux qui cependant ne pouvait pas le voir. Maman promit de parler de lui à la grande-duchesse, Fredro, de faire de même à l'égard de Numers, et j'espère que ce pauvre homme sera consolé. Nous continuâmes notre promenade en silence; cette rencontre nous avait attristés. Moi pour ma part, j'y réfléchis longuement et douloureusement. A coté du luxe et de l'insouciance d'une vie heureuse, que de misères inconnues! Quel contraste avec la manière dont nous avons passé la journée avec les angoisses du pauvre homme pendant qu'il épiait la grande-duchesse pour lui adresser sa requête. Quand nous rentrâmes on se rendait aux parterres, où le thé était servi. La fraîcheur de la soirée nous fit rentrer au salon. On fit de la musique, je jouai, la grande-duchesse chanta.

Lundi 15 Juillet. Enfin, enfin, la surprise prend des formes définies. Voici ce qu'on a arrêté. Premièrement, on aura Mignon de Goethe en trois tableaux. Un air de Beethoven se trouve parfaitement adapté aux délicieuses paroles: "Kennst Du das Land"³⁵². – Mignon sera représenté par Hélène Strandman, le barde par Jorry, Wilhelm-Meister par Jean Rumine, dont on ne verra que le chapeau caché comme il doit l'être par les arbres. Sur une estrade un tableau Italien imité du repos de Winterhalter³⁵³, sera formé par la grande-duchesse, m-me Timachef, la c[om]tesse Pouchkine³⁵⁴, Schérémétieff³⁵⁵, Sacha et moi en fait de dames et quelques hommes. Dans le second tableau, toutes les italiennes deviendront des statues à l'aide de draps de lit, de gaze roulée autour des cheveux et de force poudre de riz, sur la figure. Un clair de lune doit les éclairer d'une lumière fantastique. Enfin pour le 3-me tableau, la lumière rose de l'aurore remplacera la bleuâtre clarté de la lune, une colline sera simulée par un banc déguisé par un massif de fleurs. C'est l'arrivée des voyageurs qui appellent Mignon vers eux. Les tableaux seront suivis d'une pantomime inventée par Fredro. Une jeune personne (m-me Weymarn) aime et est aimée d'un jeune homme (Fredro), le grand-père (m-r

³⁵² Песня Миньоны из романа Гете «Ученические годы Вильгельма Мейстера».

³⁵³ Речь идет о картине Ф.К. Винтергальтера 1836 г. «Il dolce far niente» («Сладостное ничегонеделание»), где изображены итальянские крестьяне, отдыхающие в полдень.

³⁵⁴ Графиня О.А. Мусина-Пушкина, родная сестра Е.А. Тимашевой.

³⁵⁵ Графиня С.А. Шереметева.

Weymarn) consent à leur union. De joie ils exécutent une danse. La grand-mère (le c[om]te Dmitry Nesselrode) bourrue et grondeuse entre en fureur de les trouver ensemble, elle chasse le soupirant, gronde sa petite fille, bat son mari et finit par avoir une attaque de nerfs. Pour la calmer on fait venir un magnétiseur qui réussit à l'endormir. Alors le rideau du fond se lève et on voit apparaître les songes qui la bercent dans son sommeil en lui retraçant son passé. Le premier tableau la montre enfant (Sacha) jouant avec un compagnon de son âge (Jean Rumine), derrière eux leur ange gardien (la grande-duchesse) les protège et veille sur eux. Puis plusieurs tableaux représentant des scènes de la jeunesse lorsqu'un tuteur barbare veut la condamner à un mariage contre son inclination. Alors elle sera représentée par Hélène. La vieille femme sera réveillée par une sérénade, adressée à sa petite fille et chantée par Sokoloff. La grande-duchesse y répondra pour m-me Weymarn par cette délicieuse romance du c[om]te Vielhorsky "Je ne mens pas". L'effet en sera charmant. L'influence du rêve amollit le coeur de la vieille mégère qui consent à tout et le résultat final sera une styrienne dansée par tous les personnages, et que la grande-duchesse doit nous apprendre. Pendant toute la durée de la pantomime une musique adaptée au sujet se fera entendre. Voilà le programme détaillé de la surprise qui doit être exécutée après-demain. Nous répétons avec zèle jusque-là.

Samedi 20. Je n'écirai qu'un mot ce soir. Je reviens de la soirée de la grande-duchesse. On a joué an secrétaire³⁵⁶, je m'y suis excessivement amusée. On a dit beaucoup de jolies choses, surtout Fredro, la grande-duchesse, le p[rin]ce Wiasemsky et m-r Titoff. Moi aussi j'étais en veine et plusieurs de mes réponses ont eu du succès. Après le secrétaire le duc mit le feu à tous les billets. Heureusement que j'ai réussi à en dérober quelques uns. Ceux-là je les garde en souvenir de cette charmante soirée.

Dimanche 21. Je viens de traverser un moment des plus éniivrants, un moment de triomphe de jouissance dont je me rappellerai toute ma vie. Nous dinâmes aujourd'hui à la Кавалерская avec Boris, Jorry et Numers. Le reste de la société avait été engagé chez la grande-duchesse. Après le dîner, Boris trouva mes vers sur le bal, que j'avais copiés pour maman et qu'elle avait laissés sur sa table de toilette. S'en emparer, s'enfuir avec ne fut pour lui que l'affaire d'un instant. Le moment suivant me vit courir après lui pour lui enlever le papier. Nous arrivâmes ainsi, moi le poursuivant sur le balcon, juste au moment où la société revenant en bande du dîner de la grande-duchesse passait devant nous. "Comte Fredro, comte Fredro, voulez vous lire les vers de ma soeur?" – cria Boris à tue-tête. Et dans un moment Fredro attrapait le papier et se disposait à le lire. "C[om]te Fredro, je vous en supplie, ne le lisez pas! rendez-le moi", – criai-je de toutes mes forces. Mais Fredro ne voulut rien entendre et se mit à lire tout haut le reste de la société en cercle autour de lui. Je ne pouvais rien faire! J'étais au comble de la confusion, je me tus, je fis comme les autres, j'écoutai. Fredro lisait cependant, il lisait avec expression d'approbation, qu'un murmure confirmait. Je suivais avec avidité chacune des paroles, qui sortaient de sa bouche. Mes vers me semblèrent mélodieux, un horizon sans bornes s'ouvrait devant moi, une jouissance pure enivrante faisait frémir mon âme, je me sentais poète enfin! Et cette conviction descendit sur moi avec son auréole que le monde ne connaît pas, car il ne donne rien qui y ressemble. Le ciel, le soleil couchant, dont les rayons jouaient avec les arbres, la brise qui caressait mon visage tout semblait m'inviter à un commerce doux fraternel, car l'âme poétique et les merveilles de la nature vivent dans un accord plein d'harmonie. Pendant que

³⁵⁶ Игра в секретаря (*фр.*) заключалась в том, что каждый участник записывал на отдельном листе названия двух предметов или явлений; записки складывали в коробку, тщательно перемешивали и тащили по жребию. Нужно было указать сходство и различия между понятиями, написанными на доставшемся игроку листе. Тот, кто придумывал самый остроумный ответ, избирался «королем секретарей» и распоряжался вечером. Об увлечении этой игрой в кругу великой княгини Елены Павловны сообщает графиня М.Э. Клейнмихель: «Иногда играли в "секретаря", и в этой игре большей частью принимали участие жена португальского посла, графиня Мойра, французский посол Карл де Талейран, Щербачев, граф Фредро и сама великая княгиня, отличавшаяся блестящим остроумием. Император Александр II, очень уважавший свою тетку, любил эту игру, но не принимал в ней участия. Он добродушно улыбался, и его очень забавляли остроумные надписи на маленьких записках, в которых, конечно, не встречалось ничего двусмысленного, ничего, могущего кого-либо задеть» (*Клейнмихель М.Э.* Из потонувшего мира. Мемуары. Берлин, б.г. С. 57).

j'éprouvais ces différents sentiments Fredro avait fini de lire. Il monta chez nous. "Princesse, me dit-il, je ne puis pas vous remercier de m'avoir laissé lire vos vers, car assurément il est impossible d'avoir mis plus de mauvaise grâce à accorder cette permission, que vous ne l'avez fait, mais je remercie votre frère pour la jouissance qu'il vient de me procurer". Fredro me dit encore bien des choses du même genre, j'en fus enivrée, j'en fus heureuse et je m'enfuis pour le confier à l'heure même à ce cher et discret confident. Suis-je vraiment poète? Ah! Ce don serait trop divin pour mon âme!

Lundi 28 Juillet. Fredro nous parle de sa tristesse de quitter Oranienbaum. "Je ne puis vous exprimer, – nous dit-il, – la peine que j'éprouve à quitter cet Eldorado ce paradis sur la terre, où on est à l'abri de toutes les préoccupations de la vie, de toute inimitié de la part des hommes, où les plus graves soucis qu'on ait sont les craintes de n'avoir pas assez de fleurs pour les tableaux". La tristesse de Fredro me gagna, je me sentis d'une mélancolie vague, qui me suivit dans mes lectures. En effet c'est avec chagrin, que je vois la fin des bonnes relations, qui nous ont unis cet été. Deux jours restent encore, car le 25 la grande-duchesse part pour Strelitz et nous pour la ville d'abord et puis pour Stepanowsky. "Adieu, – me dit Fredro, en partant, – conservez moi un bon souvenir, et cultivez votre bien bien beau talent. N'arrêtez jamais l'essor de votre inspiration, lorsqu'elle se fera sentir et dans ces moments pensez un peu à moi". Ce soir nous eûmes une longue conversation très confiante avec Hélène Strandman. Elle me dit que j'étais très dissimulée que je cachais avec soin mes sentiments et mes actions même les plus simples, que j'étais énormément exaltée et qu'il y avait dans mon caractère de quoi souffrir beaucoup. Elle a peut être raison, mais je m'étonne qu'elle l'ait compris.

Jeudi 25. Je reviens dans notre Кавалерский корпус, après avoir reconduits nos chers partants jusqu'à Cronstadt. Il faisait si beau, quand nous nous arrêtâmes en vue du magnifique bâtiment l'Olaf qui devait les emporter. La musique salua l'arrivée de la grande-duchesse, C'était joli à voir, et joli à entendre en plein air, en pleine mer par un temps aussi merveilleusement splendide. On monta sur le superbe bâtiment de guerre, tous les officiers étaient en grande tenue, tout avait un air de fête. Il fallait bientôt prendre congé et nous le fîmes bien cordialement de part et d'autre. Et maintenant que cette page est tournée je jette un long et triste regard sur le séjour qui vient de finir, et je m'en retrace les incidents si récents encore, mais qui dès ce moment tombent dans le gouffre du passé et ne vivront plus qu'en souvenir! Adieu, charmant séjour, adieu! Mon coeur est triste, mon esprit inquiet... Ah! je sens que je me suis gâtée au contact du monde! Pourquoi cette tristesse? Dans trois jours, ne serai-je pas à Stépanowsky? Pourquoi cette pensée ne me réjouit elle plus, comme par le passé? Se peut-il que j'aie à ce point contracté l'habitude d'une vie mondaine que la solitude de la campagne m'effraye et ne me suffise plus? Oh, mon coeur que vous êtes faible! Que vous vous attachez facilement aux jouissances terrestres!»³⁵⁷

³⁵⁷ «Среда 26 июня 1857. Вчера вечером на Кательной великая княгиня сказала, что надо будет что-нибудь устроить к возвращению герцога, который должен прибыть в субботу или воскресенье. Обсуждали шарады, поговорки, живые картины, – ничего не решили. На следующий день князь Мещерский отправится в город и привезет графа Фредро. На него все наши надежды. Пятница 28 июня. Ах! Что за бестолковый и беспокойный сегодня день! Сегодня утром после прогулки, когда я вошла в салон, то увидела у мамá Фредро и Ивана Рюмина (последний приехал из Петергофа). Беседовали, обсуждали предстоящие сюрпризы, которые до самого завтрака в изобилии рисовало воображение графа Фредро. Потом все общество собралось у нас. Посоветовавшись между взрывами смеха и остротами графа Фредро, в результате мы выбрали три слова, которые должны быть представлены на обеде у великой княгини. Первая шарада "Армия", вторая "Вер-вер", третья "Вольтер". План был почти составлен, поехали погулять по берегу Венки в двух экипажах. В первом, принадлежащем великой княгине, находились Елена и я внутри, а князь Мещерский и Фредро снаружи впереди. Во втором, нашем, экипаже находились мамá, Саша и Рюмин. Прогулка была очень веселой. Возвращаясь домой, мы неожиданно увидели Бориса, приехавшего из лагеря. Мы уже были приглашены на обед к великой княгине, но мамá, чтобы остаться с Борисом, попросила дозволения остаться дома, и я отправилась одна. Говорили о новых шарадах, потом великая княгиня пригласила меня покататься на своей коляске, запряженной пони. Мы совершили дивную прогулку вокруг озера, прежде чем присоединились к остальному обществу, которое собралось для чая на Кательной. После чая написали коллективное послание в стихах к княгине Одоевской. Сочинял его Фредро. Пока оно составлялось, мы играли в слог: мадемуазель Штрандман, Борис, Нумерс и мы вдвоем. Когда письмо было закончено, великая княгиня позвала нас послушать его. Последние строчки его были: "И мы отправляем это дружеское послание с благословенной вершины Кательной горы". Мы поставили наши подписи под этим посланием, и вскоре наша компания разделилась. Великая княгиня отвезла меня назад в коляске, запряженной пони. Остальные возвратились пешком. Герцог прибывает послезавтра, и наши шарады состоятся в субботу. Суббота 29 июня. Сегодня Петров день, мы были у обедни. После завтрака

В нашем милом Степановском я успокоилась и вернула свое равновесие. Мы с сестрой занимались нашей школой, и я по целым часам ездила верхом в сопровождении моего берей-

у нас было обсуждение. Фредро великолепно читал сцены из Мольера. Потом мы с мадемуазель Штрандман приводили в порядок наши костюмы. Это непростое дело – скомпоновать три красивых костюма в стиле помпадур из вещей, которые есть под рукой. Все мы, и Борис тоже, обедали у великой княгини. После обеда все отправились на прогулку в линейке. Я сидела рядом с Фредро, и его разговор меня удивил. Он, такой веселый, всегда в хорошем расположении духа, говорил мне с печалью о гнет воспоминаний, о горестях настоящего, в котором человека окружают могилы дорогих ему людей. Когда с ним заговаривал кто-то, сидящий по другую сторону, он сразу же отвечал блестящими остротами, похожими на фейерверк, внезапно вспыхивающий на небе, покрытом тучами. Этот блеск остроумия, эта неиссякаемая веселость – не было ли это только маской, под которой он скрывает печаль, терзающую его сердце? Если так, то его очень жаль. Мы пили чай во дворце. Борис, нас двое, Елена и Жорри, мы сидели за столом с фруктами и молочным. Борис начал рассказывать о моей так называемой поэтической одаренности и, несмотря на все мои усилия его остановить, продекламировал злополучный “Счастливый день моего детства”, стихотворение, которое составляло мое мучение с 7 лет, с тех пор, как я его сочинила. Саша усугубила ситуацию, уверив всех, что я сочиняю стихи до сих пор и что их у меня множество. Елена сказала, что она это знает, и они с Жорри прибавили, что заставят меня их прочитать на Кавалерской. Вот те на! Хорошо распорядиться без хозяина. Воскресенье 30 июня. Фредро преследовал меня уговорами прочесть мои стихи. Я наотрез отказалась. Прибыл герцог. Завтра будут сюрпризы. Вторник 2 июля. Сначала в 2 часа у нас была репетиция. Она проводилась в зале муз, и Фредро начал расставлять нас по местам. Великая княгиня, изображающая живопись, стояла у мольберта. Елена лепила бюст мадам Веймарн, которая позировала ей с вдохновенным видом. Мы с Сашей застыли в позе менуэта, а князь Мещерский со своей маленькой скрипочкой изображал нашего учителя танцев. В углу Жорри, Борис и Рюмин, делая вид, что декламируют с книгой в руках, изображали поэзию. Мадемуазель Гардер, превосходная пианистка и ученица Шопена, исполняла во время этой живой картины короткую и блестящую пьесу, за которой должен был последовать менуэт из “Дон Жуана”, спетый мадам Кочетовой (Соколовой), ее братом и сестрой. В это время группы оживают, и четыре пары танцуют менуэт. Великая княгиня, единственная, кто умел его танцевать, начала нас ему учить. Танцорами были: великая княгиня с Жорри, князь Мещерский с мадам Веймарн, Борис со мной, Елена с Иваном Рюминым. По окончании менуэта пошли в соседнюю комнату, превращенную в чудесный сад с помощью множества растений из теплицы, поставленных на возвышение, изображающее холм, и томный Ватто, напоминающий о “Декамероне” Боккаччо, представленный персонажами первого слога шарады, – все это изображало месяц май. Слово целиком представлял лагерь Валленштейна, устроенный на лужайках, прилегающих к китайскому дворцу. Был воздвигнут шатер, и среди груд оружия, солдат в средневековых доспехах и огней Жорри, Соколов и Нумерс разыграли сцену из трагедии Шиллера. Вторая шарада была “Вер-вер”. Сначала шла сцена из “Мизантропа”, сыгранная Фредро, князем Мещерским и Иваном Рюминым, затем сцена из “Заиры”, продекламированная великой княгиней и мамá перед князем Мещерским, изображающим Вольтера. Слово целиком было показано в виде живой картины, представляющей изумление монахинь, столпившихся вокруг клетки с попугаем. Нумерс изображал мать-аббатису, он позаимствовал мою юбку от амазонки, чтобы исполнить эту роль. Наша затея прекрасно удалась, было много веселья, и вечер был очарователен. В конце шарад великая княгиня устроила хоровод танцующих вокруг Фредро, а в заключение возложила корону на его голову. Все отправились ужинать, а потом разошлись в полном восторге от того, как провели вечер. Фредро уехал сегодня, обещая вернуться через несколько дней. На днях у нас на Кательной должен быть бал, и именно мамá будет приглашать и принимать гостей. Четверг 4 июля. Мы с Еленой совершили долгую прогулку пешком, в то время как остальные возвращались в экипаже. Мамá просила почитать Елене мои стихи к балу, которые я написала этой весной. Я сначала отказывалась, но принуждена была уступить и заодно прочесть “Незабудку” и “Ласточку”. Думаю, что стихи Елене понравились. Суббота 6 июля. Завтра бал! Наши головы полны этой мыслью, мы вновь и вновь подсчитываем число приглашенных; с удовлетворением читаем записки тех, кто принял приглашение, с досадой – тех, кто отказался. Кательную гору украсят множеством цветов. Среди тысячи развлечений этих дней я нашла несколько минут, чтобы посвятить их... Музе! Вот чем это было вызвано. Вчера великая княгиня привезла меня обратно с Кательной горы. Вечер был восхитительный, и я не удержалась от соблазна постоять несколько минут на балконе, чтобы подождать остальное общество, которое возвращалось пешком. Воздух был свеж и благоухал вечерним ароматом, небо ясное, погода теплая и мягкая, тишину нарушало лишь эхо голосов припозднившегося общества – все способствовало тому, чтобы моя душа прониклась чувством, полным нежности, я подняла глаза к небесному своду, такому спокойному, такому огромному в своей величавой гармонии. Я чувствовала, что, если бы родилась поэтом, этот миг вдохновил бы меня на самые прекрасные стихи, и я погрузилась в глубь своей души, чтобы найти выражения, которыми можно было передать чувства, которые я испытывала. Эту ночь я все грезил, но утром привела мысли в порядок и написала: “Больше, чем сверкающий блеск дня, полный великолепия, я люблю смутный час, когда луна испускает бледный свет, навевающий нежные грезы. Я люблю немое величие ясного неба и объятый покоем прекрасный летний вечер, и я люблю одиноко бодрствовать в час, когда все спят, чувствовать, как растет сладкое наслаждение, пробуждаемое в моей душе сном и молитвой. Это час, когда все отдыхает, когда спит природа, только душа воспаряет над землей, забывая все дурное, и с восторгом пронзает мрачные покровы в поисках света. Покой ночи проникает в мое сердце, и я ощущаю, как оно трепещет сладостной дрожью. Мое существо пронизано чарующим вдохновением, которое открывает мне небеса и которое осушает мои слезы. И в моем сердце раздается мелодичный звук, потому что снова ты нисходишь ко мне, божественная поэзия, и моя душа, охваченная мучительным восторгом, в экстазе устремляется к небесам! О миг, полный упоения! О сладостное мучение, которое исторгает мечтательные звуки из струн моей лиры! Сердце может понять и почувствовать твою сладость, но, увы, у разума нет слов, чтоб тебя описать!” Я нахожусь в такую минуту моей жизни, когда хочется провести ее, созерцая прекрасную звездную ночь, читая вдохновенные поэтические строки, слушая аккорды звуков, устремленные к небу, сопровождаемые низким звуком церковного органа. В такие минуты ощущаешь в сердце недостаток полноты жизни, которая есть в природе. О, если бы этому сердцу было позволено мечтать! О, сладкий, но несбыточный сон, оставь меня – узким кругом ограничена моя жизнь, пусть же в нем останется заключена и моя мысль. 8 июля. У меня с

тора, отставного вахмистра, уроженца одной из наших деревень. По свойству моему сбли-

Фредро был разговор о поэзии, который принес мне бесконечное наслаждение. У него серьезный и созерцательный ум при внешней комичности, которой он прикрывается, и я нахожу в нем много очарования. Он загадал мне одну чудесную загадку Жана Жака Руссо, разгадка которой означает «портрет»: «Дитя искусства, соперник природы, не продлевая жизнь, я препятствую смерти. Чем более я правдив, тем больше лгу и, старея, становлюсь моложе». Герцог снова уехал, и к его возвращению готовится новый сюрприз. Суббота 13 июля. Великая княгиня очень добра ко мне, это меня трогает, я гуляю с ней почти все дни, и мы много беседуем. Сегодня я сопровождала ее во время визита к принцессе Ольденбургской. Когда я возвращалась пешком из Китайского павильона, то увидела Елену, которая из своего окна звала меня зайти к ней. Я зашла к ней, и после короткого разговора она попросила меня прийти поиграть на фортепиано на Кавалерскую, где Фредро пишет ее портрет. Поскольку это совпадало с моими намерениями, я с удовольствием согласилась, и Фредро, рисующий Елену, и я, играющая на фортепиано, – мы троим, беседуя с перерывами, провели час весьма приятно. После обеда у великой княгини мы с Фредро предприняли короткую прогулку пешком. Весело разговаривая обо всем, мы прошли мимо скамейки, на которой сидели два господина. Мы сделали несколько шагов, как вдруг один из них, военный, быстро встал и высоким голосом обратился к нам: «Извините, судари и сударыни, позвольте мне задержать вас на минуту». Несколько удивленные, мы сделали то, что он просил, и он, и его компаньон направились к нам. Фредро спросил, чего он хочет. «Я слепой, сударь, – отвечал он, – я потерял зрение на войне. Пенсию, которую великая княгиня изволила дать мне и моей семье, я уже некоторое время перестал получать. Я прибыл в Ораниенбаум, чтобы увидеть господина Нумерса и просить, чтобы он про меня не забыл, но вот уже три дня, как я тщетно пытаюсь его увидеть: мне постоянно говорят, что он в городе. Сделайте милость, скажите, должна ли великая княгиня пройти по этой аллее, я уже несколько часов дожидаюсь, чтобы упасть ей в ноги и изложить мою просьбу». Этот рассказ, звучавший весьма искренне, очень нас тронул. Фредро отвечал бедному офицеру с доброжелательством, которое служило доказательством доброты его сердца. Он предложил прийти на следующий день во дворец и спросить графа Фредро. «Графа Фредро?» – спросил бедный слепец, снимая при этом шляпу. «Да, сударь, – сказал Фредро, отвечая на поклон несчастному, который не мог этого видеть. Мама обещала поговорить о нем с великой княгиней, Фредро – сделать то же самое в отношении Нумерса, и я надеюсь, что бедняга будет утешен. Мы продолжили нашу прогулку в молчании: эта встреча нас опечалила. Во всяком случае я долго и мучительно об этом размышляла. Рядом с роскошью и безопасностью благополучной жизни столько неизвестных несчастий! Какой контраст между нашим времяпровождением и тревогами этого несчастного человека, пока он дожидался удобного случая подать прошение великой княгине. Когда мы возвратились назад, то отправились в цветник, где был приготовлен чай. Вечерняя прохлада заставила нас вернуться в салон. Мы занялись музыкой: я играла, великая княгиня пела. Понедельник 15 июля. Наконец-то наш сюрприз приобретает определенные очертания. Вот на чем мы остановились: во-первых, будет представлена «Миньона» Гете в трех картинах. Мелодия Бетховена оказалась совершенно подходящей к восхитительным словам: «Ты знаешь край». Миньону будет представлять Елена Штрандман, певца – Жорри, Вильгельма Мейстера – Иван Рюмин, и будет видна только накрывающая его шляпа, как будто он спрятался под деревьями. На сцене итальянская картина, воспроизводящая «Отдых» Винтергальтера, будет представлена великой княгиней, мадам Тимашевой, графиней Пушкиной, Шереметевой, Сашей и мной – мы будем изображать дам и кавалеров. Во второй картине все итальянцы превратятся в статуи с помощью простыней и прозрачной материи, которыми обернут волосы, и с помощью рисовой пудры на лице. Лунный свет должен осветить их фантастическим светом. Наконец, в третьей картине розовый свет зари сменит голубоватый свет луны, холм будет изготовлен из скамейки, замаскированной множеством цветов. Прибыли путешественники, которые зовут с собой Миньону. За картинами последует пантомима, придуманная Фредро. Юная особа (мадам Веймарн) любит молодого человека (Фредро) и любима им, дедушка (господин Веймарн) дает согласие на их союз. От радости они танцуют. Бабушка (граф Дмитрий Нессельроде), угрюмая и ворчливая, впадает в ярость, найдя их вместе, она прогоняет воздыхателя, бранит внучку, колотит своего мужа, и все это оканчивается нервным припадком. Чтобы ее утихомирить, вызывают магнетизера, которому удается ее усыпить. Тогда в глубине поднимается занавес, и перед нами предстают бабушкины сны, в которых она видит свое прошлое. Первая картина показывает ее ребенком (Саша), играющим со своим ровесником (Иван Рюмин), позади них – их ангел-хранитель (великая княгиня), покровительствующий им и заботящийся о них. Потом несколько картин представляют сцены ее юности, когда жестокий опекун хочет заставить ее выйти замуж против ее воли. В этом возрасте ее будет изображать Елена. Старая женщина будет разбужена обращенной к ее внучке серенадой, которую поет Соколов. Великая княгиня ответит на нее за госпожу Веймарн прелестным романсом графа Виельгорского «Я не лгу». Эффект этого будет волшебным. Сновидение смягчает сердце старой мегеры, которая дает согласие на брак, и в конце всего происходящего все персонажи будут танцевать штирийский танец, которому должна нас научить великая княгиня. В продолжение всей пантомимы будет звучать подходящая музыка. Вот подробная программа сюрприза, который состоится послезавтра. Мы до сих пор усердно репетируем. Суббота 20. Сегодня вечером я запишу несколько слов. Только что вернулась с вечера у великой княгини. Играли в секретаря, что меня очень веселило. Много шутили, особенно Фредро, великая княгиня, князь Вяземский и Титов. Я тоже была в ударе, и многие мои ответы имели успех. После секретаря герцог предал огню все наши записочки. К счастью, мне удалось спрятать некоторые из них. Я сохранию их на память об этом чудесном вечере. Воскресенье 21. Я только что пережила самый утомительный миг, миг наслаждения триумфом, который буду помнить всю жизнь. Мы обедали сегодня на Кавалерской с Борисом, Жорри и Нумерсом. Остальное общество уже было приглашено к великой княгине. После обеда Борис нашел мои стихи о бале, которые я переписала для мамы, а она оставила их на своем туалетном столике. Схватить их и убежать – для Бориса было минутным делом. В следующий миг я уже гналась за ним, чтобы отнять листок. Мы выбежали на балкон в тот самый момент, когда все общество возвращалось с обеда у великой княгини. «Граф Фредро, граф Фредро, хотите почитать стихи моей сестры?» – орал Борис во все горло. В один миг Фредро схватил листок и собрался читать. «Граф Фредро, умоляю вас, не читайте, верните его мне!» – кричала я изо всех сил. Но Фредро совсем не желал меня слушать и начал очень громко читать, а остальное общество расположилось вокруг него. Я ничего не могла поделать! Я была в высшей степени смущена, но замолчала и поступила, как остальные, – стала слушать. Между тем Фредро читал, он читал с одобрительной интонацией, и окружающие его явно поддерживали. Я жадно вслушивалась в каждое слово, которое исходило из

жаться с людьми, я вступала с ним в продолжительные разговоры и ловила в его словах черты души народной. Раз он сказал мне, вздохнув глубоко: «Если бы жив был Государь Николай Павлович, мы Севастополя никогда не отдали бы». Так дорога нашему народу честь родины. Можно судить по этому, как болезненно отзывались на нем поражения последней войны.

Осенью в Царском Селе я была официально представлена, и, согласно тогдашнему этикету, в платье декольте – хотя это было утром после обедни, Императрица сказала мне: «C'est vous, ma chère, qui faites de si jolis vers?»³⁵⁸ Я смутилась и отвечала: «Ils ne sont pas bien fameux, Madame»³⁵⁹. «Si fait, – продолжала Государыня, – on m'en a parlé avec beaucoup d'éloges»³⁶⁰. Мой первый бал был гусарский. Мне сделали по этому случаю красивое белое тюлевое платье, очень воздушное и пышное. Я чувствовала себя хорошо одетой, и мне было особенно весело. Вообще в эту зиму я веселилась вовсю. Придворных балов было очень много, больших и малых, и *folle journée*³⁶¹, и ни в одном дворце не происходило танцев без моего участия. Мой отец уже на коронации был назначен гофмейстером при великой княгине Марии Николаевне, но сразу после коронационных торжеств великая княгиня уехала за границу – по возвращении же своем через год она пожелала сблизить нас со своими дочерьми³⁶², и вот с тех пор начались непрерывающиеся дружеские отношения, которые связывают нас с милыми принцессами до сих пор. Мы собирались у Марии Максимилиановны вечерами по вторникам, кроме нас были еще Адина Философова и Вера Бек. У Евгении Максимилиановны были свои подруги моложе нас: Ольга Философова и Мери Перовская. Великая княгиня иногда приходила к нам. Она

его уст. Мои стихи казались мне мелодичными, предо мной открывался бескрайний горизонт, наслаждение чистого восторга заставляло трепетать мою душу, наконец-то я ощущала себя поэтом! И эта убежденность снизошла на меня таким сиянием, какого не ведает свет, потому что не дарует ничего подобного. Небо, заходящее солнце, лучи которого играют с деревьями, морской ветерок, который ласкает мое лицо, – все, казалось, звало меня к нежному братскому общению, так как поэтическая душа и чудная природа живут в согласии, полном гармонии. В то время, как я испытывала столь разнообразные ощущения, Фредро закончил чтение. Он поднялся к нам. «Княжна, – сказал он мне, – я не могу благодарить вас за то, что позволили прочесть ваши стихи, поскольку запрашивал разрешение с величайшей неучтивостью, а вы его не дали, но благодарю вашего брата за наслаждение, которое он мне только что доставил». Фредро сказал мне множество слов в том же духе, я была этим упоена, счастлива и убежала, чтобы сей же час доверить это милому и скромному наперснику (дневнику. – Е.Д.). Неужели я поэт? Ах! Сей дар был бы слишком божественным для моей души! Понедельник 28 июля. Фредро делится с нами своей печалью по поводу отъезда из Ораниенбаума. «Я не могу выразить вам, – говорит он, – то огорчение, которое испытываю, покидая это Эльдorado, этот рай на земле, где можно укрыться от всех земных забот, всей людской злобы, где самая серьезная неприятность – это тревога за то, что для живых картин не хватит цветов». Печаль Фредро передалась мне, и смутная грусть не покидала меня даже за чтением. В самом деле, я с горечью предчувствовала, что дружеским отношениям, завязавшимся этим летом, скоро придет конец. Остается еще два дня, поскольку 25-го великая княгиня отправляется в Стрелиц, а мы – сначала в город, а затем в Степановское. «Прощайте, – говорит мне Фредро, уезжая, – сохраните обо мне добрую память и развивайте ваш в самом деле прекрасный талант. Никогда не останавливайте полет вашего вдохновения, когда оно будет вас посещать, и в эти минуты вспоминайте немного обо мне». Тем вечером у нас был очень доверительный долгий разговор с Еленой Штрандман. Она говорит, что я была такой скрытной, что тщательно скрывала свои чувства и даже самые простые поступки, что я чересчур восторженна и что в моем характере есть многое, что принесет мне большие страдания. Наверное, она права, но я удивляюсь, что она это поняла. Четверг 25. Я возвращаюсь в наш Кавалерский корпус после того, как мы проводили наших дорогих друзей до Кронштадта. Стояла превосходная погода, когда мы остановились в виду великолепного корабля «Олаф», на котором они должны были плыть дальше. Музыка приветствовала прибытие великой княгини. Было очень приятно смотреть на это, и слышно в открытом море тоже очень хорошо, а особенно в такую прекрасную погоду. Поднялись на превосходный военный корабль, все офицеры были в парадной форме, у всех был праздничный вид. Вскоре надо было прощаться, и мы очень сердечно простились друг с другом. И сейчас, когда перевернута эта страница моей жизни, я устремляю долгий и печальный взгляд на эти летние дни, которые только что окончились, и снова вспоминаю все подробности, еще такие недавние, но которые с этой минуты упадут в бездну прошедшего и живут только в памяти! Прощай, милое время, прощай! Мое сердце печально, моя душа в тревоге. Ах! Я чувствую, что избалована общением с светом! Откуда эта грусть? Разве через три дня я не окажусь в Степановском? Почему эта мысль больше не радует меня так, как раньше? Возможно ли, чтобы у меня настолько вошла в привычку светская жизнь, что сельское уединение меня пугает, и мне этого недостаточно? Ах! Мое сердце, как ты малодушно! Как легко ты привязываешься к земным наслаждениям!»

³⁵⁸ «Не вы ли, милая, сочиняете такие прекрасные стихи?» (фр.).

³⁵⁹ «В них нет ничего особенного, мадам» (фр.).

³⁶⁰ «Напротив, мне их очень хвалили» (фр.).

³⁶¹ безумный день (фр.).

³⁶² Евгения и Мария Максимилиановны Лейхтенбергские.

была с нами матерински добра, отношения были самые непринужденные, мы звали принцесс по именам, и не было намека на придворный этикет. Мария Максимилиановна начала выезжать на небольшие балы, великий князь Николай Николаевич³⁶³ дирижировал всеми балами, он был весел и мил и вносил всюду оживление, с нами танцевал постоянно и звал нас своим летучим эскадроном. Помимо моей веселости у меня был еще свой маленький поэтический ореол. Фредро и другие разболтали о моих стихах, их переписывали, и они ходили по рукам. Иногда мои кавалеры цитировали мне их на балах, а люди постарше делали мне инквизиторские вопросы, желая проникнуть в душу веселой девочки, которая так умела мечтать. «У Вас удивительные глаза, – говорили мне, – в них многое можно прочесть». При моей страшной субъективности, понятно, что столько впечатлений должно было отразиться на напряженных до крайности нервах. Весной я почувствовала в себе сильное утомление. Мы уехали в деревню, но я не успокоилась и не отдохнула. Я старалась сбросить с себя это тяжелое чувство немоги, но оно меня давило. Любимая моя верховая езда не приносила уже мне бодрости. Я страдала бессонницей и нервными болями в лице. Когда мы приехали в Ораниенбаум, все ахнули, так я побледнела и похудела. Однако я все еще старалась бороться с охватывающей меня непривычной общей слабостью. Раз я поехала к другу моему Мери Ламздорф на ее дачу. Я ее застала у колыбели своей новорожденной дочери: она была счастлива полнотой своей жизни. Образ ее запечатлелся в моей памяти таким, как я ее видела в этот день. Я не знала тогда, что я никогда более не увижу ее на земле. Другой раз великая княгиня Мария Николаевна взяла нас с собой на целый день в Гостилицу к Татьяне Борисовне Потемкиной. Мы приехали на Сергиевскую дачу³⁶⁴ к обеду, так как это было в воскресенье, и после завтрака усадились в двух экипажах и помчались на все время скачущих четверках. В первой коляске была великая княгиня с графиней Александрой Андреевной Толстой и с графом Г.А. Строгановым; во второй – Мария Максимилиановна и мы обе без всякого начальства, что было нам очень приятно. Быстрая езда нас восхищала, все расстояние было около 25 верст, на полдороге готовые подставы нас ожидали, и мы через несколько мгновений летели снова. Мы провели прелестный день, гуляя по дивному парку, – вошли, между прочим, в грот, где холодный как лед родник наполнял бассейн никогда не замерзающей водой. Я прикладывала эту воду на мою бедную голову, в которой чувствовала постоянно угнетающую тупую боль, тщетно ища облегчения. После обеда мы уехали. Опять бешено скакали, приехали вечером в Сергиевку, а в Ораниенбаум уже довольно поздно. Этот день был бы для меня приятен, если бы только я не чувствовала себя столь бесконечно разбитой. Но поездка была последней моей попыткой встрепенуться. Через несколько дней я заболела очень серьезно и болела долго, поправлялась еще дольше и уже никогда не могла оправиться совершенно. Мои нервы, о которых я не имела понятия, дали себя знать и расшатались не на шутку.

Вместе с моим блестящим здоровьем кончился навсегда период моей беззаботной, беззаветной жизнерадостности...

³⁶³ Николай Николаевич старший, брат императора Александра II.

³⁶⁴ Сергиевская дача – имение в Петергофе, подаренное в 1839 г. императором Николаем I великой княгине Марии Николаевне, вышедшей замуж за герцога Лейхтенбергского. В 1839—1842 гг. архитектор А.И. Штакеншнейдер построил здесь дворец.

ГЛАВА III

Осень и зиму мы провели за границей вследствие болезни, которую великая княгиня вынесла весной. Это решение, принятое по отношению к ее здоровью, совпадало с советами врачей для меня. Hélène Strandman осталась в Петербурге, так как ее свадьба с графом Толь должна была состояться в скором времени. Великая княгиня уехала с герцогом и маленькой принцессой Еленой, которой шел тогда второй год, а мы с мамá отправились позже и соединились с ними в Ницце в начале октября.

Ницца не была тем новым Вавилоном, коим она сделалась со времени присоединения своего к Франции³⁶⁵. Тогда это был уголок Сардинского королевства, дивный по красоте своей природы, в котором жилось почти дачной жизнью. Железных дорог в округе еще не было. Южный климат встретил нас с подобающей ему приветливостью. Стояли настоящие летние дни. Я была в восторге от тропической растительности, голубого неба и безбрежной дали синего моря, плеск которого мы постоянно могли слышать с террасы нашего сада, так как мы занимали виллу на самом Promenade des Anglais³⁶⁶. Аллея пальмовых деревьев не была еще насажена вдоль этого проспекта, и не существовало набережной, которая отделяет его от моря. Волны могли непосредственно разбиваться у наших ног. Мое здоровье не поправлялось, я была слишком слаба, чтобы принимать участие в длинных прогулках и катаниях с остальными членами нашего придворного общества, и я по целым часам сидела у моря, прислушиваясь к говору волн, и предавалась беспредельным мечтам, навеянным их безустанным движением, которое я уподобляла стремлениям моей тревожной души. Я искала цели и значения жизни; многое пережитое мной, и особенно мое нервное состояние, привело меня к убеждению, что рай на земле не будет моим уделом – малым же довольствоваться я не хотела. Успокоение моей душевной тревоги я находила иногда в религиозном экстазе, но эти чудные проблески настоящего рая были слишком мимолетны – я чувствовала сама, что не в силах удержаться на этих высотах, и я думала о смерти как об единственном пристанище и конечном достижении возможного для меня мира. Следующие стихи, которые, как всегда, служили отголоском моего настроения, могут подтвердить верность воспоминания уже так давно минувших впечатлений.

Brillants rayons du soleil d'Italie
En vain vos feux étalent leurs splendeurs.
Hélas pour moi que de mélancolie
Dans tout l'éclat de votre riche ardeur.
Car c'est en vain que de la rose frêle
Vous ranimez la timide couleur,
En vain vers vous s'élance l'hirondelle
Fuyant du nord l'hiver plein de rigueur.
Hélas sur moi vous n'avez pas d'empire
Et je fléchis sous un mal accablant.
Et dans ces eaux où le soleil se mire
Je vois la tombe ouverte m'appelant
Et de la mer la musique funèbre
Semble redire un grave et triste chant

³⁶⁵ Ницца входила в состав Сардинского королевства. После того как Пьемонт в союзе с Францией победил австрийцев при Мадженте, в 1859 г. было заключено Виллафранкское перемирие, а затем Туринский договор, по которому Сардинское королевство получило Тоскану, Парму, Модену и север Папской области, но Ницца и Савойя были отданы Франции.

³⁶⁶ Английская аллея (фр.).

Et m'attirer vers le lieu de ténèbre
Dans chaque flot à mes pieds se brisant.
Soleil brillant, j'aime l'ardeur cruelle
De tes rayons pour mon corps sans chaleur
Mais qui frappant une intime étincelle
D'un saint transport viennent ravir mon cœur
Et plein d'amour il subit tout le charme
De ce beau ciel, de cette mer d'azur
Où je rêvais, laissant fuir une larme
Rivant mes yeux dans l'horizon si pur!
Où je trouvais la contrepart sublime
Des vains désirs du sentiment humain,
Où mon esprit se noyait dans l'abîme
De la grandeur du Créateur divin!
Où tout mon cœur n'était qu'une prière
Qu'accompagnait le murmure des flots
Dans cet accord, saisi d'un saint mystère
Semblant chanter un hymne de repos.
Garde toujours, o frémissante plage,
Le souvenir de ces moments heureux
Et si jamais sur ce calme rivage
Un autre cœur venait rêver des Cieux,
Que le reflux de la mer d'Italie
En répétant son monotone chant
Redise encore à la mélancolie
Ce qu'il a dit à mon cœur bien souvent:
«Laisse la vie et les biens de la terre
Et dans mes flots qui reflètent le Ciel
Entends la voix qui te murmure: "Espère,
De là la mer est un port éternel"»³⁶⁷.

В другой раз, помню, мне было очень тяжело. Я страдала моими лицевыми невралгиями, и в душе моей было полное смятение. Я старалась отделаться от этого чувства и написала карандашом следующие, недавно случайно найденные мной почти стертыми, строки:

J'aime le bruit de la vague mourante,
J'aime le son rêveur,

³⁶⁷ Сверкающие лучи итальянского солнца, напрасен великолепный блеск ваших огней. Увы, яркость вашего роскошного сияния вызывает у меня лишь тоску, ибо напрасно вы оживляете неяркий цвет хрупкой розы, напрасно к вам устремляется ласточка, улетающая от суровости зимнего севера. Увы, надо мной вы не властны, и я склоняюсь, подавленная горем. И в этой воде, где отражается солнце, я вижу разверстую могилу, зовущую меня, и мрачная музыка моря, кажется, повторяет серьезную и печальную песнь и с каждой волной, разбивающейся у моих ног, влечет меня в обитель тьмы. Сверкающее солнце, я люблю ощущать на теле жестокий жар твоих лучей, которые не обжигают меня, но высекают искру глубокого священного восторга, унося мое сердце, и, полное любви, оно ощущает все волшебство этого прекрасного неба, этого лазурного моря, посреди которого я предавалась грезам и роняла слезу, созерцая чистую линию горизонта, где я находила возвышенный противовес тщетным человеческим желаниям, где моя душа тонула в бездне величия Божьего творения! Где сердце мое превращалось без остатка в молитву, сопровождаемую рокотом волн, которые исполнены священной тайны и, кажется, поют гимн покою. Сохрани навсегда, о, трепещущий пляж, воспоминание об этих счастливых минутах, и если когда-нибудь на этом тихом побережье другое сердце станет грезить о небесах, пусть отлив итальянского моря повторами своей монотонной песни скажет его тоскующему сердцу то же самое, что он говорит моему сердцу: «Оставь жизнь и земные радости, и в моих волнах, отражающих небо, слушай голос, который шепчет тебе: "Надейся, море – это вечная гавань надежды"» (фр.).

Qu'elle produit lorsqu'elle vient expirante
Soupirer sa douleur
Sur les galets de la plage mobile
Qu'elle vient caresser
Tel vient l'enfant à sa mère docile
DouceMENT l'embrasser.
Mon coeur y trouve une image fidèle
De sa mobilité,
De ses désirs, de sa substance frêle,
De la fatalité
Qui le poursuit malgré son impuissance
A s'élancer toujours
Pour se briser à l'amère souffrance
De ses cruels retours!
Mais au delà de l'horizon visible
Il est un port lointain
Et c'est là seul le refuge paisible
Qu'ici je cherche en vain!
Tourne-toi donc vers ce dernier rivage
Ô mon cœur, plein d'effroi,
Et dans l'espoir d'atteindre cette plage
Endors-toi dans la foi!
Et laisse-toi balancer dessus l'onde
De l'Océan des jours
Comme l'Esquif insouciant qu'inonde
L'eau dont il suit le cours!³⁶⁸

Конечно, никто не знал об этих стихах, и хотя я потеряла мою прежнюю торжествующую веселость, моя внешняя жизнь отделялась от общей только в тех случаях, когда мое здоровье было этому причиной. На одном *secrétaire* у великой княгини мне попал вопрос: «Que doit-on faire de la vie?»³⁶⁹ Я написала ответ: «La traverser en regardant le Ciel»³⁷⁰. Герцог, читая вслух билетики, сказал: «Comme c'est joli»³⁷¹ – и перечитал второй раз. Великая княгиня сказала: «Oui, mais comme c'est triste, c'est trop triste»³⁷². Для меня это не было особенно *triste*³⁷³, а выражало мое обычное настроение.

Наше общество вскоре увеличилось с приездом великого князя Константина Николаевича с супругой³⁷⁴ и старшим сыном Николаем Константиновичем³⁷⁵ – красивым мальчиком,

³⁶⁸ Я люблю шум стихающей волны, люблю мечтательный звук, который она издает, когда, вздыхая от скорби, замирает на гальке изменчивого пляжа, который она ласкает, подобно тому, как ребенок нежно обнимает свою покорную мать. Мое сердце в этом находит верный образ изменчивости своих желаний, своей хрупкости и роковой судьбы, которая заставляет его, несмотря на его беспомощность, вечно стремиться вперед и, разбившись о берег, с горькой мукой возвращаться вспять. Но по ту сторону видимого горизонта есть далекая гавань. И только там – мирное пристанище, которое я здесь напрасно ищу! Итак, обратись к сему последнему берегу, о, мое сердце, полное страха, и, в надежде достичь этого берега, успокойся в вере! И позволь себе качаться на волне океана дней, как беззаботный челнок, затопляемый водой, плывет по течению! (*фр.*).

³⁶⁹ «Как следует прожить жизнь?» (*фр.*).

³⁷⁰ «Следует ее прожить, взирая на Небо» (*фр.*).

³⁷¹ «Как это прекрасно» (*фр.*).

³⁷² «Да, но как это печально, это слишком печально» (*фр.*).

³⁷³ печальным (*фр.*).

³⁷⁴ Великий князь Константин Николаевич был женат на принцессе Александре Иосифовне Саксен-Альтенбургской.

³⁷⁵ См. о нем в приложении воспоминания Нарышкиной «Последний день жизни Александра II и начало царствования

одетым в матросское платье, что было редкостью в то время; большей частью дети носили русские рубашки. Их сопровождала недавно назначенная фрейлина, графиня Анна Егоровна Комаровская. Мы ее и прежде немного знали, но теперь сблизилась и осталась с нею в искренних дружеских отношениях до самой ее смерти, случившейся, к глубокому моему горю, почти одновременно с упоминанием о ней в этих записках, – в январе 1906 года. Прибыл также из Турина наш посланник при Короле Викторе Эммануиле граф Штакельберг со своей красавицей женой Marie Antoinette, рожд. Tamisier. Он был приятелем моего отца, состоя военным агентом в Париже в наше время. Он часто бывал у нас тогда, приезжая верхом к нам в Villeneuve-l'Étang из окрестностей Версаля, где он тогда жил в вилле, называемой Jardy. Кажется, что в этом же месте умер Гамбетта много лет спустя. Была также в Ницце его сестра баронесса Мейендорф с младшей дочерью Жоржиной или Vichon, как ее звали. Она была невеста Василия Николаевича Чичерина, состоявшего при нашем посольстве в Париже. С ними была Александра Николаевна Чичерина (сестра жениха), вышедшая впоследствии за Эммануила Дмитриевича Нарышкина и хорошо известная петербургскому обществу под именем тети Саши. Профессор Борис Николаевич Чичерин, уже оцененный великой княгиней Еленой Павловной, приехал также в Ниццу с рекомендательным письмом от фрейлины Раден. Он бывал вечером и на обедах у великой княгини, которая пригласила его, между прочим, на вечер, когда ожидался великий князь Константин Николаевич. Но вот возникло затруднение. Он еще не представлялся великому князю, так как носил бороду, что в то время считалось признаком вольнодумства. Эта борода была предметом дипломатических сношений между Екатериной Михайловной и ее августейшим родственником, который хотя и согласился на присутствие этого украшения, однако покосился на нее, когда Чичерин был ему представлен великой княгиней. Чичерин привез вести из Петербурга. Работы начались по крестьянскому вопросу. Мы с живейшим интересом слушали рассказы его о разных течениях, окружавших этот знаменательный вопрос. Конечно, я всей душой симпатизировала благим начинаниям Государя и с нетерпением ожидала осуществления великой реформы. Князь Петр Андреевич Вяземский, его добрейшая и оригинальная жена княгиня Вера Федоровна были также в числе наших завсегдатаев, но более всех интересовал меня своей личностью князь Сергей Григорьевич Волконский, декабрист, только что возвратившийся из Сибири в силу амнистии, дарованной на коронации. Его жена княгиня Мария Николаевна, высокая стройная брюнетка, часто бывала у моей матери. Благородное лицо ее носило следы великого своего прошлого. Глубокие черные глаза ее имели грустное выражение, но все в ней говорило о спокойствии после перенесенной бури, о нравственной силе, покорившей испытания, от которых содрогнулось бы ее мужественное сердце, если бы оно могло их предвидеть. С ними был сын их князь Михаил Сергеевич. Я встречала его уже в Петербурге, и он мне был симпатичен по его артистической натуре. Он писал красивые стихи и пел с большой выразительностью и музыкальным вкусом.

Русские суда стояли в порте Villefranche³⁷⁶. Пользуясь присутствием на них иеромонаха, великая княгиня приглашала его для совершения службы по воскресеньям и церковным праздникам, не для обедни, так как не было алтаря, а для служения так называемой обедницы и всенощной. Вся русская колония собиралась в такие дни в занимаемую нами виллу. При нас была совершена закладка русской церкви³⁷⁷ в присутствии высочайших особ. Александра Иосифовна была тогда в апогее своей величественной красоты. Винтергальтер писал с нее

Александра III».

³⁷⁶ Вильфранш-сюр-Мер – французский порт на Средиземном море.

³⁷⁷ Русская церковь во имя Святителя и Чудотворца Николая и мученицы царицы Александры в Ницце была освящена 31 декабря 1859 г. в присутствии великой княгини Марии Николаевны, дочери императора Николая I. Деньги на ее постройку были собраны по подписке, которую открыла приехавшая в Ниццу зимой 1856 г. вдовствующая императрица Александра Федоровна. Резной деревянный иконостас являлся даром Александры Федоровны. Церковь расположена на втором этаже, а на первом находится приходская библиотека, созданная в 1860 г. князем П.А. Вяземским. В этом храме отпевали цесаревича Николая, старшего сына императора Александра II, скоропостижно скончавшегося в Ницце 24 апреля 1865 г.

портрет. Мы присутствовали при одном из сеансов, и великий князь, тогда еще так сильно влюбленный³⁷⁸, видимо любовался ею, следя за работой художника. Кроме постоянных малых приемов было у великой княгини два больших музыкальных вечера. В Ницце проживала баронесса Вижье, бывшая знаменитая певица Крувелли. Ее дивное пение чередовалось в концерте с инструментальной музыкой, между исполнителями которой был граф Cessole, постоянный обитатель Ниццы. У него была красивая дочь Mathilde³⁷⁹, с которой мы познакомились.

6 января, в самый день Крещения, мы отплыли из Ниццы на военном пароходе «Рюрик», направляясь к Чивитавеккиа. С сожалением покинула я чудные берега Средиземного моря. Мне казалось, что я оставляю так много своего на этом побережье, и грустно мне было при мысли, что не услышу более говора волн, нашептывающих так много моим думам. Но мы ехали в Рим, и я с радостью переносилась к ожиданию встречи моей с всемирным городом. Погода выходила из ряду вон по своей мягкости и прелести. Было теплее, чем у нас летом. Мы оставались все время на палубе, где устроен был тент для защиты от слишком ярких солнечных лучей. Вечер этого дня был очаровательный. Пароход наш тихо рассекал без борьбы темно-синее море, гладкое и прозрачное, в котором по временам плескались дельфины. Темно-синее небо подымалось высоко и блистало мириадами звезд. Легкие тучки быстро перебежали по его пространству, и мы следили за луной, которая то скрывалась под этими тучками, то выступала, озаряя нас вдруг своим блеском и кидая свои лучи, играющие на поверхности воды. Я стояла на палубе, прислонившись к мачте, с одним из наших спутников, перебирая вполголоса прелестные стихи Лермонтова:

На воздушном океане,
Без руля и без ветрил
Тихо плавают в тумане
Хоры утренних светил³⁸⁰ —
и пр. и пр.

На другой день вечером мы прибыли в Чивитавеккиа, но остались до следующего дня на пароходе. Утром же, простившись с капитаном Баженовым и офицерами, выехали в экипажах под охраной папских жандармов, так как в то время водились в этой местности разбойники. На пути далеко от Рима мы увидели купол собора Св. Петра и послали ему горячий привет. Было уже совершенно темно, когда мы остановились в Европейской гостинице в Piazza di Spagna³⁸¹, где были приготовлены помещения великой княгине и нам. За обедом с остальными лицами свиты послышался голос великой княгини Марии Николаевны, звавшей нас. Она приехала, чтобы встретить великую княгиню Екатерину Михайловну, и, сойдя по лестнице, вошла, чтобы поздороваться с нами. Дочери ее были в Петербурге, но она проводила зиму в Риме со своими сыновьями и выразила намерение видеть нас часто.

Что мне сказать о нашем пребывании в Риме? Кто не знает, какое богатство этот единственный город представляет в области истории, археологии искусства при ласкающем климате и волшебной природе? Папский двор назначил состоять при великой княгине *Cameriere Segreto*³⁸² графа Альборгетти, и у него секретарем был маленький аббат, который доставал нам

³⁷⁸ Впоследствии великий князь увлекся балериной А.В. Кузнецовой, от которой имел пятерых детей, получивших дворянство и фамилию Князевы.

³⁷⁹ Речь идет о М. Спитальери де Чессоле.

³⁸⁰ Цитата из поэмы Лермонтова «Демон».

³⁸¹ Площадь Испании (*ит.*).

³⁸² Тайный камергер (*ит.*) – почетная должность (существовала до 1968 г.) при папском дворе (в составе префектуры папского дома), на которую назначались миряне, в основном из дворянских семей, которые могли сделать затем и церковную карьеру. Служба заключалась в исполнении секретарских обязанностей (написании писем, организации аудиенций) и участии

всевозможные разрешения для посещения достопримечательностей. Мы ездили с утра по его указаниям вместе с Александрой Александровной Воейковой, фрейлиной великой княгини Марии Николаевны. Всякий, кто ее знал, помнит ее блестящий ум, начитанность, артистическую культуру, потому лишнее было бы распространяться о ценности ее общества в наших поездках. Вообще, мы находились в редко благоприятных условиях для изучения Рима. У великой княгини были очень интересные вечера. Приезжали ученые, беседовали каждый о своей специальности. Это были: то М-г Ampère по части археологии и истории, автор книги «Histoire de Rome à Rome»³⁸³, то Грегоровиус, только что издавший тогда свою книгу о папских гробницах³⁸⁴, он говорил по-немецки, и я его понимала, хотя не решалась говорить с ним на этом языке, то М-г Rio, восторженный и красноречивый француз, друг семейства La Ferronnays³⁸⁵, автор книги «L'Art Chrétien»³⁸⁶, то кавалер Росси, которого открытия в катакомбах дали новое направление в изучении христианской археологии. Посещение катакомб оставило во мне глубокое воспоминание. Нас сопровождал Пальмер, очень ученый англичанин, бывший диакон англиканской церкви, перешедший в католичество. Он сначала сильно тяготел к нашей церкви и провел несколько времени в Петербурге, бывая постоянно у Татьяны Борисовны Потемкиной и изучая наше богословие с настойчивостью и определенностью англичанина. Он написал книгу под заглавием «A visit to the Russian Church»³⁸⁷, но он нашел, что нам недостает авторитетного духовного центра и что цезаризм, заменивший его, имеет слишком много отрицательных сторон. Несколько жуткое чувство ощущалось при спуске в недра земли и при следовании по узким, извилистым галереям, между двумя рядами могил, у которых часто стояли бутылочки с запекшейся кровью, свидетельствующие, что тут погребен мученик. Эти галереи прерывались от времени до времени небольшими капеллами со стенами, украшенными символической живописью, значение которой объяснял нам Пальмер. Здесь совершались таинства в первые дни христианства, когда мученическая и преследуемая церковь была еще так близка к святому своему идеалу. Из прелатов мы чаще других видели первого министра кардинала Антонелли, умного и тонкого итальянца, напоминавшего мне Макиавелли. Очень представительной наружности, высокий, скорее худощавый, с черными живыми глазами и черными густыми волосами, он входил в комнату медленной поступью в своей красной сутане, улыбаясь своим крупным ртом и белыми крепкими зубами. Он был более политик, чем духовное лицо; в духовной иерархии носил даже только сан диакона и выступал в этом качестве в сонме церковнослужителей при церемониальных мессах св. отца. В этих случаях все бинокли дам с трибун устремлялись на кардинала-диакона, на его величественную походку, прекрасно обутую ногу и великолепные кружева. Другой прелат монсеньор Гогенлоэ бывал еще чаще. Он был товарищем герцога по Боннскому университету, и отношения их, как и с великой княгиней, были чисто дружеские. Он был убежденный христианин, кроткий и приятный, с манерами и разговорами человека высокого круга. Однажды мы разговорились, и, зная, что я более или менее больна, он обещал мне молиться о мне, это меня очень тронуло. Несмотря на всю свою преданность церкви, его глубокая религиозность оберегала его от иезуитского направления и светского честолюбия, присущего этому ордену. По мере того как это направление стало пре-

в официальных церемониях.

³⁸³ См.: Ampère J.-J. L'histoire romaine à Rome [Римская история в Риме]. П., 1762—1764. V. 1—4.

³⁸⁴ См.: Gregorovius F. Die Grabdenkmäler der Päpste [Надгробные памятники пап]. Leipzig, 1857.

³⁸⁵ Граф П.Л.О. Ла Ферроне, его жена Альбертина и их дети: Шарль, Альберт, Фернан, Полин, Эжени, Ольга и Альбертина. А. Рио в компании молодежи семейства Ла Ферроне осматривал и изучал исторические памятники Италии. Именно по просьбе Алексиса Рио Полин Ла Ферроне написала в 1828 г. свое первое литературное произведение – эссе о посещении римских катакомб.

³⁸⁶ См.: Rio A.-F. De l'Art Chrétien [О христианском искусстве]. П., 1855.

³⁸⁷ См.: Palmer W. Notes of a visit to the Russian Church in the years 1840, 1841 [Заметки о посещении русской церкви в 1840, 1841 годах]. Л., 1882.

обладающим, он был менее и менее в милости и удалялся в свою виллу d'Este в Тиволи³⁸⁸. После смерти Папы Пия IX, перед выбором нового Папы великая княгиня Екатерина Михайловна, бывшая тогда в Риме, спросила у кардинала Гогенлоэ, не будет ли он Папой. Он усмехнулся и ответил: «Конечно, нет, – и если бы даже на меня пал жребий, то я оставался бы Папой только три дня. В первый – я бы отменил безбрачие священников, во второй – непогрешимость Папы, а в третий – я уже лежал бы в своем гробу». Упомяну еще о монсиньоре Prospero, добродушном человеке, который, к несчастью своему, слыл за Gettatore³⁸⁹; случайные совпадения усиливали суеверный страх, который он внушал. Я была приглашена с ним на обед у великой княгини. В этот день мы выезжали с великой княгиней Марией Николаевной. Прогулка была дивная, мы находились в прелестной вилле Doria Pamphili³⁹⁰, гуляли по лугам, покрытым еще фиалками, между высокими итальянскими соснами, любовались видом, открывающимся с вершины Яникула³⁹¹, и были уже на возвратном пути, как вдруг заметили, что лошади неистово прыгают и что кучер не в силах успокоить их. В коляске сидели великая княгиня, мамá и я, а в следующей – фрейлина Воейкова с моей сестрой. Оказалось, что удила сломались во рту одной из лошадей и причиняли ей боль; чем больше кучер дергал ее, тем она делалась беспокойнее. Наконец взбесившиеся лошади взобрались на высокий тротуар и потащили коляску, которая опрокинулась, и в одно мгновение мы все были выброшены на шоссе. Я стукнулась головой о землю и оставалась несколько минут ошеломленной; потом, подняв голову, увидела около распростертых лошадей лакея великой княгини с кровью на лице, кричавшего с плачем: «Santo Padre! Santo Padre!»³⁹² В эту минуту я услышала голос великой княгини, которая нам кричала: «Я невреждена, а вы что?» Она уже поднялась, мы последовали ее примеру. Мы тоже были невреждены; более всех пострадал лакей, но и он не был опасно ранен. В первую минуту мы ощущали только радость избавления от большой опасности, потом оказались некоторые последствия, особенно у меня, и я была не в состоянии присутствовать на обеде у великой княгини. Тотчас же разнесся слух, что монсиньор Prospero навеял нам наше приключение, что на мне оно более отозвалось потому, что я именно должна была встретиться с ним на обеде. Под впечатлением этой мысли великая княгиня сказала во время обеда по-русски своему камердинеру, чтобы маленькую принцессу не приводили, по обыкновению, к концу обеда. Светское общество было многочисленное и приятное. При отсутствии двора аристократические фамилии под названием Principi Romani: Doria, Pallavicini, Chiggri, Borghese³⁹³ и другие играли первенствующую роль. Они жили в своих великолепных палаццо, полных чудес искусства, свято сохраняемых, благодаря майоратам, из рода в род, подобно бриллиантам, которыми украшали себя носительницы гордых имен. Теперь под давлением демократической волны майораты уничтожены, и многие огромные состояния рушились пред современным стремлением к равенству. Тогда Рим носил еще отпечаток средневекового, исключительно клерикального города. Даже военный министр был духовное лицо – monseigneur de Mérode³⁹⁴.

Среди этого мира у нас была родственница: княгиня Odescalchi, кузина моей матери, так как она была урожденная графиня Браницкая. Княгиня Витгенштейн, с которой мы опять встретились, выдала свою дочь за князя Киджи. Княгиня Чернышева, двоюродная сестра моего

³⁸⁸ Вилла д'Эсте в Тиволи – дворцово-парковый ансамбль XVI в. неподалеку от Рима, созданный архитектором Пирро Лагорио для кардинала Ипполито д'Эсте и послуживший образцом для садов и парков в Европе.

³⁸⁹ человека, способного сглазить (*ит.*).

³⁹⁰ Вилла Дориа Памфили недалеко от Ватикана с самым большим в Риме парком, выстроенная в XVI—XVII вв., последним владельцем которой с XVII в. была княжеская семья Дориа-Памфили.

³⁹¹ Яникул – самый высокий холм в Риме на левом берегу Тибра, названный в честь римского бога Януса.

³⁹² «Святой отец! Святой отец!» (*ит.*).

³⁹³ Римская знать: Дориа, Паллавичини, Киджи, Боргезе (*ит.*). Правильно: Chiggri.

³⁹⁴ События политической жизни Ватикана, в которых участвовали папа Пий IX, кардинал Антонелли и министр де Мерод, а также нравы папского государства явились поводом для написания в 1864 г. графом А.К. Толстым стихотворения «Бунт в Ватикане».

отца (мать ее была сестра моего деда)³⁹⁵, жила в Риме уже несколько лет сряду. Она принимала на еженедельных вечерах. Сын ее Лев был одних лет с братом моим Борисом и был дружен с ним и с нами. У них жила в то время молодая 15-летняя княжна Мария Элимовна Мещерская, внучатая племянница княгини со стороны ее покойного мужа³⁹⁶. Отец ее³⁹⁷, поэт, жил и умер в Париже. Мать же, рожденная Жихарева³⁹⁸, вела в Флоренции такой эксцентричный образ жизни, что Императрица Александра Федоровна взяла к себе ее дочь, приняв на себя заботу об ее воспитании, и поместила ее в институт. Но бедная девочка, привыкшая к ничему не стесненной свободе и к теплему климату Италии, не могла ужиться в холоде, неволе и строгом порядке институтской жизни на севере и заболела, что побудило Государыню просить княгиню Чернышеву взять ее к себе в Рим на время. Она была удивительно хороша собою и в эти лета уже обещала быть той пленительницей, которой она сделалась несколько лет спустя в расцвете своей выдающейся красоты. Княгиня Чернышева была вдова известного любимца Государя Николая Павловича, бывшего военного министра, князя Александра Ивановича Чернышева. В награждение его (по-моему, сомнительных)³⁹⁹ заслуг Государь осыпал его своими милостями с истинно царской щедростью. Между прочим, княгиня еще в молодых летах была пожалована статс-дамой и имела орден Святой Екатерины Большого Креста, что в настоящее время исключительно дается царским особам, а Лев был корнетом Кавалергардского полка и флигель-адъютантом 13 лет. Дочь ее, княгиня Бетси Барятинская⁴⁰⁰, проводила тоже эту зиму в Риме, равно как и *belle-soeur*⁴⁰¹ ее, княгиня Олимпиада⁴⁰². Обе считались между первыми львицами петербургского общества, и обе, богатые, изящные, блестящие, были постоянно окружены итальянской высшей знатью.

Одна из русских постоянных обительниц Рима была еще княгиня Мария Александровна Волконская, рожденная графиня Бенкендорф, сестра графини Аппони, которую мы знавали в Париже. Она была одна из очаровательнейших женщин, которых можно себе представить. Высокая, тонкая, с гармоническими, грациозными движениями хрупкого тела, с красивым бледным лицом, окруженным роскошными светлыми волосами, она являлась типом женской прелести и резким контрастом с дочерью своей⁴⁰³, красивой брюнеткой, мужественной в своих манерах, с румянами здоровья на свежем лице, с прямой, быстрой и решительной походкой. Ум сиял на ее широком лбу и в тонкой улыбке, и она говорила низким грудным голосом также отчетливо и ясно, как и совершался процесс ее мыслей. Впоследствии мы крепко сблизились. Ее драгоценная дружба сделалась одной из опор и радостей моей жизни. К ним приехал их родственник князь Михаил Сергеевич⁴⁰⁴, которого мы видели в Ницце. Иногда во время наших катаний по Римской Кампаньи мы встречали их всех троих верхом: княгиню с дочерью и с тем, которого молва уже называла ее женихом, – они являли собой изящную группу. Вскоре молва оправдалась, и мы узнали о их помолвке.

На балы же я не ездила, так как лечивший меня доктор запретил мне вечерние поздние выезды. Моя сестра порхала всюду с матерью. Нельзя было начать светскую жизнь в более пре-

³⁹⁵ Мать княгини Е.Н. Чернышевой, графиня Е.А. Зотова – дочь князя А.Б. и Н.И. Куракиных, приходилась родной сестрой князю Б.А. Куракину – деду Е.А. Нарышкиной.

³⁹⁶ Мать князя Э.П. Мещерского Е.И. Чернышева – родная сестра графа А.И. Чернышева.

³⁹⁷ Князь Э.П. Мещерский.

³⁹⁸ Княгиня В.С. Мещерская.

³⁹⁹ Будучи членом следственной комиссии по делу декабристов, А.И. Чернышев своей безжалостностью снижал расположение государя. За усердие в процессе декабристов он получил табакерку с портретом государя и был возведен в графское достоинство (1826).

⁴⁰⁰ Княгиня Е.А. Барятинская.

⁴⁰¹ золовка (*фр.*).

⁴⁰² Имеется в виду княгиня О.В. Барятинская.

⁴⁰³ Княгиня Е.Г. Волконская, близкая подруга Е.А. Нарышкиной.

⁴⁰⁴ Имеется в виду князь М.С. Волконский.

лестной обстановке, чем в той, которая нас окружала. Я была только на одном балу у испанской Королевы⁴⁰⁵, желая хоть раз взглянуть на собранное римское общество. Когда я оставалась одна, то писала грустные стихи или философские размышления. Иногда, ввиду того, что великая княгиня также не выезжала по причине своей беременности, мы соединяли с ней наше одиночество. Вообще, она все более и более приближала меня к себе, и я привязалась к ней всей душой. Мы, конечно, представились Папе Пию IX. Согласно этикету, одеты мы были в черном, с нашими орденами и с черными вуалями на голове, и приехали в Ватикан в парадных посольских каретах в сопровождении посланника Николая Дмитриевича Киселева и всего штата посольства. Швейцарская гвардия в их своеобразных костюмах шла перед нами по высокой из белого мрамора лестнице папского дворца. Папа вышел навстречу великой княгине в приемной зале. При его появлении мы низко поклонились, но не упали на колени, как то делают католики. Св. отец повел великую княгиню и герцога в соседние покои, а мы остались в первой зале. Тут были кардиналы, монсиньоры, другие прелаты, а также светские камерьеры, одетые в костюмы по рисункам Рафаэля: черные бархатные пелеринки и высокие фрезы⁴⁰⁶ из кружев. Вся обстановка переносила нас в XVI век. Через несколько времени дверь отворилась, и высокие особы вышли. Великая княгиня представила каждого из нас. Мы поцеловали у Папы руку, благословляющую нас, как то делаем с нашим высшим духовенством. Папа сказал нам несколько слов, потом обратился с речью к великой княгине на итальянском языке, выражая ей и ее семейству и всем нам свои добрые пожелания. Итальянский язык мы хорошо понимали, так как усердно им занимались в Ницце и Риме при помощи хороших учителей. Наша Пасха совпадала в этом году с католической, потому на Страстной неделе мы не выходили из церковных служб. После наших, совершаемых в посольской домово́й церкви, мы летели в собор Св. Петра. Более всего порази́л меня «Miserere»⁴⁰⁷, пропетый за вечерней в Страстную пятницу в Сикстинской капелле. Вся церковь обита трауром. Папа и весь синклит в траурных облачениях стоят все время на коленях, и переливы старинной итальянской музыки, великолепно исполняемой, раздаются под сводами и говорят в раздирающих звуках о скорби человечества, подавленного своим грехом. Утром Светлого праздника мы также после нашей ночной пасхальной службы и разговения присутствовали у торжественной обедни, отслуженной Папой. Вслед затем было благословение Св. отца с высоты трибуны Св. Петра *Urbi et Orbi*⁴⁰⁸, осеняющее коленопреклонный народ, тысячами наполнявший огромную площадь. И этот величественный акт под дивной синевой неба, при плеске неумолкаемых фонтанов, при щедром сиянии солнца составлял зрелище, единственное по своей грандиозности. Весна расточала всю свою роскошь. Погода была исключительно тепла даже для Рима, все цвело и благоухало. Мы пользовались этими счастливыми обстоятельствами, чтобы совершить экскурсии по окрестностям: Albano, Frascati, Tivoli⁴⁰⁹, – все это было дивно хорошо и оставило во мне неизгладимое впечатление, а также поездка вечером в Колизей при лунном свете. Колизей был одним из излюбленных мной мест Древнего Рима. Теперь археологическая наука нарушила его поэзию. Тогда величественная руина окружала пустую арену, так много говорившую в своем безмолвии о подвигах мучеников, о борьбе христианства с Древним Римом. Высокий крест возвышался посреди широкого пространства, как символ победы и вместе с тем страдания, которым победа достигается. Теперь креста уже нет, и значение святого места исчезло. Арена, на которой тень его ложилась лунным освещением, теперь изрыта и загорожена со всех сторон учеными изыскателями, которые в погоне за материальным изучением подземного механизма,

⁴⁰⁵ Имеется в виду Изабелла II Бурбон.

⁴⁰⁶ Фреза – гофрированный накладной воротник из ткани или кружев.

⁴⁰⁷ Помилуй! (*лат.*) – вокальное произведение Г. Аллегри на текст 50-го псалма для хора (XVII в.), которое на протяжении ряда веков исполняется только раз в году на Страстной неделе в Сикстинской капелле Ватикана.

⁴⁰⁸ Граду и миру (*лат.*).

⁴⁰⁹ Альбано, Фраскати, Тиволи (*ит.*).

изобретенного в дни кровавых празднеств, убивают вечный смысл, сообщавший нам веяние духовной жизни.

Великая княгиня Мария Николаевна уже давно уехала из Рима. Конец ее пребывания был омрачен болезнью, а потом смертью ее ребенка, маленького Гриши Строганова. Великая княгиня глубоко почувствовала эту утрату, очень долго отзывавшуюся на ее настроении и даже здоровье. Как только грустное событие совершилось, она уехала в Албано с графом Григорием Александровичем и, проведя там несколько дней, не возвращаясь уже в Рим, отбыла в Россию. Наше пребывание тоже приходило к концу. Был уже май месяц, и Екатерина Михайловна ожидала в конце его рождения своего ребенка; к тому же раскаты грома, предвещавшего близкую войну, уже раздавались на политическом горизонте. Мы уехали из Рима, окруженные добрыми пожеланиями всех наших новых знакомых и старых друзей. Железная дорога до Чивиттавекия уже была открыта, а там нас ожидал военный пароход «Баян» под командой вице-адмирала Истомина⁴¹⁰, чтобы довезти нас до Marseille⁴¹¹. Итак, кончилось наше интересное пребывание в Риме. Оно открыло мне целую область артистических ощущений. С нами ехала и княжна Мещерская, которую княгиня Чернышева просила великую княгиню взять с собой, так как она должна была возвратиться к Императрице, а также семейство Суворовых: князь Александр Аркадьевич, княгиня и обе дочери⁴¹². Возвращение сухим путем было уже затруднено большим движением войск в Северной Италии, и потому они просили быть включенными в число пассажиров «Баяна».

Из Марселя мы намеревались ехать в Баден через Дижон и Штрасбург, но, прибыв в Марсель, мы были встречены самой неожиданной новостью. Немедленно по остановке в гавани на пароход явился полковник Новицкий, наш военный агент в Париже, посланный графом Киселевым для вручения великой княгине длинной телеграммы от великой княгини Елены Павловны, в которой она настоятельно просила свою дочь от имени Государя заехать в Париж, чтобы сделать визит Императрице Евгении. Для того чтобы объяснить причину этого желания со стороны Государя, необходимо возвратиться несколько назад. Летом прошлого 1858 года, как известно, наш Государь встретился с Императором Наполеоном в Штутгарте. Свидание было устроено в этом городе по многим политическим соображениям. Государь должен был сделать первый визит Наполеону, увы, как победителю. Находясь у своей сестры Ольги Николаевны, он мог считать себя более или менее хозяином, принимавшим гостя, и потому этот первый визит, щекотливый для самолюбия России, приобретал характер *courtoisie*⁴¹³. Был сделан запрос, будет ли Императрица Мария Александровна сопровождать своего супруга. Чувствуя себя не совсем здоровой, Императрица ответила в отрицательном смысле – но ее здоровье поправилось, и, следуя советам ее окружающих, она решила ехать, причем по непростительной оплошности Тюлерийский двор не был извещен об этой перемене ее намерения. Ее появление после отказа было сочтено как нежелание встретиться с Императрицей Евгенией, намерение которой было сообразоваться с примером нашей Государыни. Первое время свидания было поэтому крайне натянуто; чтобы помочь оживить собранное общество, пригласили великую княгиню Елену Павловну, которая находилась где-то в Германии. Она приехала со своей свитой, привыкшей ко всякого рода акробатическим упражнениям в области разговоров. Сама великая княгиня своим умом, тактом, любезностью сумела придать вид веселости и непринужденности этому разделенному обществу, и в финале, по крайней мере, получился вид приятной сердечности. Но впечатление этой неловкости осталось у французского двора. Из членов царской фамилии посетил Париж только великий князь Константин Николаевич,

⁴¹⁰ Неточность: К.И. Истомин был контр-адмиралом, а не вице-адмиралом.

⁴¹¹ Марселя (фр.).

⁴¹² Князь А.А. Суворов-Рымникский, его жена Любовь Васильевна. У них было три дочери: Любовь, Александра и Мария.

⁴¹³ учтивости (фр.).

и Наполеон выражал нашему послу свое удивление, что, проезжая так часто по Франции по пути к югу, ни одна из великих княгинь не сделала визита вежливости столице Франции и ее обладателям. Намерение великой княгини Марии Николаевны заехать в Париж не могло осуществиться, так как она уехала в таком глубоком горе, что не могла об этом и думать. Осталась одна Екатерина Михайловна. В телеграмме своей Елена Павловна выражалась приблизительно так: «L'Empereur sait la portée de sacrifice qu'il demande à une femme grosse de huit mois et à George dans les circonstances politiques où se trouve l'Allemagne, mais il te prie néanmoins de rendre ce service à ton pays»⁴¹⁴. Война начиналась. Наполеон был вовлечен в нее своими прежними связями с секретными обществами Италии. Покушение Орсини, где в первый раз, сколько мне известно, были употреблены столь знакомые нам теперь бомбы, доказало ему, что бывшие товарищи его намерены добиться всеми мерами обещанного содействия к освобождению Италии. Государь не хотел активно вмешиваться в настоящее политическое осложнение, но желал сохранить с Францией добрые отношения, вот почему он так настаивал на оказании Наполеону столь желаемого им внимания. Как громом, поразила эта новость великую княгиню. Сначала она казалась неисполнимой. Состояние здоровья ее, положение герцога, как немецкого принца, неожиданность всей этой новой комбинации нас положительно ошеломили. Наконец после долгих совещаний с моей матерью и Новицким решено было покориться необходимости. Но возникал новый вопрос: по словам Новицкого, Наполеон, по всей вероятности, уже отбыл в армию – в таком случае будет ли своевременна наша поездка? Решено было, что мамá поедет в Париж немедленно для переговоров с графом Киселевым и что придет оттуда решающую телеграмму. Она взяла с собой мою сестру, с ними поехал адъютант герцога князь Трубецкой⁴¹⁵ и также m-me Monfort, камер-фрау, чтобы привести в порядок туалеты. Я же осталась при великой княгине, втайне желая, чтобы мой добрый рок привел меня в милый Париж моего детства. Мы оставались на два дня на пароходе в Марселе. Шел проливной дождь все время, мы плавали в лужах; все в каютах было пропитано сыростью. В день отъезда мы приехали на вокзал за час до отхода поезда, ища сухого места. Карета великой княгини была поставлена на платформу, и мы сидели в ней в течение всего времени пути. Тогда вагоны не представляли еще современного удобства. Во время остановок мы обедали вдвоем с герцогом. В Лионе мы провели сутки в прекрасной гостинице, где неожиданно встретили герцогов Лейхтенбергских – Николая и Евгения Максимилиановичей. Здесь мы получили телеграмму моей матери, в которой значилось: «Arrivée opportune»⁴¹⁶, и с большей уверенностью продолжали наш путь. Ночевали еще в Дижоне и на следующий день прибыли в Париж. На вокзале мы узнали от посла, что Императрица Евгения будет ожидать в назначенном для великой княгини апартамента в Тюлерииском дворце. Поэтому герцогу следовало быть в мундире, а не в штатском платье, и он поспешил переодеться в доме при вокзале, равно как и свита, мы же в продолжение этого времени разговаривали на платформе с прибывшими на встречу членами посольства и русской колонии, а также с французами, командированными состоять при их высочествах. Через несколько минут мы сели в придворные парадные кареты – первую заняла великая княгиня с герцогом и моей матерью, вторую – маленькая принцесса со мной, и таким образом по знакомым мне улицам Парижа мы подъехали к части дворца, называемой Pavillon Marsan⁴¹⁷, где приготовлены были для нас помещения. Нас встретили все наличные члены наполеоновской семьи: Императрица, принцессы Матильда и Клотильда (жена принца

⁴¹⁴ «Император понимает значение жертвы, которую он требует от женщины, находящейся на восьмом месяце беременности, и от Георга, в нынешних германских политических обстоятельствах, но, однако, просит тебя оказать эту услугу твоей стране» (фр.).

⁴¹⁵ Князь С.Н. Трубецкой.

⁴¹⁶ «Приезд желателен» (фр.).

⁴¹⁷ Павильон Марсан – западное крыло Лувра.

Наполеона) и Король Иероним Вестфальский, брат Наполеона I⁴¹⁸. Принцессу Матильду мы хорошо знали. Она была замужем за русским богачом Анатолием Демидовым, но рассталась с ним давно. Во время нашего пребывания в Париже она была дружна с моим отцом и приезжала к нему в его мастерскую с племянницей своей Анной Мюрат, девочкой наших лет, впоследствии вышедшей замуж за герцога de Mouchy. После взаимного представления свит нас пригласили на гофмаршальский обед под председательством графа Бачиокки, а за сим, по окончании недолгой послеобеденной беседы, меня провели наверх в комнаты, назначенные для *dame d'honneur*⁴¹⁹. Я их заняла, по приказанию моей матери, так как приехала с великой княгиней. Мама же с моей сестрой остались в отеле, где они поместились по приезде своем в Париж. Первая комната была гостиная с большим окном и балконом, выдающимся в Тюлерийский сад. Оставшись одна, я села у этого окна и долго-долго смотрела в этот сад, в который я так часто бегала девочкой. Высокие деревья, которые я узнавала, чернели во мраке наступающей ночи, улица Rivoli, удлинённая за время нашего отсутствия, блестела массой огоньков, освещающих длинный ряд аркад. Неужели я в самом деле в Париже и сбылась моя заветная мечта, и неужели беззаботная веселая девочка, дух которой, как мне казалось, витал в этих густых аллеях, превратилась в то нервное существо, которым я себя чувствовала и которое уже успело познакомиться с страданием. Слезы капали от многих противоречивых волнений. Наконец радость быть в Париже взяла верх. В течение трех последних дней у нас было два больших обеда – у Императрицы Евгении и один у посла графа Киселева. Дни были заняты обменах визитов и также катаньями в Bois de Boulogne⁴²⁰ и обзором Лувра и других достопримечательностей. Императрица управляла государством в качестве регентши и председательствовала на советах министров. По случаю войны и отсутствия Императора никаких празднеств не было, что оказалось совершенно кстати, так как они утомили бы великую княгиню. После обедов были обычные при всех дворах *cercles*⁴²¹. Императрица Евгения очень умело исполняла эту обязанность. Она была в расцвете своей красоты, особенно удивительно сложена, небольшого роста, очень грациозна во всех движениях, белые плечи ее и талия были прекрасны. После последнего обеда мы откланялись, так как должны были уехать очень рано утром. Но пока мы следовали по длинным залам, разделяющим Pavillon de Flore от Pavillon Marsan⁴²², она нас догнала одна, желая проводить великую княгиню и пожелать ей еще раз доброго пути. Она исполнила это очень сердечно и мило, после чего герцог отвел ее под руку на ее половину дворца. Несмотря на то что наше время было так занято, мы успели видеть многих наших прежних знакомых учителей и даже бывших слуг. Это было очень приятно. Все время великая княгиня боялась, что получатся вести с войны, которые осложнят наше строго нейтральное положение. Такая весть пронеслась по телеграфу в Verviers⁴²³, где мы обедали и ночевали. Это была весть о первой победе французов при Мажента⁴²⁴, и мы порадовались нашему своевременному отбытию.

На другой день мы расстались с нашим милым обществом. Пути наши расходились. Великая княгиня направлялась в Ремплин⁴²⁵, в Мекленбургское великое герцогство, а мы, сле-

⁴¹⁸ Имеется в виду Жером Бонапарт.

⁴¹⁹ фрейлин (фр.).

⁴²⁰ Булонском лесу (фр.).

⁴²¹ кружки (фр.).

⁴²² Павильон Флоры от павильона Марсан (фр.).

⁴²³ Вервье – город провинции Льеж на границе с Германией (фр.).

⁴²⁴ Мажента – город в Северной Италии неподалеку от Милана, где в битве 4 июня 1859 г. итало-французские войска победили австрийцев.

⁴²⁵ Ремплин – имение в германском герцогстве Мекленбург в Померании, приобретенное в 1851 г. герцогом Георгом Мекленбург-Стрелицким и великой княгиней Екатериной Михайловной, в котором по проекту архитектора Ф. Хитцига в 1865 г. был построен дворец.

дуя с ними до Льежа, свернули оттуда в Спа⁴²⁶, где я должна была пройти курс лечения. Там я занималась очень усердно, купила ноты, играла на фортепьяно, рисовала пейзажи с натуры, читала много, стараясь приковать свое внимание к читаемому. Часто ездила верхом. Спокойная жизнь оказала мне свою пользу. После Италии природа в Спа, конечно, не поражала ни своей грандиозностью, ни своим колоритом, но была успокоительна и приветлива. Через несколько времени мамá уехала в Ремплин на крестины новорожденного младенца принца Жоржакса⁴²⁷, родившегося 25 мая. Почти одновременно с ее отъездом приехал мой отец, сопровождающий великую княгиню Марию Николаевну, и мы поселились с ним в Pavillon Belge⁴²⁸ напротив Château de la Glacière⁴²⁹, нанятом для великой княгини и ее семейства. Присутствие Марии Максимилиановны было для нас большой радостью. Мы виделись каждый день и даже целый день; между ее комнатой и нашей гостиной мы даже устроили род телеграфа, была проведена через улицу веревка, на обоих концах которой были звонки, которыми мы друг друга вызывали и говорили условными знаками посредством азбуки, сочиненной нами. Так, обыкновенно утром передавалась программа дня. Вечером мы всегда гуляли, катались вместе, очень часто верхом, после чего мы разговаривали без конца на террасе виллы в теплой атмосфере влажной ночи, окруженные мириадами светящихся лучиол⁴³⁰. Наши бесконечные разговоры обращали на себя внимание доктора Мяновского, состоящего в свите великой княгини. Проходя мимо нас, он говорил своим польским акцентом: «Oh! le coeur des jeunes filles! C'est une machine plus compliquée qu'un laboratoire de chimie!..»⁴³¹ Мы в шутку называли сердце laboratoir'ом⁴³². Был также романс Alary со словами M-me de Girardin, строфу из которого мы распевали с увлечением:

Et son regard plein de tendress
A rencontré mes yeux ravis⁴³³, —

каждая из нас произносила по-своему. Маруся стремительно говорила «rencontra»⁴³⁴ (меняя этим размер стиха, что ее, впрочем, не останавливало). Я написала для нее послание в стихах, где, между прочим, значилось...

...Peut-être alors l'imagination
Vous montrera en vision rapide
Tous nos plaisirs: la conversation
Du soir à l'air si doucement humide,
Le télégraphe et nos signaux joyeux,
De Franchimont la course ravissante
Et la romance où votre voix charmante
Disait si bien le «rencontra» fameux⁴³⁵.

⁴²⁶ Спа – курорт с минеральными источниками в Бельгии.

⁴²⁷ Имеется в виду герцог Г.Г. Мекленбург-Стрелицкий.

⁴²⁸ Бельгийском павильоне (фр.).

⁴²⁹ Замка Гласьер (фр.).

⁴³⁰ Лучиола – разновидность светляков.

⁴³¹ «О, сердце юных дев! Это устройство более сложное, чем химическая лаборатория!..» (фр.).

⁴³² лабораторией (фр.).

⁴³³ И его взгляд, полный нежности, встретил мои восхищенные глаза (фр.).

⁴³⁴ «встретив» (фр.).

⁴³⁵ ...Возможно, тогда в вашем воображении промелькнут быстрым видением все наши удовольствия: вечерняя беседа на воздухе, едва пропитанном влагой, игра в телеграф и наши веселые условные знаки, восхитительные прогулки по Франшимону и романс, в котором ваш чудный голос так мило произносил известное «встретил» (фр.).

Я относилась немного свысока к этим ребячествам, но они доказывают, что мы были еще очень юны. Окончив лечение, мы уехали с отцом в Ремплин, где нас ожидала мамá. Это прекрасное имение было недавно приобретено великой княгиней, и дворец, очень обширный, не был еще вполне закончен. Готовы были обе боковые части дома, очень роскошно и с большим вкусом отделанные; середина же еще ждала своей перестройки. Украшение парка составляли длинные аллеи высоких ясеней, которые, соединяясь верхушками, образовывали подобие сводов готической церкви. Великая княгиня вышла к нам навстречу и радушно и мило приняла нас. Мы так сошлись с нею за последнюю зиму, что мне доставило сердечное удовольствие видеть ее счастливой своей новой материнской радостью. Она повела нас к великой княгине Елене Павловне, которая была по-прежнему добра и ласкова со мной, заставляя, как она умела это делать, обнаруживать способность к разговору. До нашего приезда замок был переполнен съехавшимися гостями, но теперь они почти все разъехались. Елена Павловна также скоро уехала со своей обширной свитой, оставив в Ремплине пожилую свою фрейлину княжну Львову, исполняющую при ней должность гофмейстерины (впоследствии она была пожалована камер-фрейлиной), и m-lle Stube, только что поступившую новую певицу. Это была особа с большим артистическим талантом, независимыми манерами, которые трудно укладывались в рамки придворных обычаев. Княжна Львова, которой поручено было воспитание ее, в этом отношении употребляла много такта, доброты и терпения, чтобы обуздать это дикое дитя богемы, и не всегда успевала в этом. Аристократию таланта она ставила выше всех прочих и возмущалась, когда после обеда, на который она не была звана, ее приглашали петь, не ссорясь с ее настроением. Свита великой княгини Елены Павловны была так многочисленна, что только часть ее (фрейлины и первые чины) нашли себе место в переполненном дворце. Остальные помещались в соседнем городе Мальхине и приезжали по приглашениям. M-lle Stube имела большой успех. Высокого роста, решительная, одетая немного по-мужски, красивая, оригинальная и властная, она привлекала к себе внимание мужчин. Гофмейстер великой княгини Александр Аггеевич Абаза не избег общей участи и вместе с графом Мальцаном ухаживал за ней. Так как она всегда жаловалась на неудобство приезжать и уезжать вечером по пустынной дороге между Мальхином и Ремплином, прибавляя при этом, что это даже опасно ввиду могущих встретиться разбойников, они условились сыграть роль этих фантастических разбойников, чтобы попугать m-lle Stube и певицу с ней другую певицу контральто m-lle Зубинскую. Действительно, переодевшись, они ушли ночью ранее конца собрания во дворец и сели в засаду по дороге в Мальхину. Когда появилась карета с дамами, они напали на нее, прекрасно разыграли свою роль. Те не на шутку испугались. M-lle Stube уже хотела отдать им в виде выкупа свои золотые украшения, но великодушные бриганты⁴³⁶ отпустили их без выкупа. На другой день они патетически рассказывали о своем приключении, которому страх придал еще большие размеры, и только через несколько дней узнали, что были жертвой мистификации. Тогда они рассердились и, зная, что Абаза и Мальцан не любят раннего вставания, устроили под их окнами раздражающую уши ужасную Catzenmusik⁴³⁷. Это была их месть. Трудно себе представить важного сибарита Александра Аггеевича в роли опереточного разбойника. Этот маленький эпизод был прелюдией к более серьезному ухаживанию, которое завершилось два года спустя женитьбой его на Юлии Федоровне, ныне уже вдове его⁴³⁸. В Ремплине мы застали

⁴³⁶ Бриганты – русифицированная форма французского слова «brigands» («разбойники»).

⁴³⁷ кошачий концерт (нем.).

⁴³⁸ Князь С.М. Волконский вспоминал о ней: «Гостиня Юлия Федоровны Абазы долгие годы была музыкальным центром в Петербурге. Юлия Федоровна была фигура, которая не повторится, – все очень своеобразное не повторяется. Немка по происхождению, по фамилии Штубе, она приехала в Россию в качестве лектрисы великой княгини Елены Павловны. <...> В Михайловский дворец привезла Юлия Штубе свою удивительную красоту и свой удивительный голос. В то время великая княгиня и Антон Рубинштейн замыслили основание консерватории и Русского музыкального общества. Юлия Федоровна

еще священника Ивана Леонтьевича Янышева, приехавшего из Висбадена несколько времени тому назад для освящения домово́й церкви, сооруженной великой княгиней во дворце⁴³⁹. Он был молод тогда, полон энергии и преисполнен своего священного призвания, природный ум его развился в обществе ученых богословов Германии. Мы провели с ним несколько дней до его отъезда. Для меня эти дни остались незабываемыми. По-видимому, он также вынес об этом времени хорошее воспоминание, так как нередко упоминает мне теперь о них при наших частых встречах в большом дворце. Я с ним много беседовала. Моя бедная душа нуждалась в словах подкрепления, и я их получала в его спокойной, проникнутой верой речи. В одном из моих стихотворений: «*A une jeune fille*»⁴⁴⁰, – я о нем думала, когда писала:

Aime un grave discours qui sème en qui l'écoute,
La soif d'être meilleur,
Qui tel qu'une eau puissante infiltre goutte à goutte
Sa vie en notre coeur⁴⁴¹.

Через некоторое время отец мой уехал обратно в Спа, откуда сопровождал великую княгиню Марию Николаевну в Англию, а осенью в Париж и Компьен, а мы уехали на морские купания на Мекленбургское побережье Балтийского моря в Добран⁴⁴². При великой же княгине осталась княжна Львова. В близком расстоянии от маленького города Добрана было устроено купальное место *Heilige Damm*⁴⁴³ на границе обширного леса из ясеней, который простирался до самого моря. Там в то время был выстроен дом, называемый *Burg*⁴⁴⁴, где помещались почти все жители, нанимая себе квартиры и собираясь в одной общей столовой к обеду. Вблизи было еще несколько особых вилл, из которых одна принадлежала владельческому великому герцогу⁴⁴⁵, а другая его матери⁴⁴⁶, сестре нашей Императрицы Александры Федоровны. Великогерцогская чета приезжала часто к обеду в ту же *Burg*, причем экипаж великой герцогини состоял из русских дрожек с русским рысаком, подаренными Государем Николаем Павловичем. Кучер был немец, но носил окладистую бороду подобно нашим кучерам и был одет в русское кучерское платье. Маленькие принцы были все одеты в русские рубашки. Эти мелочи доказывают обаяние, которым мы пользовались тогда за границей. Нас также приглашали обедать у себя местные владельцы. Великая герцогиня, рожденная принцесса Рейсс⁴⁴⁷, была в высшей степени симпатичная личность, добрая и религиозно возвышенная. При ней часто мы видели ее дочку, четырехлетнюю девочку, смотревшую на нас умными большими глазами. Ее интересовали наши шифры, и она спрашивала, почему у моей матери была одна только буква «А», – у меня две, а у моей сестры не было совсем шифра⁴⁴⁸? Эта маленькая принцесса, по

скоро приобрела славу музыкального авторитета. Впоследствии она вышла замуж за Абазу, одно время бывшего министром финансов. Дом ее стал музыкальным центром» (*Волконский С.М.* Мои воспоминания. М., 1992. Т. 1. С. 135—137).

⁴³⁹ В 1859 г. в одном из залов замка была открыта временная домовая церковь Рождества Христова (просуществовала до 1935 г.).

⁴⁴⁰ «Юной девушке» (*фр.*).

⁴⁴¹ Люблю серьезную речь, которая порождает в том, кто ее слушает, жажду стать лучше, которая, подобно сильному напору воды, каплю за каплей вливает жизнь в наше сердце (*фр.*).

⁴⁴² Правильнее: Добран (с 1921 г. Бад-Добран) – курорт в Германии на территории Великого герцогства Мекленбург на побережье Балтийского моря.

⁴⁴³ Хайлигендамм.

⁴⁴⁴ Замок (*нем.*).

⁴⁴⁵ Имеется в виду Фридрих Франц II, наследный великий герцог Мекленбург-Шверинский.

⁴⁴⁶ Имеется в виду Александрина, принцесса Гогенцоллерн.

⁴⁴⁷ Имеется в виду Августа-Матильда-Вильгельмина, герцогиня Мекленбург-Шверинская.

⁴⁴⁸ Шифр «А» принадлежал в это время (1859) вдовствующей императрице Александре Федоровне. Княгиня Ю.Ф. Куракина носила ее шифр, хотя как гофмейстерина могла носить справа на груди миниатюрный двойной медальон с портретами вдовствующей императрицы Александры Федоровны и императрицы Марии Александровны или совсем не носить шифра.

выходе замуж за великого князя Владимира Александровича, сделалась русской великой княгиней Марией Павловной.

В конце июля мы отбыли в Висмар⁴⁴⁹, где присоединились к великой княгине Екатерине Михайловне, которая со всем домом приехала из Ремплина, чтобы морем вернуться в Россию. Нас уже ожидал военный пароход «Храбрый», вновь отделанный и блестящий элегантностью и чистотой. Начало путешествия было прелестно. Погода была очаровательна и море спокойно, как озеро. Вечером под воскресенье служили всенощную на палубе. Голоса матросов звучали на чистом воздухе – и казалось, что слова молитв вместе с фимиамом кадильным летели прямо к небесам, озаренным в ту минуту чудным закатом солнца. При словах «Слава Тебе, показавшему нам свет» мне почудилось, что душа моя объята вознесенным ей светом, прообраз которого представлялся мне в дивном явлении природы. Но вдруг при полном спокойствии нам объявили, что сейчас будет шторм. Действительно, не прошло и четверти часа, как разыгралась буря, но такая, какую я себе представить никогда не могла. Внезапно стемнело, море приняло темно-свинцовый цвет, и ветер, как лютый враг, объявивший нам беспощадную войну, стал реветь, рвать убираемые матросами паруса, тент, под которым мы только что пили чай, и поднимать высокие волны, которые, как горы, казалось, были готовы потопить наш корабль, но как-то попадали под него и поднимали его вверх. Я помещалась в узкой рубке на палубе, отделенной стеной от каюты великой княгини. Когда я запирала дверь, то была как в гробу, так как окна в ней не было, поэтому я оставила ее открытой и наблюдала всю ночь, между приступами морской болезни, эту ужасную борьбу стихии с волей человека. Все, безусловно, были больны и лежали, где только кто мог. В нескольких шагах от меня на палубе лежал почти без чувств монах, прикрытый парусом от заливающих волн. Капитан ходил взад и вперед озабоченный и мрачный, половина команды только была в состоянии работать, однако всю ночь перегружали наш огромный багаж, так как он слишком налегал на нос корабля. Один доктор Чертораев из нашей компании был здоров и бодр и заменял нянь при детях. Он приходил ко мне и восклицал с восхищением: «Смотрите, какое великолепное зрелище!» 36 часов свирепствовала буря, – наконец она утихла и мы очутились близ Гельсингфорса, уклонившись значительно от нашего пути. Так как мы вошли в порт, чтобы принять угля, то с большим удовольствием сошли на берег, чтобы прогуляться по улицам. На другой день без новых инцидентов мы пришли в Кронштадт. Свиданье с братьями было счастливой минутой. Борис успешно прошел первый курс Николаевской военной академии и усердно занимался на втором. Мы поселились в Ораниенбауме, и снова началась обычная жизнь. Великая княгиня Елена Павловна была в своем дворце. Фредро приехал, вечера устраивались с шарадами, *secrétaire*’ом и музыкой. *Mlle Stube* была в последнем отношении огромным приобретением. Были также денные балы в Знаменском и Стрельненском дворцах. Одним словом, прежнее веселье возобновилось, но для меня эта суэта имела только вид веселья – я более интересовалась всем, что приходилось слышать по поводу упразднения крепостной зависимости крестьян. Трудно выразить, с какой страстностью я желала проведения этой реформы.

8 сентября был день совершеннолетия наследника Цесаревича Николая Александровича. Ему минуло 16 лет, и поэтому был назначен большой выход в Зимнем дворце. Церемония была торжественна и умирительна. Молодой и красивый великий князь произнес слова присяги сначала дрожащим от волнения голосом, и чувствовалось его проникновение всей важностью своего великого призвания. Императрица следила со слезами на глазах за словами, произносимыми своим возлюбленным сыном, ее гордостью, утешением, предметом ее лучших забот и стараний. К довершению радостного чувства, в этот день пришла весть о победе фельдмаршала

Сама Е. А. Нарышкина в это время была фрейлиной императрицы и могла носить двойной шифр «А» и «М», означающий вензели вдовствующей императрицы Александры Федоровны и императрицы Марии Александровны. Сестра ее, княжна Александра Куракина, не могла носить шифр, так как еще не была фрейлиной.

⁴⁴⁹ Висмар – город в Германии на территории Великого герцогства Мекленбург на побережье Балтийского моря.

Барятинского при Гунибе со сдачей Шамиля, и как последствие этого события – покорение Кавказа. Все были в приподнятом настроении, и ожидание реформ обещало в будущем новую славу. Осенью двор переехал в Гатчину, куда не возвращался со времени царствования Государя Николая Павловича, когда получаемые вести из Крыма падали, как удар за ударом, на обитателей дворца. Собрание было особенно блестяще, и велась роскошная *vie de Château*⁴⁵⁰, наподобие пребывания в Компьене. Мы были приглашены на две недели. Огромный дворец был весь наполнен гостями. Все члены царской фамилии с их свитами и другие избранные (*la crème de la crème*⁴⁵¹), всех около ста человек, ежедневно завтракали в Арсенальной зале за круглыми столами, во главе которых восседала одна из великих княгинь. Государь также присутствовал, но Императрица оставалась в своих покоях до обеда, который по тогдашним обычаям был ранний, в 5 часов. Утром и днем шли репетиции разных представлений, которые готовились к вечеру: то живые картины, то комедии, и главным образом разучивалась огромная шарада «*Mécène*» (*mai-scène*)⁴⁵², в которой участвовали почти все присутствующие и которая в нескольких действиях проявляла весь гений изобретательности графа Фредро и его соучастника пианиста Леви, сочиняющего музыку к его тексту. Те, кто не участвовал в репетициях, катались, ездили на охоту или следовали за ней верхом. Обедали с их величествами за большим столом, расположенным покоем⁴⁵³. Кроме живущих во дворце лиц были постоянные приглашения из Петербурга на один или несколько дней. В субботу вечером до понедельника приезжал молодой наследник Цесаревич со своим попечителем, строгим и внушительным графом Сергеем Григорьевичем Строгановым. Послеобеденное время было непринужденно, и обязательно образовывались группы, завязывались флирты, из которых некоторые счастливо завершались. Среди девиц была удивительно хороша собой *Hélène Staal*. Очень красиво одетая в платья, которые подарила ей великая княгиня Елена Павловна к этому случаю, она сидела в устроенных в зале легких качелях, которые слегка покачивал канцлер князь Горчаков, большой поклонник ее красоты и ума⁴⁵⁴. Она даже одно время с некоторым правом имела основание мечтать о блестящем для себя положении в будущем, но, как многие мечты, и эта не осуществилась. Всем было весело. Вечером предлагалось всегда какое-нибудь увеселение. Иногда в дворцовом театре были представления итальянской оперы, французской или русской труппы, или театр был занят импровизациями Фредро, в которых мы участвовали. Одна из наиболее удавшихся была серия картин, изображавшая всю поэму «Ундины»⁴⁵⁵ с аккомпанементом прелестной музыки, соответствующей сюжету⁴⁵⁶, и Олимп, где великая княгиня Александра Иосифовна была великолепно хороша в античных драпировках и античной прическе, которую исполнил *coiffeur*⁴⁵⁷ ее под личным указанием великого князя. Иногда также бывали танцы и выписывались к таким вечерам наши обычные кавалеры придворных балов. По возвращении в Петербург я с радостью приняла предложение великой княгини Екатерины Михайловны

⁴⁵⁰ загородная жизнь, полная удовольствий (*фр.*).

⁴⁵¹ сливки общества (*фр.*).

⁴⁵² *Mécène* – меценат, *mai* – май, *scène* – сцена (*фр.*). Об этой шарade пишет в дневнике великий князь Константин Николаевич: «2 ноября [1859]. Вечером было, наконец, полное представление “*Mécène*”, которое очень хорошо удалось и произвело большой смех. Я представлял *un medium m-g Nome*, в моем обыкновенном фраке и рыжем парике, и в первую минуту меня никто не узнал. Потом плясали в Арсенале до 2 часов утра. В “*Месене*” жинка являлась Музой в живой картине Парнаса и была неизмеримо хороша» (Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. М., 1994. С. 202).

⁴⁵³ Покой – название буквы «п» в церковнославянской азбуке.

⁴⁵⁴ В это время А.М. Горчаков был вдов, его жена Мария Александровна скончалась в 1853 г.

⁴⁵⁵ «Ундина» (1811) – сказочная повесть немецкого писателя Фридриха де ла Мотт Фуке, известная в России в стихотворном переложении В.А. Жуковского (1837).

⁴⁵⁶ Об этом говорится в дневнике великого князя Константина Николаевича: «31 октября [1859]. Вечером живые картины Ундины, устроенные Долгоруковой. Мы ужасно сердились» (Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. С. 202).

⁴⁵⁷ парикмахер (*фр.*).

заниматься с ней живописью под руководством профессора Неффа. Я еще прежде писала немного масляными красками, и для меня было исключительным случаем пользоваться советами такого выдающегося преподавателя, каков был Нефф. Наша мастерская была устроена в нижней библиотеке покойного великого князя Михаила Павловича, – там же через несколько времени начались уроки ваяния с профессором Пименовым, талантливым и необузданным художником, имеющим много природного ума и мало воспитания, протестующим, как протестуют все русские люди, врагом всякой казенщины и возмущающимся всяким порядком, при всем том чрезвычайно симпатичным по своей непосредственности и безусловной искры гения. Великая княгиня лепила бюст вакханки в натуральную величину, который, вылитый из бронзы, украшает теперь палисадник у ораниенбаумского Китайского дворца. M-Ile Stube приходила в открытом платье, чтобы позировать для плеч и шеи. Мои успехи в скульптуре не были очень заметны; у меня глаз вернее для колорита, чем для формы, к тому же я должна была прервать надолго мою начатую голову, и глина высохла и растрескалась, так что мои труды пропали. Hélène Staal присоединилась к нам, – она имела большие способности и вылепила очень хорошо в уменьшенном виде статуэтку Минервы, которую она подарила князю Горчакову. Я приезжала четыре раза в неделю в Михайловский дворец к этим занятиям, очень мне привлекательным. По окончании их я часто выезжала в санях с великой княгиней, так как фрейлины у нее еще не было, и иногда читала с ней вслух. Так начали мы только что появившийся в «Русском вестнике» роман «Отцы и дети»⁴⁵⁸. Когда я дошла до слова «нигилист», великая княгиня меня остановила и спросила, это что значит. Я тоже не знала. Тогда она решила, что это опечатка и что должно быть написано «гегелист»⁴⁵⁹ от имени Гегеля. Так нова была еще идея, впервые указанная и названная Тургеневым этим словом, получившим с тех пор такое широкое право гражданства⁴⁶⁰. Почти всегда я заходила к милой княжне Львовой, которую очень любила. Она была для меня так добра и успокоительно ласкова. Она умела понять мои настроения и умерять кротко и участливо мою восторженность, к какому бы полюсу она ни стремилась. Она собирала у себя маленькое общество дам для совместного шитья одежды бедным. Сама отличная рукодельница, она приготавливала работу и давала свои указания. В это время сестра Крестовоздвиженской общины Варвара Ивановна Щедрина, объезжавшая бедных по поручению великой княгини, читала отчет о своих посещениях. Признаюсь, я дурно работала и брала домой начатую вещь, чтобы докончить ее с помощью моей девушки, и однообразная рецензия доброй сестры Щедриной, в которой мелькали постоянно слова: «чердак», «подвал», «четверо детей» и проч., не представляя мне никакой реальности, была только аккомпанементом моих собственных дум, сдержанных постоянным разнообразием моей внешней жизни, но глубоко поселившихся на дне моей тревожной души.

Единственный человек, с которым я могла отвести душу, был мой брат Борис. О, как я его любила последний год! Он был товарищем моего детства; одно время наши пути разъединились, а в эту зиму, так как он усиленно занимался, то оставался много дома и мы проводили часто вечера вдвоем. В общем порядке нашей жизни каждый вечер мы обязательно ездили к бабушке, это была повинность, которую мы несли не без внутреннего протеста; только придворные балы нас от нее избавляли, так как они начинались рано, но когда Борис был дома, то, пользуясь моим правом неустановившегося здоровья, я испрашивала разрешения не выезжать. Он работал у своего письменного стола, а я сидела в его кабинете с работой или книгой в руках. Он подсаживался ко мне во время чая, и мы говорили весело, добродушно и искренне. Иногда я переписывала некоторые из его записок по военным наукам. Когда он чертил карты,

⁴⁵⁸ См.: Тургенев И.С. Отцы и дети // Русский вестник. 1862. № 2.

⁴⁵⁹ То есть гегельянец (см., например, в стихотворении А. Григорьева «Встреча»: «Вот гегелист – филистер вечный, / Славянофилов лютей враг»).

⁴⁶⁰ Термин «нигилист» ввел Н.И. Надеждин, напечатав в «Вестнике Европы» статью «Сонмище нигилистов» (1829. № 1, 2).

то просил меня играть на фортепиано и, слушая, посвистывал в тон. Дверь в гостиную, где стоял рояль, была отворена, и из-за письменного стола он назначал, что я должна играть. У него было редкое сочетание разных дарований. Ему всего было 22 года, но ум его был развит не по летам. Он мог давать моему отцу советы по делам и деликатно с тактом умерять обостренность его отношений к бабушке, заботясь о спокойствии нашей матери, вместе с тем был живой и веселый, как никто, *rétri d'esprit*⁴⁶¹, как о нем отзывались. Он имел пламенное сердце и твердую волю, уравновешивающую его гармоническую натуру, и был воплощением рыцарства и благородства. Когда он приходил домой из академии, его быстрые шаги раздавались в коридоре вместе с бряцанием палаша, и он отворял мою дверь, то появление его с добрыми улыбающимися серыми глазами и сверкающими ровными зубами, выглядывавшими из-под черных усов, – было как луч солнца, таким он был олицетворением бодрости, жизнерадостности, молодой силы. Будущность его могла бы быть блистательна. Его умственные и нравственные качества, его способности и культурность не могли не примениться с пользой для службы родине. Он был общим любимцем, репутация его была установлена, как это редко бывает в такие молодые годы, и живет до сих пор безупречная в воспоминаниях знавших его лиц – доказательства чего я нередко получаю и теперь...

Зимний сезон начался большим костюмированным балом у великой княгини Елены Павловны. Этот бал так интересно и живо описан Маркевичем в его романе «Перелом»⁴⁶², что мало можно к этому прибавить. В нем характерно было то, что вместе с изяществом большого великосветского праздника в нем отражались политические настроения, разделявшие общество. Под маской многое можно было говорить, и секрет во многих случаях оставался неразгаданным. Государь сам был в домино и маске, с ним была группа точно таких же домино, точно такого же роста, как он, так что невозможно было отгадать, под которым он скрывался; другая группа с той же системой имела в среде своей великого князя Константина Николаевича⁴⁶³ и третья – наследника. Кроме того, было много дам – их, впрочем, легко можно было отгадать по присутствию на балу мужей их и по их официальному отсутствию. Все эти маски мелькали посреди групп пьеро, арлекинов, коломбин, костюмов всякого рода, между которыми выделялось 12 дам, открывших бал процессией четырех времен года. Осень была очень эффектно представлена тремя высокими красавицами: Дуббельт (дочь Пушкина), изображающей *Les vendanges*⁴⁶⁴ и усеянной виноградными гроздьями, Лукерьей Карловной Нарышкиной, представляющей охоту со шкурой пантеры на изящных плечах, и княжной Александрой Сергеевной Долгорукой с осенними желтыми и красными листьями на платье цвета легкого тумана. Великие княгини Александра Иосифовна и Екатерина Михайловна изображали зиму с хлопьями снега из марабу⁴⁶⁵ на белых платьях и бриллиантовыми ледяными сосульками, а между тремя дамами, представляющими лето, выделялась красивая Марья Николаевна Зубова, итальянка по матери, только что вышедшая замуж, 18 лет, новая звезда на горизонте петербургского большого света, так как она только что прибыла с родины своей Неаполя, и Михайловский дворец имел *prémière*⁴⁶⁶ ее дебютов. Она была умна, естественна, живая, как дитя южного

⁴⁶¹ преисполненный острого ума (*фр.*).

⁴⁶² См.: Маркевич Б.М. Перелом. Правдивая история // Русский вестник. 1880. № 2—12; 1881. № 1—12. В IV главе второй части романа дается не только описание бала с присутствовавшими на нем гостями, подлинными именами которых слегка зашифрованы, но и характеристика его хозяйки, в которой легко угадывается великая княгиня Елена Павловна.

⁴⁶³ Великий князь Константин Николаевич отмечает в дневнике: «29 декабря [1859]. Вечером был бал с маскарадом у Елены Павловны. Все очень хорошо удалось, и было премило и весело. Жинка представляла Зиму и была невероятно хороша, но ужасно боялась масок. Я был в розовом домино, и меня никто не узнавал» (Переписка императора Александра II с великим князем Константином Николаевичем. Дневник великого князя Константина Николаевича. С. 215).

⁴⁶⁴ сборщиц винограда (*фр.*).

⁴⁶⁵ Марабу – птица из семейства аистовых.

⁴⁶⁶ первые плоды (*фр.*).

солнца, – великая княгиня говорила про нее: «*La petite Zouboff réveillerait un mort*»⁴⁶⁷, – и была окружена вниманием умных мужчин. Тургенев давал ей уроки русского языка, барон Александр Мейендорф руководил ее чтением. Государь любил беседовать с ней, и его занимал неожиданный и остроумный ее разговор. Мы ее знали еще в Париже, на курсах *m-eur Rémy*. Муж ее⁴⁶⁸ был товарищем моего брата по полку и по военной академии. Несмотря на свою женитьбу, он продолжал готовиться к экзамену, и Борис бывал у них часто, так как по некоторым предметам они занимались вместе. Чтобы не мешать им, она не входила в комнату, где они работали, но, приотворив немного дверь, выталкивала по полу к ним апельсины и другие угощения, которые они подбирали.

Вечера в Михайловском дворце были особенно интересны. Все выдающиеся люди этой эпохи, необыкновенно урожайной в этом отношении, находили доступ к великой княгине, поощрение, возможность высказаться и, наконец, были приглашаемы на ее четверги, где всегда бывал Государь с Императрицей, и где они могли быть представлены неофициально, и где их талантам не суждено было увянуть в безызвестности или превратиться в озлобленный протест. Вечера были многолюдны, и расположение комнат как нельзя лучше устраивало разнохарактерность их элементов. В большой гостиной всегда была отличная музыка, инструментальная и вокальная, и, кроме того, был целый лабиринт меньших гостиных, очень удобных для разговоров всякого рода, для болтовни молодежи, *petits jeux*, и даже танцев. Каждый выбирал, что ему было более по сердцу. Умы обострялись в интеллектуальной атмосфере этих собраний, и настроенное общество теряло банальный характер обыкновенных светских агломераций. Великая княгиня видела всех, удивительным чутьем своим определяла оценку каждого посетителя и умела отгадать, что кроется под застенчивой оболочкой ослепленного в первый раз виденным величием скромного ученого. Но далеко не все высшее петербургское общество разделяло этот взгляд. Оппозиция против нее была громадная. Говорили, что она ведет Россию к гибели и что окружает Государя красными. Особенно восставали против поддерживаемого ею и Константином Николаевичем проекта освобождения крестьян с землей. Усматривали в этой мере колебание основ государства и расшатывание понятий собственности. Против великого князя раздражение было особенно велико. Правда, что резкость его суждений о дворянстве и презрение, которое он постоянно высказывал этому сословию, не могли располагать к нему сердца знати. Сила его была большая в это время, но, несмотря на то, негодование высказывалось очень явно. Великая княгиня знала о недоброжелательности большей части общества, и, проникнутая желанием добра, она была уязвлена таким отношением к ней. Поэтому в одном случае она не сумела сдержать себя. На один из своих вечеров она между прочими пригласила графиню Софью Львовну Шувалову и княгиню Паскевич. Оба мужа этих домов⁴⁶⁹ были ее политическими противниками. Они не явились на приглашение и демонстративно поехали в театр, чтобы подчеркнуть намеренность своего отсутствия. Узнав о том, великая княгиня должна была бы оставить эту выходку без внимания, но она поручила княжне Львовой потребовать от них объяснения. Княжна читала свое письмо моей матери в моем присутствии. Она писала, что, не видя их имен в числе отказавшихся по разным причинам лиц, ее высочество сомневается, дошло ли до них ее приглашение, и проч. Графиня Шувалова ответила коротенькой запиской с упоминанием о легком нездоровье. Княгиня же Паскевич ответила только, что приглашение она получила. Тогда княжна Львова вторично ей написала, что, по принятым обычаям, лица, получающие приглашение от высочайших особ, должны или явиться, или предупредить о своем отсутствии. На это княгиня Паскевич иронически ответила, что она благодарит княжну Львову за довершение ее воспитания, но что теперь она считает эту задачу

⁴⁶⁷ «Маленькая Зубова воскресит мертвого» (*фр.*).

⁴⁶⁸ Имеется в виду граф А.А. Зубов.

⁴⁶⁹ Имеются в виду Петр Павлович Шувалов и Ф.И. Паскевич.

исполненной и потому просит княжну более ей не писать. Об этом эпизоде очень много говорилось в свете, и хотя княгиня Паскевич была кругом не права, но по тогдашнему настроению она считалась победительницей в этом маленьком конфликте. Балов в этот сезон было особенно много. Бывали маленькие интимные танцы для молодого наследника. Императрица все время следила за ним с видимой любовью. Раз, во время мазурки, которую мы танцевали вместе, он только что проделал фигуру и усаживался возле меня, как Императрица подозвала его. Вернувшись, великий князь сказал мне: «Мамá сделала мне замечание, — я должен был сделать полный тур с моей дамой, а я до окончания тура привел ее к ее месту». Так внимательно Государыня следила за каждым мелочами, касавшимися ее возлюбленного сына.

С моими обычными кавалерами мы главным образом говорили о литературе. «Отцы и дети» мне не позволили закончить⁴⁷⁰, но я восторгалась «Дворянским гнездом», «Записками охотника»⁴⁷¹, «Детством и отрочеством» графа Толстого⁴⁷² и только что появившимся «Обломовым»⁴⁷³. Мы горячо разбирали эти произведения и спорили по поводу их. В то время кипящие жизнью, даже балльные кавалеры были литературны. Я тоже читала с увлечением критики Белинского; не соглашаясь с ним во всем, я крайне интересовалась его суждениями и направлением. Дневник свой я совсем прекратила, но взамен его начала писать роман на французском языке. Он был у меня весь обдуман и разделен на главы, — и я уже написала несколько глав в их окончательном виде. Он остался у меня неоконченным; нынешним летом, перебирая мои старые бумаги, я нашла его. Все мое давнее прошлое воскресло предо мной, как живое, и мое чувство было похоже, по выражению графа Соллогуба, на воспоминание о шутилом друге над его могилой.

В Михайловском дворце кроме политических вечеров устраивались по-прежнему комедии и живые картины. Борис принимал в них участие с нами, хотя светские выезды его утомляли при его усиленных занятиях. По возвращении домой он нередко проводил ночи над своими книгами. В последнем из таких вечеров, как нам передавали впоследствии бывшие с ним товарищи, — переодеваясь, он выставлял свою широкую здоровую грудь, говоря при том весело: «*Aves une poitrine comme cela on ne meurt pas des poumons*»⁴⁷⁴. Увы... не прошло месяца, как он умер, и именно от легких, получив крупозное воспаление, быстро развившееся в его молодом организме, не ослабленном никакими излишествами. Эта смерть произвела перелом в жизни каждого из нас, — по выражению моего отца: «*Elle nous a retournés comme un gant*»⁴⁷⁵. Оставив великую княгиню Марию Николаевну в Париже, откуда она отбыла на зиму в Ниццу к своей августейшей матери Императрице Александре Федоровне, мой отец приехал сначала в Петербург, а потом уехал в свое тверское имение. Там он заболел перемежающейся лихорадкой. Вследствие преувеличенных известий об его болезни, привезенных внезапно одним другом нашего дома, Борис решил немедленно ехать к нему. Это случилось в четверг вечером на третьей неделе поста, когда мы собирались ехать, по обыкновению, в Михайловский дворец. Мамá, понятно, осталась дома и послала меня с сестрой во дворец, чтобы объяснить причину ее отсутствия, а Борис сейчас же отправился по начальству, чтобы получить отпуск и уехать на следующее утро. Помню, какое тяжелое предчувствие давило сердце моей матери, когда мы провожали Бориса. Она, привыкшая, как никто, владеть собой, горько плакала, повторяя: «*Il me semble que je l'ai envoyé à la mort*»⁴⁷⁶. Дней через десять он вернулся, по-видимому,

⁴⁷⁰ Об этом Е.А. Нарышкина пишет в книге воспоминаний «Под властью трех царей».

⁴⁷¹ См.: *Тургенев И.С.* Записки охотника. СПб., 1852; *Он же.* Дворянское гнездо // Современник. 1859. № 1.

⁴⁷² См.: *Толстой Л.Н.* История моего детства // Современник. 1852. № 9; *Он же.* Отрочество // Там же. 1854. № 9; *Он же.* Юность // Там же. 1857. № 1.

⁴⁷³ *Гончаров И.А.* Обломов // Отечественные записки. 1859. № 1—4.

⁴⁷⁴ «С такой грудью, как эта, не умирают от болезни легких» (*фр.*).

⁴⁷⁵ «Она нас вывернула как перчатку» (*фр.*).

⁴⁷⁶ «Мне кажется, что я послала его на смерть» (*фр.*).

здоровый, хотя жаловался на простуду. Вести привез он хорошие. Отец наш поправлялся и готовился приехать через несколько дней. С души нашей отлегло. Мы говели и на следующий день причащались с благодарным и мирным сердцем. Был ясный, солнечный, но морозный с ветром день. По всей вероятности, Борис довершил свою простуду; вечером у него был страшный озноб, и бывший у него друг его Рюмин не позволил ему выйти, как он предполагал, но положил его в постель. С этого момента начались для нас, к несчастью, известные многим, тяжелые дни, когда душой овладевает сперва неясная тревога, и вдруг, как зловещий блеск молнии, проносится мысль о возможности непостижимой еще смерти, – когда все существо борется с этим ужасным призраком, когда хватаешься за все естественное и сверхъестественное, чтобы удалить его призрак, когда сердце разрывается от жалости к страдающему и содрогается от неумолимости того, чего не хочешь видеть и не хочешь принять! И такое горе переживаешь, потому что наше хрупкое тело имеет неисчерпаемую способность к страданию. В другом моем очерке я написала день за днем, час за часом всю последовательность этого скорбного пути, пройденного умирающим и оставленными им на земле. Эти воспоминания для меня священны, ни одна черта не забыта, но о них могу говорить только в молитве или с молитвой. В начале, но когда болезнь принимала уже серьезный характер, он сказал докторам: «Когда мне будет худо, скажите мне, потому что я хочу умереть как христианин». Такой момент настал. Его напутствовал наш духовник отец Василий Шишов, глубоко религиозный человек, не обладающий разносторонностью ума и ученостью Васильева или Янышева, но духовная жизнь его была сильна – он не мог служить обедни без слез. Мама и верный друг моего брата Рюмин проводили у него все ночи, разделяя между собой часы; нам не позволяли дежурить ночью, но мы сидели у него днем. 26 марта в 1 час дня в субботу, посвященную церковью воскресенью Лазаря, его не стало. Он умер в тихом сне без агонии, без тех страданий, которые измучили его в предшествующие дни. Об этой минуте говорить не буду. Впечатление о ней осталось живым, несмотря на 46 пройденных с тех пор лет, и останется таким же до последнего дня моей жизни. Итак, вот она, смерть, в ее ужасной реальности. Я всматривалась в это красивое лицо, важное и неподвижное, на эту форму, облеченную в белый кавалергардский мундир, на эти скрещенные бесцветные руки – и думала: «Неужели это мой Борис, который так недавно еще, входя в мою комнату, казалось, приносил с собой, как солнце, теплоту и жизнь». Более чем когда-либо меня мучил вопрос: «Что видишь, друг? О Господи! Открой мне тайны загробного мира. Где его душа?» Мы были окружены друзьями, сочувствующими нашему горю. Они действительно помогли нам – они как бы носили нас в продолжение первых ужасных дней. Все хвалили Бориса, все рассказывали об его достоинствах и говорили, что добродетели его заслужили ему вечную жизнь. Но эти рассуждения меня не убеждали. Конечно, моя неизмеримая любовь к нему создавала, что тот, которого о. Васильев назвал в письме своем лучшим из его духовных детей, был один из лучших сыновей мира сего, но пред абсолютной чистотой лица Божия что значит человеческая относительная добродетель? Говорили также, что за него надо молиться. Значит ли это то, что он страдает? Есть ли в самом деле чистилище, как учит римская церковь? В таком случае надо молиться непрерывно, и я молилась днем и ночью до изнеможения, до того, что я с отчаянием замечала, что моя молитва становится сплошным повторением одних и тех же слов. Я читала все, что могла читать по этому поводу. От писем Святогорца я содрогалась⁴⁷⁷, и они меня возмущали, – видение праведной Музы, переходящей чрез мытарства и откупающейся от них запасом молитв Св. Василия⁴⁷⁸, меня также не удовлетворяло. Почему

⁴⁷⁷ См.: [Сергий (С.А. Веснин).] Письма Святогорца к друзьям своим о святой горе Афонской. СПб., 1850. Ч. 1—2. Возможно, на Нарышкину произвело особенно сильное впечатление Письмо 9, где речь идет о чине погребения умерших на Афоне, а затем об обычае выкапывать кости умерших спустя три года и складывать в общую усыпальницу истлевшие целые кости как знак благочестия умерших и отдельно закапывать рассыпавшиеся как недостаточно благочестивых.

⁴⁷⁸ Здесь Нарышкина ошибочно совместила жития двух Святых: Святой отроковицы Музы, которой незадолго до смерти явилась Богородица, и посмертные мытарства души Святой преподобной Феодоры, которая выкупила свои грехи с помощью

молитвы Св. Василия имели такое действие, а не жертвоприношение на Голгофе? Я бродила во тьме моего глубокого безутешного горя. Наконец я нашла на книжку женева пастора Бриделя под заглавием: «Les sept paroles du Christ sur la Croix»⁴⁷⁹. Может быть, почва моей души была достаточно подготовлена, может быть, действительно в этих рассуждениях была необычайная сила, не могу судить, так как, несмотря на мои старания, никогда не удалось найти этой книги потом; другие же произведения того же автора показались мне заурядными, – но при чтении ее я постепенно проникалась духом великой тайны искупления, а при последнем слове: «Совершилось» – все мне стало ясным, и я испытала такое внутреннее озарение, что потоки радостных благодатных слез облегчили наконец мое наболевшее сердце. Вместе с тем точно пелена спала с моих глаз, и я поняла, сколько эгоизма было в мечтаниях, наполнивших всю мою жизнь и которые вращались исключительно вокруг моего личного счастья. Личное счастье! Земное! Стоит ли о том думать! В силу сознанный вдруг отеческой Божией любви меня охватило чувство братства со всем человечеством. Все эти обездоленные, которых я не замечала, все эти чердаки и подвалы, наполненные существами, о которых читала сестра Щедрина и которые стояли так далеко от меня, получили вдруг для меня удивительную близость. Несмотря на тяжелую земную утрату, я была счастлива, и мое здоровье даже стало лучше. Мы провели все лето в деревне, с нами был друг моего брата Рюмин, разделявший одинаково с нами наше горе. Мои родители любили его, как сына, и он был близок к нам, как брат. Все лето прошло в этом приподнятом состоянии, о котором упоминаю в двух словах, хотя по разнообразности, интенсивности, богатству откровений, сопровождавших его, я могла бы распространяться без конца. Я могла сказать, как Иов сказал Богу к концу его испытаний: «Я слышал о Тебе моими ушами, но теперь мои очи Тебя узрели»⁴⁸⁰...

В этом году был первый поход Гарибальди в Неаполитанское королевство и победа его; но я ничего об этом не знала. Никакое из политических событий меня не интересовало. Одно, чего я желала беспрестанно, это освобождения крестьян и чтобы им дали все, что они хотели, и как можно больше. Когда мы вернулись в Петербург осенью, Императрица Александра Федоровна умирала. 20 октября, окруженная всем августейшим семейством, Государыня скончалась в Царском Селе. При похоронах были те же кавалергарды, как при выносе и отпевании Бориса, и та же полковая музыка, игравшая их марш, так хорошо мне известный. Гроб был принесен в крепость и установлен на катафалке, согласно церемониалу, и тотчас же начались панихиды и дежурства. На мое дежурство мне пришлось остаться почти всю ночь в Петропавловском соборе, так как, отдежурив свои часы от 12 до 2 ночи, я должна была заменить отсутствующую почему-то фрейлину от 4 до 6 утра. Было очень торжественно и внушительно. Собор весь был в полумраке. Высокие восковые свечи освещали исхудавшие черты Государыни, достигшей тихого пристанища после многих бурь житейских, свойственных прочему человечеству. Царская мантия, падающая с гроба и лежащая у подножия его, мне казалась символом тщеты и призрачности всякого величия мирского пред единственной реальностью смерти. При тишине безмолвного дежурства раздавался медленный голос священника, беспрерывно читающего Евангелие, изрекающего слова жизни и призывающего сердца к отрешению от видимого к созерцанию вечного. Всю ночь, особенно под утро, народ приходил, чтобы поклониться праху усопшей царицы. Утром грандиозное впечатление ночи сменилось другим, ничего общего с ним не имеющим. Явились камер-фрау и парикмахер и стали приводить в порядок туалет и прическу ее величества. Было что-то странное в этом уборании мертвого тела. Что делать? Внешняя жизнь брала свое, и торжественная погребальная *mise en scène*⁴⁸¹

молитв Святого преподобного Василия Нового.

⁴⁷⁹ «Семь слов Спасителя на кресте» (фр.).

⁴⁸⁰ Иов 42: 5.

⁴⁸¹ мизансцена (фр.).

должна была быть безукоризненно величавой. С большой радостью мы опять встретились с нашими милыми принцессами. В прошедшем году в Ницце Мария Максимилиановна тесно сдружилась с княжной Мещерской, бывшей у Императрицы; кроме того, там же она сблизилась с несколькими девицами, получившими собирательное прозвание «шайки». Хотя они все были нам хорошо знакомы, но наше настроение не подходило к характеру этих девических собраний с их молодым хихиканьем, и мы не являлись на них и предпочитали проводить с Марией Максимилиановной тихие вечера в задушевных разговорах или за чтением. Придворный траур остановил на зиму светскую жизнь, однако были небольшие вечера, от которых мы отказывались. Великая княгиня Елена Павловна сказала мне однажды: «*Vous ne voulez pas aller dans le monde?*», я ответила: «*Non, madame*». – «*Pourquoi?*» Я объяснила. «*Alors vous préférez n'être pas invitée?*» – «*Oui, madame, si votre altesse le veut bien*». – «*Fort bien, je ne vous inviterai pas à mes petits jours*»⁴⁸². И я благодарила великую княгиню и потом с улыбкой подумала, что предмет моей благодарности должен был казаться ей необычайным. Нередко Мария Максимилиановна нам говорила: «*Maman vous fait dire que nous aurons du monde tel jour – les portes vous sont ouvertes, mais vous pouvez faire comme vous voulez*»⁴⁸³. Взамен решительно изгнанных танцев в этом году выдумали кататься на коньках, что тогда было новизной в обществе; каток был устроен в садике Мариинского дворца, и великая княгиня Александра Иосифовна сочинила и нарисовала форму меховых шапочек, тогда еще не существовавших и получивших с тех пор такое всеобщее распространение. На каток приезжали тоже молодые великие князья, сыновья Государя. Потом это удовольствие было перенесено в Таврический сад, который сделался самым модным сборищем в Петербурге. Князь Владимир Мещерский («Гражданин»⁴⁸⁴) сочинил довольно милую поэму «Тавриаду», где удачно описал большинство лиц⁴⁸⁵. По-моему, у него творческого таланта немного, но он воспроизводит внешность своих героев с удивительной наблюдательностью, и они всегда похожи. Бывало, после вечера, начатого у Марии Максимилиановны, мы в 11 часов подымались в гостиную великой княгини, которая сидела за карточным столом со своей партией. Одновременно появлялись Николай Максимилианович⁴⁸⁶ со своими двумя друзьями Мещерским и Горчаковым⁴⁸⁷, «расой Черниговских князей»⁴⁸⁸, как назвал его первый в своей «Тавриаде». Мы шестеро разговаривали за особым столом, пока великая княгиня оканчивала свою партию, потом нас собирал общий ужин. Такие вечера, впрочем, были лишь в следующем году. Я продолжала заниматься живописью с великой княгиней Екатериной Михайловной, но музыку я на время оставила. Она слишком долго служила проводником моих призраков счастья и будила во мне зарытые в могиле мечты. Стихотворство тоже оставила. Что у меня оставалось поэзии, то выражалось каким-то настроением, похожим на непрерывный гимн, общим фоном моей сократившейся внешней жизни. Все мои книги, поэмы, романы я заперла далеко. Я восхищалась поэзией псалмов. Моя прабабушка, дочь царей грузинских⁴⁸⁹, говорила: «*Je crois que j'aime tous les Psaumes parce que je*

⁴⁸² «Вы не хотите появиться в свете?» <...> «Нет, мадам». – «Почему?» <...> «В таком случае, может быть, лучше, чтобы вас не приглашали?» – «Да, мадам, если вашему высочеству так будет угодно». – «Отлично, я не буду звать вас на свои небольшие приемы» (*фр.*).

⁴⁸³ «Мама велела вам спередать, что в такой-то день у нас будут гости, – двери для вас открыты, но вы можете поступать так, как вам угодно» (*фр.*).

⁴⁸⁴ «Гражданин» (Петербург, 1872—1914) – политический и литературный еженедельник (издатель – В.П. Мещерский).

⁴⁸⁵ Юмористическая поэма князя В.П. Мещерского «Тавриада» (СПб., 1863), где описывалось это катание на коньках в Таврическом саду, была посвящена великому князю Александру Александровичу (будущему императору Александру III).

⁴⁸⁶ Герцог Н.М. Лейхтенбергский.

⁴⁸⁷ Князь К.А. Горчаков.

⁴⁸⁸ Князья Горчаковы ведут происхождение от потомков Рюрика, князей Черниговских. Правнук князя Михаила Черниговского получил прозвище Горчак, его потомки в XVI в. стали именоваться Горчаковыми.

⁴⁸⁹ Княгиня Анна Александровна Голицына (урожд. княжна Грузинская).

descends du roi David»⁴⁹⁰. Такая генеалогическая оценка мне не приходила на ум, но я находила в псалмах выражение стремлений моей собственной души и дивилась общности человеческих чувств всех времен и народов. Я читала с большим вниманием все книги Иоанна Златоуста по два раза, даже его толкования на послания апостола Павла к римлянам и коринфянам, так как они были трудно понимаемы. Мое духовное развитие было чисто в православном направлении. Я также поняла и полюбила обрядовую сторону, которой до сих пор пренебрегала. Моя мать переносила свое горе с глубокой верой и христианским смирением, но сердце ее было разбито. Она всегда говорила, что жизнь ее делится на две части: до смерти Бориса и после нее. Я старалась сблизиться с ней и достигла своей цели. Мой отец не имел того же утешения. Его горячая душа была по природе религиозная, т.е. способная к восприятию религиозных истин, но определенности в этой области, устойчивости он не имел. Его ум переходил через всевозможные философские системы и религиозные понятия, не удовлетворяясь ничем. Одно время он увлекался спиритизмом, что я считала опасным, потому что спиритизм разрушает, по-моему, краеугольный камень нашей веры, т.е. спасение через искупление, и сводит дело, совершенное Спасителем на земле, к учительству и к поданию нам образца к подражанию. Я имела счастье видеть его перешедшим всем сердцем к учению церкви, и так как он стал изучать богослужение наше, то я переводила для него на русский язык все песнопения и молитвы, которые он трудно понимал на славянском языке.

Политическая жизнь кипела между тем. Не могу выразить торжественной радости, которую я испытала в великий день 19 февраля. Мы были, как всегда, у обедни в Михайловском дворце. Великая княгиня сияла счастьем. Вся наша семья была единомышленна в этом чувстве. Несмотря на отдаленность, на ужасное состояние дорог, на свое личное горе и нездоровье, мой отец поспешил уехать в свое тверское имение, чтобы самому объявить своим крестьянам о постигшей их великой милости. Он собрал их в своем доме и прочитал им высочайший манифест с радостным волнением, со слезами счастья и благодарности. Впоследствии он чрезвычайно мудро и широко отделил им их надельные земли без всякого эгоистического расчета на удержание их в своей зависимости, и мы до сих пор пользуемся хорошими отношениями, которые такой образ действий установил между нами и бывшими нашими крестьянами.

У великой княгини Екатерины Михайловны была тогда новая фрейлина, красивая финляндка Alma Kothen. Мы встречались с ней еще в Риме, а через год, когда она приехала в Петербург с Авророй Карловной Карамзиной, она была назначена фрейлиной. Она была грациозна и изящна, представляя собой поэтический тип героинь скандинавских легенд, очень культурная, взлелеянная баловством всех окружающих ее и безмерной любовью своего отца (матери она лишилась в раннем детстве)⁴⁹¹. Россия и придворная жизнь ей были незнакомы и, по существу, несимпатичны, но доброе сердце ее привязалось к встреченным ею в этом мире лицам, и мы с ней искренно подружились. В ней были симпатичны ее идеальность и неподдельная поэзия, в которой она витала и которая отделяла ее от светских мелочей и пошлостей. Высокая, гибкая, белокурая, со свежим цветом лица, всегда безукоризненно одетая, вдумчивая, но без всякой страсти, она пленяла всех, кто с ней встречался. Великая княгиня Мария Николаевна проводила лето на Сергиевской своей даче, мы виделись постоянно с принцессами, и там Альму тоже очень полюбили. В Ораниенбауме гостил в то время друг и товарищ герцога Мекленбургского Oertzen, владелец прекрасного имения Kittendorf, в соседстве Ремплина. Он также восхищался Альмой, которая смотрела на него, как на старика, хотя ему, в сущности, было немного более сорока лет. Он служил ей шапероном⁴⁹², когда она ездила верхом с другими кавалерами. Великая княгиня не разрешала ей таких поездок иначе, как в сопровожде-

⁴⁹⁰ «Думаю, я потому люблю все псалмы, что происхожу от царя Давида» (*фр.*).

⁴⁹¹ Имеются в виду барон Казимир фон Котен и его жена баронесса Анна-Шарлотта фон Котен.

⁴⁹² От *chaperon* (*фр.*) – компаньонка.

нии Oertzen'a. Каково же было наше удивление, когда он сам объяснился ей в любви, прося ее руки. Она колебалась, но, тронутая его чувством и под влиянием отца, согласилась выйти за него замуж, что привело в негодование принцесс, и мы все жалели о ней. Однако этот брак оказался очень счастливым. Он сумел понять ее и устроить ее жизнь согласно ее вкусам, разнообразя ее поездками за границу и обществом интеллигентных лиц, которых он приглашал в свой замок. С тех пор мы не встречались уже с Альмой. Сначала мы переписывались, она обладала особенным литературным талантом в этом роде, но наши интересы так разъединились и наша русская жизнь была так серьезна и полна жгучих вопросов, что вряд ли оказалось бы возможным поддерживать долго чисто отвлеченную переписку. Я могла встретить ее в Италии год тому назад⁴⁹³, но, зная, как она страстно относится к финляндскому вопросу⁴⁹⁴, я предпочла не подвергаться неминуемому разочарованию, которое бы испытывала в беседе с ней, и сохранить в моем воспоминании образ красивой, поэтичной Альмы, какой она мне представляется в эти далекие дни.

Жизнь в Ораниенбауме текла по-прежнему. В начале лета обычное движение затормозилось рождением маленькой принцессы Марии⁴⁹⁵, а потом я была отделена от всего, так как заболела scarlatiной. Моя мать разделила последующее засим мое заключение. К счастью, никто не заразился, и после первого тяжелого времени наше уединение в пустом большом Ораниенбаумском дворце было даже не без приятности. По возвращении нашем в общество в августе мы застали еще полное оживление. С обитателями Сергиевского устраивались шарады: *chant-raître (champêtre)*⁴⁹⁶, *pas-rat-bol (parabole)*⁴⁹⁷. Второй слог первой представлял ночное пастбище овец с Oertzen'ом в качестве пастуха, а Альма, освещенная ярким светом, являлась в облаках, изображая l'Etoile du Berger⁴⁹⁸. Эта картина была очень эффектна. Во второй шарade главное участие принял граф Григорий Александрович Строганов. В *pas* он представлял танцмейстера, а в *rat* вместе с князем Мещерским разыгрывал басню Lafontaine «Le rat de ville et le rat de champs»⁴⁹⁹. Потом мы уехали в Степановское, где остались до глубокой осени. Нам было хорошо, потому что не было разлада между внешней светскостью и нашим настроением. Мы занимались с сестрой нашей школой; начали собирать дворовых детей и сами учить их. Мы сблизились с нашими ближайшими соседями – семейством Ремер и владельцами большого имения Лотошина⁵⁰⁰, Мещерскими⁵⁰¹. К последним приехала сестра княгини Екатерина Васильевна Потапова. Муж ее только что был назначен с.-петербургским обер-полицмейстером, и они переехали из Варшавы в Петербург. Она только что провела несколько дней в Гатчине, где возобновилось блестящее осеннее пребывание, подобное тому, на котором мы присутствовали два года тому назад. Она рассказывала нам эпизоды их этого знакомого нам волшебного мирка. Екатерина Васильевна была олицетворенная доброта и милосердие, и я с ней коротко сблизилась со следующей зимой.

По возвращении нашем в город я стала искать реальной почвы для моей религиозности. Вся моя приподнятость, навеянная моими чтениями и размышлениями, требовала воплощения в жизни. Сравнительная роскошь, в которой я жила, была для меня как бы укором. В первый раз, на почве христианства, предстали передо мной социальные вопросы. Почему такое

⁴⁹³ То есть в 1905 г.

⁴⁹⁴ Речь идет о проводимой императором Николаем II политике русификации Финляндии и реакции финского общества на нее.

⁴⁹⁵ Имеется в виду герцогиня М.Г. Мекленбург-Стрелицкая.

⁴⁹⁶ Chant – песня, raître – пасти, champêtre – сельский (*фр.*).

⁴⁹⁷ Pas – танцевальное па, rat – мышь, bol – чашка, parabole – притча, парабола (*фр.*).

⁴⁹⁸ Утреннюю звезду (Венеру) (*фр.*).

⁴⁹⁹ «Мышь городская и мышь деревенская» (*фр.*).

⁵⁰⁰ Лотошино – имение князей Мещерских в Волоколамском уезде Тверской губернии.

⁵⁰¹ Имеются в виду Б.В. и С.В. Мещерские.

неравенство между детьми одного Отца небесного? Почему я, например, окружена попечением и обережена от всякого рода опасностей, а столько детей рождаются в нищете и самими условиями своей жизни обрекаются на гибель физическую и нравственную, не имея возможности развить свою душу и познать Бога? Следует ли буквально раздать все свое имущество? Уменьшится ли от этого на одну сотую сумма зла в мире, и имеют ли родители право лишать своих детей наследства, полученного от предков, и той культуры и воспитания, которые только возможны при обеспеченности материальной? Мне не с кем было говорить о волнующих меня вопросах, и я их перерабатывала, как умела, сама. Одно мне было ясно: то, что я должна была отрешиться от себя, т.е. от удовлетворения своих эгоистических желаний, и посвятить себя служению Богу в лице моих ближних. Первым делом мне нужно было непосредственное соприкосновение с этим миром страждущих, в отношении которых я чувствовала себя виноватой. Мне помог в этом умный и живой молодой священник о. Александр Гумилевский. Как все живые люди, у нас он был в загоне и в борьбе со своим начальством; но хотя его кипучая деятельность была кратковременна (он умер в молодых годах), он сумел создать в своем приходе на Песках первое приходское благотворительное общество, по типу которого развились все наши церковно-благотворительные общества, одно из лучших учреждений столицы, которое, несомненно, будет иметь большое значение, раз церковь и приход оживят новым духом. Он задумал возобновить существовавшее в первых веках христианства учреждение дьяконисс, выбирая их из женщин всякого сословия, не связанных монашескими обетами, остающихся в своих семьях, но посвящающих себя на служение и помощь бедным. Таких дьяконисс уже у него было несколько из числа его же прихожанок. Я случайно его встретила у Татьяны Борисовны Потемкиной, и все, что услышала от него, было мне крайне симпатично. На другой день я получила от него письмо, в котором он говорил, что почувствовал искренность в моих стремлениях «к доброделанию» и что на случай, если я, действительно, хочу работать на ниве Господней, то посылает мне адрес, где я найду, что делать. «Но не передавайте, – писал он, – Ваших денег через лакея, а выйдите из кареты, как самарянин слез с осла, и лично предложите Вашу помощь. Будьте православной дьякониссой», – заключил он. Это письмо принесла мне одна из его дьяконисс, скромная и кроткая девушка, на вид мещанка, одетая в черное платье, с черной косынкой на голове. Она мне сказала, что живет с матерью и работает, но находит время для служения бедным, идет, куда батюшка ей укажет, и что обряд посвящения ее состоял в молитве с ней и о ней батюшки с чтением Евангелия над ее склоненной головой. Письмо Гумилевского меня тронуло, и я на следующее утро отправилась пешком по указанному адресу. Меня сопровождала наша неоцененная Goussette⁵⁰², добрая, набожная, принимающая участие во всем, что нас касалось, никогда не отказывавшая нам ни в чем. Мы вошли в подвал, полный углами, – я в первый раз узнала, что это слово изображает. Кроме старухи Настасьи, о которой писал мне Гумилевский, было много другого народа, которые сперва с любопытством оглядели оставшихся навсегда неизвестными им посетительниц, а потом привыкли к ним и даже, как мне казалось, полюбили их. С Екатериной Васильевной Потаповой я ездила два раза в неделю по вторникам и пятницам в Таврическую школу, где преподавали добровольные учителя. Она имела один класс, а я другой. Кажется, что эту школу основал и ею руководил барон Михаил Осипович Косинский, ярый филантроп, которого я встречала у г-жи Потаповой. Она имела огромную деятельность и видела массу разнородных людей. Это первое движение 60-х годов, чуждое еще политической окраски и проникнутое искренней любовью к меньшей братии, было мне очень симпатично, и я примкнула к нему всем сердцем. Я также бегала в Крестовоздвиженскую общину и подружилась с сестрами, докторами и священником. Я чувствовала себя такой мизерной в сравнении с этими постоянными тружениками и смирялась в душе пред всеми и также пред рабочими, которые приходили в амбулаторию,

⁵⁰² Имеется в виду Е.А. Гусева.

из которых каждый имел свою грустную эпопею. Здесь я встречала баронессу Раден, которая часто приезжала в общину и оставалась иногда по ночам, чтобы дать возможность отдохнуть сестрам. Никто, кроме моей матери, не знал о моих похождениях. Мой отец запретил бы их, так как они расходились с его понятиями об облике великосветской барышни, а бабушка... — она сочла бы меня прямо за сумасшедшую и наложила бы свое веское veto, но моя добрая и умная мать поняла, что мне необходим был этот выход бушующих во мне сил, и охотно разрешала мне мои занятия, и даже помогала мне их осуществить. Все это я проделывала в утренние часы: в 7 часов я уже вставала, чтобы успеть со всем управиться. В третьем часу, наскоро позавтракав, соответственно переодевшись, я стремилась в придворной карете к великой княгине Екатерине Михайловне, заменяя ей фрейлину после свадьбы Альмы. Я выезжала с ней каждый день и очень часто у нее обедала. Великая княгиня испытала в декабре большое горе — маленькая принцесса Мария умерла в конвульсиях шестимесечным ребенком. Я была рада при таких обстоятельствах оказать хотя малую услугу великой княгине, которую так искренно любила и горю которой я сочувствовала от всей души. По причине этого траура праздников в Михайловском дворце не было.

Великая княгиня Елена Павловна была очень занята основанием консерватории, в чем главным исполнителем ее желаний был Антон Григорьевич Рубинштейн. Так как я опять стала ездить на маленькие музыкальные ее вечера, то имела случай слушать гениальную игру этого титана в области фортепьянной игры. Он изображал из себя целый оркестр по силе своего исполнения, и вместе с тем его пальцы пели на клавишах с удивительной тонкой прелестью. На этих вечерах постоянными посетителями были, между прочими, прусский посланник при нашем дворе и его супруга. Это был знаменитый граф Бисмарк, имя которого сделалось историческим через несколько лет. Идея единения Германии была его заветной мечтой с самого начала его дипломатической карьеры. Князь Горчаков рассказывал мне, что, будучи прусским посланником при Франкфуртском сейме, он уже развивал ему свой план о великой Германии и что все разговоры его с ним были на эту тему. Князь тогда состоял нашим посланником в Штутгарте. Впоследствии, когда он так блистательно осуществил свою мечту, встретившись с князем, он ему сказал: «Eh! bien, maître, êtes-vous satisfait de votre élève!» Князь поклонился и ответил: «Comme le Perugin a pu être satisfait de Raphaël, l'élève a dépassé le maître!»⁵⁰³ Прекрасная музыка и умные объективные разговоры были для меня приятным развлечением, которое я принимала без усилий. Не так было с балами, на которые мы должны были, хоть изредка, появляться. Первые балы были для меня настоящим мучением, и слезы были готовы брызнуть из моих глаз. Эта бальная музыка, которую я когда-то так упоительно любила, раздирала мое сердце, вызывая образы, исчезнувшие в вихре моих пройденных ощущений. Боже мой! Какая бездна разделяла меня от них. Мне казалось, что я пришелец из другого мира, и удивлялась, что внешность осталась все та же. Те же кавалеры подлетали ко мне, и я чувствовала в обхождении их какое-то безмолвное участие, которое меня трогало, но мне казалось, что каждый из них спросит меня: «Что тебе до нас и что нам до тебя?» Как все, что повторяется, сила этих впечатлений постепенно ослабевала. Я даже иногда забывалась и вдруг замечала, что мне по-прежнему весело. О, как я негодовала на себя в таких случаях! На другой день я приходила ранее часов к обедне в наш приходский храм Св. Пантелеймона и старалась воротить свое воображение к тому, что я считала единственным для меня путем; это состояние было тяжелое, потому что я чувствовала, что, несмотря на все, любовь к земной жизни осталась во мне несокрушенной и несокрушимой. На последнем балу у великого князя Николая Николаевича Михаил Николаевич простался с нами, так как на другой день он уезжал на Кавказ, куда был назначен наместником. Во время мазурки он обходил всех нас, приговаривая: «Не поминайте

⁵⁰³ «Ну что же, мэтр, вы довольны своим учеником?» — «Как Перуджино мог быть доволен Рафаэлем, ученик превзошел учителя!» (фр.).

меня лихом». Он был нам всегда очень симпатичен, хотя мы его менее знали, чем его брата, так как он всегда танцевал с замужними молодыми дамами, а Николай Николаевич был исключительно кавалером девиц. Молодая великая княгиня Ольга Федоровна уезжала с большой грустью. Она впоследствии передавала мне, как ей трудно было расстаться с Петербургом, в котором она познала так много счастья. Будучи небольшой германской принцессой, очень мало избалованной и никогда еще не выезжавшей из Карлсруэ, для нее очутиться русской великой княгиней в блестящей северной столице, во всей роскоши императорского двора, обласканной Императрицей Александрой Федоровной и, прибавляла она, «*Avec un mari comme le grand-duc*»⁵⁰⁴, – было осуществлением волшебной сказки наяву. Поэтому широкое поприще, ожидающее на Кавказе, ее мало прельщало, и она считала великолепную Колхиду, над которой она была призвана владычествовать вместе с великим князем, страной изгнания, раз этим отъездом разрушался ее достигнутый земной рай.

В то время Румянцевский музей был переведен в Москву⁵⁰⁵, и заведующий им князь Одоевский должен был последовать за своим учреждением; его отсутствие было большим лишением для Михайловского дворца. Княгиня Ольга Степановна, его жена, заведовала училищем Св. Елены и находящейся поблизости богадельней для старух. Оба эти учреждения ей пришлось покинуть. Великая княгиня Елена Павловна заменила ее фрейлиной Раден и мной, передав первой училище, а мне богадельню. Этот знак доверия со стороны великой княгини я приняла со смущением, благодарностью и удивлением, разделенным также всей моей семьей, так как было принято смеяться над моей непрактичностью. Я никогда ничем не располагала и не имела понятия о счетах и о ценности вещей, и вдруг в мое единоличное распоряжение поступает целое учреждение и деньги на его содержание. Отчеты я должна была представлять великой княгине, а делопроизводителем мне назначили одного чиновника, некоего Краснопольского, с которым я была сначала страшно застенчива, так как не привыкла, чтобы меня считали начальством. Он был отличный человек и много мне помогал, чтобы разбираться в новом деле. Княгиня Одоевская прислала мне все старые счета, и я старалась изо всех сил уяснить себе нормальную стоимость продовольствия, цену на мясо, потребное количество на порцию и проч. Эти познания были плодом усиленной работы с моей стороны. Почти всегда я ездила в мою богадельню вместе с Эдитой Федоровной. Вспоминаю с удовольствием наши поездки; они были началом нашего тесного сближения. Окончив мое дело, я заходила к ней в институт и следила за ее обращением с девицами, учителями, воспитательницами, потом на обратном пути и в ее комнатах во дворце, где мы пили чай, я внимала ее речам, всегда проникнутым высокой мыслью и горячей любовью к людям. Я сообщала ей подробности моего управления и мои недоумения и просила передавать великой княгине мои замечания и просьбы. Сначала все дела проходили при ее посредстве, но вскоре затем великая княгиня приказала мне являться с моими докладами самой. Она принимала меня в своей уборной и выслушивала с ласковой добротой. В нескольких словах она быстро решала несложные вопросы, которым я придавала столько значения, потом удерживала меня у себя и с глазу на глаз беседовала со мной более или менее продолжительно. Она интересовалась моей малозначащей личностью, ставила вопросы, на которые я не могла не отвечать прямо, и говорила иногда о себе и о своей молодости, когда она воспитывалась в пансионе в Париже и когда она проводила праздничные дни в семействе подруги своей девицы Вальтер, племянницы знаменитого ученого Cuvier. Молодая принцесса находилась в обществе великих умов времени реставрации, и ее восприимчивый

⁵⁰⁴ «С таким мужем, как великий князь» (*фр.*).

⁵⁰⁵ Общедоступный Румянцевский музей был создан в 1828 г. по указу императора Николая I на основе коллекций графа Н.П. Румянцева и открылся в 1831 г. в доме Румянцевых на Английской набережной в Петербурге. Собрание музея включало в себя коллекции редких книг, рукописей, монет, медалей, минералов, этнографических предметов, произведений живописи и скульптуры. В 1861 г. Александр II повелел перевести музей в Москву, предоставив для него Пашков дом на Моховой улице. Открылся музей в 1862 г.

ум получил то влечение к научным интересам, которое она так благотворно использовала в ожидавшей ее сфере. Странно было слышать от этой важной и пышной великой княгини, так высоко державшей всегда знамя своего высокого положения, как она и сестра ее, принцесса Паулина (Нассауская)⁵⁰⁶, сами расправляли единственные белые платья, служившие им неизменно на воскресных вечерах М-г Cuvier, жившего тогда в скромном помещении Jardin des Plantes⁵⁰⁷. Она, как мне теперь представляется, хотела предохранить меня от одностороннего мистического развития. Между прочим, она говорила, что вообще надо остерегаться слишком большого поклонения aux Archevêques et Directeurs de Conscience⁵⁰⁸, прибавляя притом, улыбаясь: «C'est encore un subterfuge de la coquetterie féminine, car ce sont des hommes après tout!»⁵⁰⁹ Когда она уезжала за границу, то я писала ей, по ее приказанию, каждые две недели. Эдита Федоровна устраивала для меня маленькие вечера, на которые она приглашала попеременно своих друзей, чтобы познакомить меня с ними. Она всегда говорила, что ничто так не развивает молодой женский ум, как общение его с мужскими зрелыми умами. Таким путем я узнала К.П. Победоносцева, Ю.Ф. Самарина, К.Н. Кавелина⁵¹⁰, П.П. Семенова, Ф.М. Дмитриева, Б.Н. Чичерина и других. Со всеми ними я осталась в личных дружеских отношениях. Беседы их расширили мой кругозор и познакомили меня с вопросами внутренней политики. Все мои новые друзья были тогда молоды и в расцвете сил, и во всех их чувствовалась горячая любовь к родине, разумный серьезный патриотизм, чуждый слащавой маниловщины, и живое упование на блистательную будущность России. Я очень наслаждалась этими скромными, но одушевленными вечерами. Но, увы! Применение к жизни великодушных идей не осуществилось, как мы ожидали, в дружной работе всех классов на благо родины. Борьба вокруг них не стихала. С одной стороны, старый режим косился на начатые реформы, с другой, революционный элемент находил их недостаточными и забегал вперед, требуя большего и требуя его немедленно. Появилась обличительная литература, вдохновленная нигилистическим духом. От идей перешли к делам, и в один прекрасный день значительная часть Петербурга запылала зловещим пожаром⁵¹¹. Мнения расходятся касательно этого явления. Иные думают, что это был результат простой случайности. Мне же представляется, что если даже первая искра была случайная, она была подхвачена революцией и явилась как взрыв не изведанной еще, но грозной стихийной силы. К начинающемуся еще нигилистическому движению примешалось польское сепаратистическое брожение. Когда Государь прибыл в Варшаву, он был встречен просьбами о перемене отношений к Польше. Не предпринимая ничего, Государь остановил их слишком пылкие желания словами: «Pas de rêves, messieurs, pas de rêves!»⁵¹² Несмотря на то, общее либеральное веяние, охватившее Россию, сообщилось полякам, и они присоединились к русским нигилистам в общем движении против порядка. Начались аресты, цензурные запрещения и проч., и консервативная партия торжествовала, указывая на правильность своих предупреждений.

Великая княгиня Елена Павловна была грустно поражена таким результатом своих великодушных намерений и возбуждением против нее в обществе. Думаю, что под влиянием своих разочарований она, будучи осенью в Женеве, говорила Навилю, известному женеvскому фило-

⁵⁰⁶ Принцесса П. Нассау-Вайльбург.

⁵⁰⁷ Ботанического сада (фр.).

⁵⁰⁸ архиереям и духовным отцам (фр.).

⁵⁰⁹ «Это еще одна уловка женского кокетства, поскольку они – все-таки мужчины» (фр.).

⁵¹⁰ Ошибка; правильно К.Д. Кавелин.

⁵¹¹ 28 и 29 мая 1862 г. в Петербурге был сильный пожар, когда сгорело около 6000 лавок и домов на Садовой улице, пострадали Апраксин двор и здание Министерства внутренних дел.

⁵¹² «Без мечтаний, господа, без мечтаний!» (фр.). Вариант этой ставшей широко известной фразы приводит в своих воспоминаниях Д.А. Милютин: «В 1857 году, при съезде в Варшаве трех монархов все обошлось вполне благополучно; оказанный им прием казался даже сочувственным; но знаменитая фраза в речи императора Александра II “pas de rêveries” была как бы ушатом холодной воды, вылитой на горячие головы польских передовых людей» (Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина 1860—1862. М., 1999. С. 47).

софу и ученому, о своем утомлении и желании оставить политическую жизнь и замкнуться в семейные интересы. Об этих разговорах я слышала от Навиля самого, и он также передавал мне о своем совете продолжать обширную деятельность, которая была ее призванием. Думаю также, что мысль об отстранении себя от дел была также навеяна неожиданной встречей, происшедшей с ней в Женеве. Оказалось, что в той же гостинице, где она остановилась, находилась m-me André, рожденная Вальтер, та самая племянница Кювье, которая была ее первой подругой в молодости и которую она с тех пор не видала. Пути их разъединились в самые противоположные стороны. Принцесса Виртембергская, переселившись в Россию, как супруга великого князя Михаила Павловича, испытала все, что жизнь может дать в смысле земного величия. M-lle Вальтер, очень красивая, вышла замуж за банкира m-r André, владеющего миллионным богатством, и в своей сфере имела некоторую долю значения. Но еще в очень молодых годах она отказалась от света, чтобы посвятить себя всецело служению Христу, как то указывала ей ее глубокая христианская вера. Она создала много полезных учреждений в Париже и в Версале и была душой религиозных миссий в Италии и Франции. Она имела огромное личное влияние, так как владела даром красноречия и убежденным словом, а главное, согласовала свою жизнь со своими принципами. Она считалась в роде *mère de l'Eglise*⁵¹³ в евангелических кружках. Более пятидесяти лет подруги не видались, и вот им пришлось сводить итоги проведенных жизней. Великая княгиня была поглощена разговорами с m-me André. Думаю, что ее оскорбленная душа нашла облегчение в той сфере, куда ее вводили эти беседы. Уезжая из Женевы, она пожелала взять с собой чтицу, которая поддерживала бы ее в этом направлении. Выбор пал на m-lle Guldin, которую она и привезла в Россию. Но пришлось великой княгине мало воспользоваться ее услугами. Многосторонняя кипучая петербургская жизнь с ее разнородными интересами охватила ее снова, и строгая Guldin с удивленными глазами и угловатыми движениями являлась среди шумной и пестрой жизни Михайловского дворца, не умея принимать в ней участия.

Предшествующее лето мы провели все, по обыкновению, в Ораниенбауме. У великой княгини Елены Павловны гостил, между прочими, известный архимандрит Порфирий Успенский, один из первых ученых знатоков Востока. Его многотомные труды составляют клад для изучения восточных церквей, в том числе арабских и коптских, и никто лучше его не был бы в состоянии поддержать связь с ними и нашей церковью и завоевать для России преобладающее положение в Иерусалиме. Оттого он стремился туда всеми силами своей души, и великая княгиня вместе с Татьяной Борисовной Потемкиной усиленно просили назначения его начальником нашей миссии. Но, как всегда бывает, около выдающихся людей зависть и сплетни свивают свои недостойные интриги. Вместо первоклассного ученого и высокообразованного человека назначили удобного невежественного монаха⁵¹⁴, и влияние наше на Востоке утратилось и на этом поприще. Порфирий часто приходил к моей матери, и я слышала его умные беседы. С нашим семейством связь его была давняя, так как он состоял при посольской церкви в Вене во время нашего пребывания в этой столице, и мой брат, родившийся там, был единственным младенцем, которого он крестил в своей жизни. Он так боялся держать новорожденного ребенка в своих руках, что не решался погрузить его в купель, а облил его прежде иорданской водой, нарочно привезенной моей матери маршалом Мармоном, совершившим путешествие к Святым местам.

Для подания помощи потерпевшим от пожара⁵¹⁵ был устроен комитет. Екатерина Васильевна Потапова была назначена председательницей его. Она часто приезжала к Ораниенбауму,

⁵¹³ матерью церкви (*фр.*).

⁵¹⁴ Назначению Порфирия Успенского препятствовал канцлер Горчаков. По инициативе Министерства иностранных дел начальником миссии в 1858 г. был избран инспектор и профессор Петербургской духовной академии, доктор богословия, архимандрит Кирилл (в миру В.Н. Наумов), рукоположенный во епископа Мелитопольского.

⁵¹⁵ Речь идет о пожаре 1862 г.

где интересовались ее деятельностью. Муж ее, Александр Львович, также был приглашен. С ним говорили, особенно о польском вопросе, который он хорошо знал по своей прежней службе в Варшаве. Брожение было большое. Растерявшийся князь Горчаков умер. После него был назначен граф Ламберт с миссией вести умиротворительную политику, но, к несчастью, он также вскоре скончался, и одновременно застрелился военный начальник генерал Герценцвейг⁵¹⁶. Эти три события произвели сильное впечатление, особенно самоубийство Герценцвейга, по своей загадочности; полагают, что оно было следствием американской дуэли, при которой один из соперников обязывается лишить себя жизни, если жребий упадет на него. Пока власть бездействовала, революция организовалась, и тайное правительство приобретало более влияния, чем официальное. Крайняя партия надеялась на успех вооруженного восстания, опираясь на вновь ознаменовавшее себя революционное движение в России и на симпатии Франции, на которую они рассчитывали для активной поддержки. Они мечтали не только о восстановлении Царства Польского, но о присоединении к нему всего Западного края с Киевской губернией до Черного моря, и уже издавались географические карты с таким распределением земель. Другая партия, более благоразумная, с маркизом Велепольским во главе, желая воротить Польшу к положению до 30-го года, просила наместником великого князя Константина Николаевича. Эта комбинация была принята, и великокняжеская чета выехала на свое вице-царство в августе месяце. Но на другой день после приезда их в Варшаву, в первый же выезд великого князя, он сделался жертвой покушения, от которого получил легкую рану в предплечье⁵¹⁷. Ярошинский был повешен, но политика любезностей продолжалась, хотя настоящий пример лишний раз доказал, что уступчивость во время беспорядков ведет к усилению, а не к укрощению их. Это наконец понял маркиз Велепольский, когда, истощив все умиротворяющие меры, он посоветовал забрать разом под видом рекрутского набора всех намеченных революционеров. Это произошло 11 января 1863 года, и с тех пор началась открытая боевая революция. В Вильне Муравьев действовал решительнее, и как ни круты или даже жестоки были его меры, но волнение было подавлено скорее и стоило меньше жизней. Помощь, которую поляки ждали от Европы, выразилась в надменных нотах, препровожденных нашему правительству от лица всех держав, предъявлявших свои требования к России касательно Польши. Национальное патриотическое чувство не было еще тогда утрачено в нашем обществе, подобно тому, как мы с недоумением видели это во время Японской войны, когда русские люди радовались поражениям России. До такого позора не дошли враги правительства, и под влиянием горячих статей Каткова все стали, как один человек, готовые отстоять цельность государства и поддержать его честь. Блестящие ответные ноты князя Горчакова нашли отголосок в сердцах всех сынов России, и, конечно, твердая сплоченность нации, готовой дать отпор всяким внешним посягательствам, остановила дальнейшее вмешательство в наши дела, ограничив его этими безрезультатными протестами.

8 сентября [1862 г.] Государь и все наличные члены царской фамилии открывали в Новгороде памятник тысячелетия России. Наши великие княгини были в то время за границей, а мы в деревне. Там я получила письмо от Марии Максимилиановны, описывающей это торжество и энтузиазм всего народа, прибавляя к тому: «De tels moments donnent du courage à notre bien-aimé Empereur!»⁵¹⁸ Выдающимся событием следующей зимы (63-го года) была для

⁵¹⁶ В октябре 1861 г. во время беспорядков в Варшаве наместник Царства Польского граф К.К. Ламберт ввел осадное положение. После столкновения с генерал-губернатором Варшавы А.Д. Герштенцвейгом, произошедшего из-за конфликта по поводу разграничения полномочий, Ламберт вызвал его на дуэль. Чтобы избежать наказания, поскольку поединок между высокопоставленными должностными лицами вызвал бы сильное недовольство правительства, Герштенцвейг и Ламберт выбрали «американскую дуэль», то есть самоубийство вытянувшего неблагоприятный жребий. В результате Герштенцвейг застрелился. Ламберт скончался от туберкулеза не одновременно с ним, а через четыре года, в 1865 г.

⁵¹⁷ Речь идет о покушении представителя радикального крыла польского национально-освободительного движения Людвиг Ярошинского на жизнь наместника Царства Польского великого князя Константина Николаевича 4 июля 1862 г.

⁵¹⁸ «Такие минуты придают мужество нашему возлюбленному Императору» (*фр.*).

меня свадьба Марии Максимилиановны с принцем Вильгельмом Баденским. Мы были с ней очень дружны. Сколько приятных дней и вечеров мы провели вместе в Мариинском дворце или на Сергиевской даче. Мы приезжали туда почти каждый день, тем более что мой отец жил там часто, занимая красивый отдельный домик в парке. Устраивались большие катанья в разных экипажах с участием обитателей всех прибрежных дворцов, оканчивающиеся чаепитиями в том или другом из павильонов. Кроме того, мы искренне по-дружески обменивались мыслями на почве культуры и общих идей. Иногда мы вместе занимались, читали Шекспира под руководством м-г Shaw, умного английского профессора, знатока своего дела. Одним словом, жизнь наша переплеталась многими нитями, и разрыв их вследствие переселения принцессы в Германию имел свою грустную сторону. Мы давно были посвящены в желания ее сердца касательно этого брака, на который великая княгиня сначала не давала своего согласия, и потому были свидетельницей ее радости, когда согласие это было даровано, и она была объявлена невестой. Конечно, озарение первых дней не обуславливает еще бесконечного счастья всей последующей жизни. Она так сильно любила Россию, что одна разлука с родиной должна была быть для нее незаменимым лишением. Когда много лет спустя я посетила ее в Карлсруэ, то она показала мне шкатулку, наполненную русской землей, которая стояла в ее образной посреди икон.

Свадьба происходила в конце января [1863 г.], вечером, в Зимнем дворце. Мы были в числе ее *bride's maids*⁵¹⁹. Всех нас было шесть, вот они: не считая нас, Евгения Максимилиановна, княжна Мария Элимовна Мещерская, графиня Мария Егоровна Толстая (впоследствии Орлова-Давыдова) и графиня Мария Борисовна Перовская. Все мы были одеты в одинаковые платья из белого тарлатана⁵²⁰ с воланами и белыми широкими кушаками и с гирляндами из белых *liserons*⁵²¹ с зеленью и выступали попарно сейчас же за царской фамилией. До начала шествия мы находились в комнатах Императрицы Марии Александровны со всеми членами императорской семьи и окружали Марию Максимилиановну, подавая шпильки, пока ей накалывали ее кружевной вуаль за парадным туалетом. Пребывание в Ораниенбауме началось рано, так как ему не предшествовала обычная остановка на Каменном острове, из-за ожидаемого великой княгиней рождения ребенка, оказавшегося принцем Михаилом Георгиевичем⁵²². По поводу наречения ему имени вышла размолвка между великой княгиней Еленой Павловной и ее зятем. Великая княгиня настаивала, чтобы новорожденный носил имя своего деда, покойного великого князя, а герцог желал назвать его Карлом по имени своего дяди. Размолвка вышла довольно серьезная, так как герцог не желал уступить – помирились на соединении обоих имен, и его называли Charles-Michel, но обостренные отношения продолжались еще некоторое время, и другие дворы принимали участие во взаимных пререканиях.

Постоянное общество Китайского дворца увеличилось еще с прошлого лета появлением новой фрейлины Екатерины Петровны Голохвастовой, племянницы княжны Львовой, красивой, разумной, давно знакомой уже Михайловскому дворцу. В это же лето были приглашены Зубовы. Они только что приехали из-за Урала, где провели последние два года. После блестящего для Марии Николаевны 60-го года, когда она дебютировала с таким выдающимся успехом, они должны были оставить Петербург, так как родители обоих, оба очень состоятельные⁵²³, почему-то отказались покрыть незначительные сверхсметные расходы, которые они принуждены были сделать для первоначального своего обзаведения. В силу этого непонятного упрямства он принужден был оставить Кавалергардский полк и академию, в которую он только

⁵¹⁹ подружек невесты (*англ.*).

⁵²⁰ Тарлатан – легкая прозрачная хлопчатобумажная или полушелковая ткань, из которой шили женские платья в XIX в.

⁵²¹ цветов повилики (*фр.*).

⁵²² Герцог Карл-Михаил Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий.

⁵²³ Отец графа А.А. Зубова – граф А.Н. Зубов, отец графини М.Н. Зубовой – Н.А. Кокошкин.

что блистательно поступил, а она – отказаться от среды, в которой она успела завоевать столько симпатий. Зубов принял место мирового посредника в далеких пермских пустынях, где у отца его было большое имение, и вот жена его, избалованная дитя юга, оказалась переброшенной в дикий край, куда можно было добраться только после многодневного путешествия, где пристанищем для нее служил деревянный флигелек, лишенный всякого комфорта, не говоря уже об эстетике, и где, к довершению всего, она проводила долгие дни в полном одиночестве, так как огромные расстояния края принуждали ее мужа почти к постоянному пребыванию в тарантасе. У нее уже была маленькая девочка⁵²⁴, и ожидалась вторая. Самой же ей только что минуло двадцать лет. Единственным живым существом около нее была старая французская няня ее Rose, воспитавшая ее и окружавшая маленькую Аду теми же заботами. Она, живая, общительная, привыкшая к веселой неаполитанской природе и ее жизнерадостным жителям, была охвачена невыразимой тоской в этом суровом безмолвном крае и, глядя на серые озера Сибири, вспоминала о лазурном побережье своей родной страны и со слезами на глазах пела дивным голосом свою милую Santa Lucia⁵²⁵. Зимой она провела в Екатеринбурге, так как домик в деревне был крайне холодный, там родилась вторая дочь ее Stella (Мария)⁵²⁶, и она разом завоевала сердца всех обитателей. Мария Николаевна была настоящей царицей этого провинциального города, жители которого остались ей преданными на всю жизнь и не прерывали с ней отношений, несмотря на то, что она уже никогда не возвращалась в Пермскую губернию. В Ораниенбауме мы обрели ее по-прежнему блистательной, полной ума, жизни, юмора, пения, веселья, но слышна была в ее смехе нота надорванных ее нервов. Она часто приходила к моей матери, прося совета, как устроить свою будущность. От полка Зубов был оторван, а в Куяш они не были в силах зарыться снова. Ему всего было 26 лет, и он искал себе дела. Ко всем комбинациям примешивались денежные соображения. Все это она рассказывала со слезами, вперемешку с неожиданными комическими выходками, в образных выражениях, с пылкостью южной натуры и доверием ребенка, ищущего опоры. Везде она была душой общества. Ее бабушка была знаменитая певица Каталани, вышедшая замуж за французского графа Valabrègue. Она унаследовала от нее чудный голос и музыкальный слух, и пение ее, легкое, мелодичное, непосредственное, было истинным наслаждением для слушателей.

Граф Фредро по-прежнему был частым посетителем Ораниенбаума, равно как и Сергиевской дачи, где он одинаково был оценен, блестящий, как всегда, хотя политические события Польши отражались на его настроении. Он читал нам иногда свои красивые стихи, между ними было комическое обозрение Петербургского общества от лиц якобы двух vieux célibataires, Zips et Perdreau⁵²⁷ (его друг, музыкант Леви, и он). Zips написал на них музыку. Коснувшись Зимнего дворца, он так характеризует его обитателей:

Demoiselles d'honneur aimables perce-neiges
Des frimas de la Cour, Vestales des Palais
Qui voilez votre rite aux regards sacrilèges
En attisant vos feux par des romans anglais,
Mélange superfin de nonne et bayadère,
Par vos discours béats, par vos propos légers,
En assiégeant les coeurs des Grands de cette terre

⁵²⁴ Графиня Александра Алексеевна Зубова (Ада).

⁵²⁵ Святая Лючия (*ит.*). Название живописного места на побережье Неаполитанского залива, о котором поется в народной неаполитанской песне, записанной в середине XIX в. собирателем песен и издателем Теодоро Коттрау.

⁵²⁶ Графиня М.А. Зубова. Всего у графини М.Н. Зубовой было три дочери: Александра, Мария и Екатерина.

⁵²⁷ Двух старых холостяков, Зипса и Пердро (*фр.*). Под именем Пердро граф Фредро был изображен в романе Б. Маркевича «Перелом».

Vos coeurs aussi par eux sont souvent assiégés⁵²⁸, и проч.

Одним из постоянных посетителей Ораниенбаума был дипломат Еверс, бывший посланник, не помню, при каком дворе, а тогда занимавший высокий пост в Министерстве иностранных дел и очень приближенный к князю Горчакову. Он был очень приятен и остроумен и прекрасно осведомлен обо всем, что касается нашей международной политики. В другом роде был князь Сергей Николаевич Урусов, приезжавший также при первом своем досуге. Не касаясь его значения как государственного человека, скажу только, что он очень оживлял наше общество: был разговорчив, юмористичен, прекрасно читал нам вслух Гоголя, и его гибкий ум отличался в любимой нашей игре *secrétaire*. Жаль, что столько перл остроумия пропало, но герцог неумолимо уничтожал, по прочтении, все анонимные билетки, авторы которых принадлежали иногда к разряду самых блестящих современных умов, как то: князя Горчакова, князя Вяземского и португальского посла графа Мойра (женившегося на русской графине Апраксиной) и многих других. Великая княгиня Мария Николаевна также принимала участие в этой игре. Вообще, мы очень часто виделись с обитателями Сергиевского. Наша дружба с Марией Максимилиановной перешла к милой сестре ее. Иногда Евгения Максимилиановна приезжала к нам утром, и мы вместе рисовали пейзажи около живописного места в парке близ дома Петра III⁵²⁹. Мы с трудом ограждались от массы комаров, жужжащих вокруг нас и кусавших нас немилосердно. У них мы бывали большей частью вечером.

Раз мы приехали под присмотром графини Толстой на целый день в Гостилицу. Нам было, как всегда у доброй тети, приятно. Гуляя вдвоем по парку, мы вошли в грот с холодным родником. К одной стенке скалы была приделана икона с лампадкой, и перед ней горячо молился человек. Когда мы взошли, он поклонился нам, и мы с ним заговорили. Оказалось, что его зовут Маньковым⁵³⁰, что он купец и что приехал хлопотать о поддержании православной миссии в Алтайском округе. По его словам, калмыки, кроткие по природе, с радостью принимают учение Христово, и из калмычек уже устроилась в Улале община сестер милосердия для распространения христианства примером христианской добродетели. Теперь необходимо было устроить пункт миссионеров с широкой материальной поддержкой и соорудить походную церковь при вновь устроенной общине. Для достижения этой цели он прибыл в Петербург и, как все нуждающиеся, нашел пристанище у Татьяны Борисовны. Об его заветном желании он и молился так горячо, когда мы вошли в грот. Появление наше показалось ему ответом на его молитву, в уповании, что мы посланы в помощь ему. Мы были очень заинтересованы его рассказами, и восторгу его не было предела, когда он узнал, что одна из трех девиц, уже так обрадовавших его одним своим появлением, была родная племянница Государя. Действительно, мысль его получила свое осуществление: был послан начальником миссии преосвященный Владимир. Татьяна Борисовна была душой этого дела, и в ее доме собирались комитеты. Мы также содействовали, как могли. Между прочим, образа иконостаса для Улалинской церкви были написаны масляными красками кружком девиц, в котором я участвовала. Мы собирались для этого у графини Марии Владимировны Орловой-Давыдовой. Мое личное участие выразилось в исполнении двух больших образов для боковых дверей иконостаса: архангела Михаила и первого мученика Стефана. Много лет спустя я встретила после турецкой войны в одном из военных госпиталей раненого солдата из Барнаула. Мы разговорились с ним

⁵²⁸ Милые фрейлины, подснежники придворной стужи, дворцовые весталки, вы скрываете под покрывалом ваши обряды от кощунственных взглядов, разжигая свой огонь английскими романами. Тончайшее сочетание монахини и баядерки, своими сладкими речами, своими легкомысленными словами вы осаждаете сердца сильных мира сего, но порою и ваши сердца тоже ими осаждены (*фр.*).

⁵²⁹ Имеется в виду небольшой по размеру дворец Петра III, построенный в Ораниенбауме по проекту архитектора Ринальди в 1756—1762 гг.

⁵³⁰ Речь идет о А.Г. Малькове.

о его родине, и он сказал мне, что хорошо помнит наш походный иконостас, продолжающий служить миссионерским целям. Меня это очень обрадовало.

Осенью мы принимали молодого Короля греческого Георга, сына датского Короля Христиана VIII⁵³¹, только что избранного греческим Королем вследствие непроизвольного отречения Короля Оттона. Его первый визит был в Россию, где он принят был Государем со всеми почестями, подобающими его высокому новому сану. Ему было только 16 лет, и до тех пор он воспитывался в Морском училище⁵³², ничем не отличаясь от своих товарищей. В Ораниенбауме в честь его был парадный обед, а вечером были танцы. В его свите было несколько умных людей – я получила впечатление, что политическое положение в Греции было далеко не спокойное и что понадобится много такта молодому Королю, чтобы лавировать между столь обостренными отношениями партий.

Около 20 сентября мы уехали наконец в деревню, где стали вместе с сестрой устраивать небольшие школы грамотности в каждой деревне, причем учителями были наши же прежние ученики, обучавшиеся в усадьбе. Но пребывание наше в деревне внезапно сократилось. Мама получила известие об опасном состоянии здоровья бабушки и сейчас же уехала в Петербург, а мы последовали за ней через несколько дней в сопровождении Goussette. Бедную бабушку мы нашли в безнадежном состоянии по слабости, однако в полном сознании. Она даже не ложилась в постель, но скончалась, как она жила, без самопослабления и в спокойном величии непоколебимой веры и покорности воле Божией. День смерти ее был 12 октября. По странной случайности, в то же число, но 13 лет тому назад умер мой дед князь Борис Алексеевич Куракин, с которым она прервала всякие отношения при жизни, а в то же число 12 октября умерла теща его, другая княгиня Анна Александровна Голицына, которая также была непримирима с ним. Может быть, такое совпадение не имеет значения. Может быть, это доказательство того, что в другом мире временные обиды исчезают и что там, в светлой атмосфере всепрощения и любви, забудутся те тени, которые омрачали отношения людей между собой. Смерть бабушки была крупным событием в нашей жизни, так как она занимала в ней значительное место. Она давно уже оставила двор и свет и нелицемерно любила сравнительное свое уединение, окруженная родными и друзьями, много читая и следя за современными событиями, о которых судила с удивительно ясной проницательностью. В другом очерке я написала о ней несколько слов⁵³³. Позволяю себе переписать часть их здесь, так как все, что я могла бы сказать о ней, было бы пересказом уже раз сказанного.

«Княгиня Анна Александровна была дочь фельдмаршала князя Прозоровского и княгини Анны Михайловны, рожденной княжны Волконской, статс-дамы и гофмейстерины при вдовствующей Императрице Марии Федоровне, супруге Павла I. Живя со своей матерью, она была вместе с тем свитной фрейлиною Императрицы и сохранила до конца своей жизни благоговейное воспоминание об этой Государыне. Воспитанная в школе ее, она приобрела привычку к строгому порядку в жизни, к постоянному труду и, вопреки обычаям изнеженного тогдашнего общества, к ходьбе во всякую погоду, к открытым окнам и даже к сквознякам. Характер у нее был благородный и независимый, и Королева Нидерландская⁵³⁴ писала о ней, узнав о ее смерти: “J’ai beaucoup connu la princesse Golitzine, née p-sse Prozorovsky, dans ma jeunesse. C’était une personne aussi noble de naissance que de caractère”⁵³⁵. Выйдя замуж за князя Федора Сергеевича Голицына, она принесла ему громадное состояние, так как оба князя Вол-

⁵³¹ Ошибка; правильно – Христиана IX.

⁵³² Морской кадетский корпус был переименован в Морское училище только в 1867 г.

⁵³³ Разыскать этот очерк не удалось.

⁵³⁴ Имеется в виду Анна Павловна (дочь императора Павла I), королева Нидерландов.

⁵³⁵ «В юности я хорошо знала княгиню Голицыну, урожденную княжну Прозоровскую. Это была личность благородная как по рождению, так и по характеру» (*фр.*).

конские⁵³⁶, братья ее матери, скончались бездетными, и все состояние перешло к ней. Князь Федор Сергеевич любил роскошную светскую жизнь. Дом их (теперешнее французское посольство на Французской набережной) был одним из самых блестящих того времени. Каждый вечер у них собирался цвет тогдашнего высшего общества, нередко бывали приезжие иностранные принцы и члены царской фамилии, отношения с которыми были установлены целым рядом поколений. Княгиня не любила светской жизни, предпочитая чтение серьезных книг и занятия с детьми, но в угоду мужу и в силу чувства долга, краеугольного камня ее жизни, она принимала участие во всех собраниях, где блистала своим умом. Летом они уезжали в саратовское имение Зубриловку всем домом со всеми чадами и домочадцами. Детей было семь человек (кроме того, двое умерло в раннем возрасте), и в нескончаемом караване такого переселения народов был, между прочим, целый дилижанс с учителями. В Зубриловке был основан матерью князя, княгиней Варварой Васильевной (племянница князя Потемкина) на собственные средства институт для девиц, с целью воспитывать дочерей местных дворян. Этот институт пользовался покровительством Императрицы Марии Федоровны, и она имела в нем своих стипендиаток. В Зубриловке часто гостил Иван Андреевич Крылов. Он сочинял для детей пьесы, которые они разыгрывали. Однако, как ни велико было состояние Голицыных, огромные расходы и страсть владельца к покупкам и променам в конце концов сильно расстроили их дела. Граф Рибопьер говорил: “Mon cousin Théodore a la passion du troc; il troque une terre contre une maison, une maison, contre une voiture, une voiture contre une tabatière”⁵³⁷, так что, в результате, у него оказывалась табакерка. Эта шутка метко характеризует способ ведения им дел. В цвете лет он умер после краткой болезни, оставив молодой вдове, убитой горем, восемь миллионов долга. Положение княгини было тяжело. Трудно было ей, никогда не занимавшейся делами и имевшей всегда почти неограниченные средства, встретить грозящее разорение. Дом в Петербурге, дача в Царском Селе (ныне графини Елизаветы Владимировны Шуваловой), картинная галерея, бриллианты – все было продано, и княгиня уехала с детьми в Зубриловку, где прожила безвыездно пять лет. Эти годы, проведенные в деревне, были светлой эпохой в воспоминании детей. Живя в здоровой деревенской атмосфере, в прекрасном дворце, откуда они на лето переходили в так называемый китайский дом, они развивались и крепили здоровьем под строгой дисциплиной матери, которая систематически направляла их гигиену и занятия, предоставляя им большую свободу для игр и движений на воздухе. По переезде в Петербург после пятилетнего отсутствия строгий строй жизни продолжался. Старшие сыновья поступали на военную службу, моя мать разделяла жизнь бабушки. Каждое утро в восемь часов во всякую погоду они ходили гулять по набережной и пустым улицам Петербурга в сопровождении целой своры собак, которых бабушка очень любила, и при всех состоял карлик Иван Васильевич. Когда в дни церковных служб они являлись к обедне в 10½ часов к Татьяне Борисовне Потемкиной, то до этого времени они успевали обойти большую часть города. Занятия чередовались, заполняя весь день. Эта привычка к пунктуальности стала основанием характера моей матери, которая проводила эту черту и в нашем воспитании. Такова была моя бабушка, строгая и властная, но крепко любящая тех, которых она любила. Я чувствовала, что пользовалась ее особенным расположением и любила ее искренно. В обществе она была известна под названием “la Princesse Théodore”»⁵³⁸.

Из-за нашего траура мы в этот сезон не выезжали. Великая княгиня Елена Павловна, возвратившаяся из-за границы, привезла с собой свою племянницу, принцессу Елизавету Видскую⁵³⁹, которая пробыла всю зиму в Михайловском дворце. M-lle Guldin нашла наконец при-

⁵³⁶ Князья Л.М. и П.М. Волконские.

⁵³⁷ «У моего кузена Федора страсть обмениваться: он меняет землю на дом, дом – на карету, карету – на табакерку» (*фр.*).

⁵³⁸ Княгиня Феодора (*фр.*). Это не только означало, что она жена князя Федора, но и содержало намек на властолюбивую византийскую императрицу Феодору – жену императора Юстиниана.

⁵³⁹ Принцесса Елизавета Вид-Нейвидская.

менение себя к делу, так как была назначена, чтобы состоять при ней и сопровождать ее при выездах и прогулках. Великая княгиня желала предоставить принцессе развлечения светской жизни, но из-за грустной причины не удалось этого исполнить, так как вскоре после приезда в Петербург принцесса получила известие о смерти отца своего⁵⁴⁰ и, вследствие полученного потрясения, заболела сама. Мы ее уже до этого печального случая знали, так как великая княгиня познакомила нас с ней с первых же дней после приезда, и ее глубокий траур составлял новую связь с нами. Она была умна, культурна, интересовалась всем, легко восторгалась, имела вдумчивое направление ума вследствие серьезной жизни, которую она вела дома среди заботливой матери⁵⁴¹ и болезненного отца. Говорила она также с большой нежностью о младшем брате ее⁵⁴² и о дружбе своей с принцессой Алисой Английской, впоследствии великой герцогиней Гессенской – матерью нашей Императрицы Александры Федоровны. Она любила литературу и сама хорошо и легко писала, и впоследствии завоевала себе почетное место на этом поприще под псевдонимом *Carmen Sylva*⁵⁴³. Мы сразу нашли с ней много точек прикосновения и искренно подружились. Ежедневно мы собирались для чтения Шекспира с ней и с двумя принцессами: Евгенией Максимилиановной и Екатериной Петровной Ольденбургской. Собрания происходили попеременно у одной из трех принцесс, каждая из нас имела перед собой свой экземпляр Шекспира и читала свою роль. Принцесса Елизавета с особенным оживлением и выражением представляла избранное ею лицо. Иногда была музыка, даже два раза сам Рубинштейн играл, иногда *in-me Volnys* великолепно читала нам драматические произведения французских авторов. Ее чтение можно было назвать представлением, столько драматизма и жизни она в него влила. Нередко Эдита Федоровна звала принцессу и меня к себе, мы втроем читали и обменивались мыслями по поводу читанного, касаясь потом многих вопросов. Она была нашим ментором. Много, что принцесса видела в Петербурге, под умным руководством ее она старалась впоследствии применить в своем отечестве, когда сделалась Королевой румынской, и до самой смерти баронессы не переставала быть с ней в мысленном общении и в довольно частой переписке. Я же более не встречалась с ней, но получала несколько раз приветствие ее через румынских посланников или случайных общих знакомых.

В этом году⁵⁴⁴ состоялось первое брачное торжество в нашей семье. Мой двоюродный брат Анатолий, младший из всех, поразил своих родителей и нас, объявив о своем намерении жениться на княжне Елизавете Михайловне Волконской. Ему было только 19 лет, и нам трудно было считать его за серьезного человека. Выбор его был, впрочем, прекрасный. Нужно сказать, что родители невесты давно разъехались, и потому, окончив институт, она временно находилась у родного своего дяди (брата матери) князя Паскевича. 29 апреля эта детская идиллия увенчалась бракосочетанием в церкви Татьяны Борисовны, и продолжение жизни их было только развитием их счастья. Мы уехали в Степановское после свадьбы и той же весной присутствовали при освящении нашей домово́й церкви, устроенной летом отцом в память моего покойного брата Бориса. Это событие произошло в Духов день при большом торжестве, вели-

⁵⁴⁰ Князь Герман Вид-Нейвидский.

⁵⁴¹ Княгиня Мария Вид-Нейвидская.

⁵⁴² Принц Отто Вид-Нейвидский.

⁵⁴³ Лесная Песнь (*лат.*). О происхождении своего псевдонима Елизавета Румынская рассказала в сказке «Дитя леса»: «Я стала искать имя, под которым могла спрятаться так, чтобы никто никогда не смог заподозрить, кто я на самом деле. Однажды утром я сказала доктору: “Мне нужно очень красивое поэтическое имя, под которым я могла бы печататься, а поскольку я живу в Румынии, а румынский язык происходит от латинского, это должно быть латинское имя. И чтобы в произношении имени было что-то от страны, откуда я происхожу. Как произносится слово «лес» по-латыни?” – “Лес называется Сильва”. – “Чудесно! А как произносится «птица»? ” – “Авис”. – “Мне не нравится. Это некрасиво. А как называется короткая поэма или песня?” – “По-латыни Кармен”. Я захлопала в ладоши. “У меня есть имя! По-немецки я – Вальгезанг, песня лесов, и по-латыни *Carmen Sylva* (песня лесов). Но «лесов» не звучит как настоящее имя, поэтому мы должны преобразовать его, и я буду называться Кармен Сильва”» (*Carmen Sylva. A Child of the Forest // The Sunday Strand. L., 1901. Vol. IV. P. 297—303*).

⁵⁴⁴ Речь идет о 1864 г.

колепной погоде, огромном стечении народа и в присутствии нескольких официальных лиц. Церковь во имя Святых князей Бориса и Глеба вся посвящена воспоминаниям о моем брате, и вместе с тем для меня она служит живым памятником о моем отце, по мысли и по указаниям которого все, до малейших подробностей, было исполнено. До сих пор совершаются постоянные службы в ней во время нашего пребывания там, и этот уголок обширного дома соединяет всю усадьбу и нередко ближайших крестьян в молитвенное общение с нами. Мне отраднo, когда я вижу бывших учеников, возвращающихся с отхожих заработков, спешащих в наш храм, чтобы присоединиться к хору, в котором они участвовали в детские годы. Долго ли еще придется нам жить в таких мирных и взаимно благожелательных отношениях с окружающим нас народом?

В это лето было знаменательное по своим последствиям первое официальное посольство, отправленное Японией к европейским дворам. Дух преобразовательных реформ коснулся этой страны, и партия, поддерживающая их, стала настолько сильна, что микадо⁵⁴⁵ решился завязать сношения с Европой для изучения ее государств и учреждений. Первое посещение было в Россию, где оно сопровождалось большим торжеством. По поводу приема послов был назначен большой выход в Зимний дворец. Согласно полученной повестке, мы поехали туда из Ораниенбаума. Государь с Императрицей стояли у трона, вблизи от них помещались особы царской фамилии, а потом и мы в обычном порядке придворных чинов. Когда желтенькие человечки, одетые в свои японские шелковые балахоны, выползли из боковой двери и, согнувшись в три погибели, стали пред лицом белого царя, мы на них смотрели с снисходительным любопытством. Один из них вынул длиннейший сверток бумаги и, ради вящего благоговения, стал шепотом читать, что оказалось приветствием микадо к нашему Государю. Чтение продолжалось так долго, и в глубокой тишине шепот шипел так комично, что вся зала с трудом оставалась в надлежащей серьезности – даже по лицам их величеств пробежала неудержимая улыбка. Я присутствовала при этом событии в 1864 году, и вот, ровно сорок лет спустя, имела несчастье видеть гигантское развитие этой скромной посадки первого зернышка европейской культуры и быть свидетельницей той ужасной силы, которую эта азиатская страна успела собрать за это время и обратить против нас. А мы переживали только первое действие страшной драмы, которая готовилась разыгаться в более или менее близком будущем. Наши дети будут призваны принять в ней участие. Чем разрешится эта борьба двух миров? Не хочу облечь в слова гнетущие меня опасения. Хочу надеяться и верить. Одно только, что способно более всего поколебать мою веру в жизненность России, это – то угашение духа, так заметное в последние годы, то постепенное исчезновение драгоценного сокровища, выведшего наш народ из всех бед его многострадальной истории, – веры в Бога и любви к родине. Эти два могучих рычага всякой плодотворной жизни уже утрачены современными руководителями судеб народных, и они работают с сатанинской ненавистью, чтобы вырвать их также из сердец масс.

В свете тогда блестели две звезды. Это были две фрейлины большого двора: княжна Мария Элимовна Мещерская и Александра Васильевна Жуковская. Мать последней уже умерла⁵⁴⁶, и в участии, которое было принято в судьбе дочери воспитателя Государя⁵⁴⁷, было забыто желание, высказанное им самим, даже просьба, чтобы дочь ее никогда не была бы взята ко двору. Действительно, особенно для нее, для некоторых сторон ее характера, придворная почва была исключительно опасна. Она не была особенно хороша собой, кроме очень красивых серых глаз, которым она придавала иногда вдумчивое и мечтательное выражение. Были у нее великолепные белокурые волосы и свежий цвет лица, черты же ее были скорее крупные, рот с выдающимися вперед белыми зубами. Туалеты ее были превосходны по вкусу и роскоши,

⁵⁴⁵ Микадо – древний титул императора Японии, в это время его носил Осахито, император Комэй.

⁵⁴⁶ Е.Е. Жуковская умерла в 1856 г.

⁵⁴⁷ Имеется в виду воспитатель Александра II – поэт В.А. Жуковский.

и она умела исправлять массой тюля и длинными буклями не совсем правильную линию ее стана. Она была умна, образованна, особенно сведуща в немецкой литературе, которую очень любила, умела применяться ко всякого рода собеседникам и пользовалась большим успехом у мужчин, не стесняясь никакой темой разговоров. Княжна Мещерская была необычайно красива, дивно сложена, довольно высокого роста, ее черные глаза, глубокие и страстные, придавали ее изящному лицу из ряда вон выходящую прелесть. Звук голоса ее был мелодичен, и на всем существе ее наложена печать какого-то загадочно-сдержанного грустного чувства, очень обворожительного. Обе эти девицы жили в том же коридоре Зимнего дворца и были очень дружны между собой, деля успехи на арене большого света, и являлись везде выдающимися светилами. Молодые великие князья не оставались равнодушными к их чарам и на всех балах много с ними танцевали. Так было, между прочим, на великолепном костюмированном балу, данном княгиней Кочубей в ее дворце, купленном с тех пор великим князем Сергеем Александровичем⁵⁴⁸. Этот праздник в роскошных залах Белосельского дома мог поистине сравниться с самыми великолепными царскими приемами. Вся императорская фамилия на нем присутствовала. Marie Мещерская была облечена в прекрасный восточный костюм, весь белый с золотом, как нельзя лучше пригнанный к типу ее красоты и немного смуглому цвету ее плеч. На нее можно было заглядеться, она была движущаяся картина. Саша Жуковская была в группе девиц, привезенных на бал великой княгиней Марией Николаевной. Между ними Катя Мещерская (ныне графиня Клейнмихель), высокая, эффектная, с роскошными волнистыми распущенными золотистыми волосами, украшенными диадемой бриллиантовых лучей, изображала солнце, Евгения Максимилиановна – луну, Саша Жуковская – *l'étoile du matin*⁵⁴⁹ (вся в розовом тюле) и Мери Перовская – комету. Сама же великая княгиня, привезшая их, взяла на себя роль *сéruscule*⁵⁵⁰. Помню этот бал, в особенности потому, что он был последним моим девическим балом. Весной я была объявлена невестой.

Весной же предполагалось бракосочетание Цесаревича с датской принцессой Дагмарой. Помолвка уже состоялась, и все, что нам приходилось слышать о молодой принцессе, вселяло в нас симпатию к ней и радость о приобретении ее для России. К несчастью, здоровье жениха подавало причины для беспокойства. Он сильно переменялся и жаловался на боли в спине. Граф Сергей Григорьевич Строганов, его попечитель, твердый к себе и неумолимый к другим, не хотел признавать его больным и побуждал его к спартанскому пренебрежению своего недуга, – однако было решено, что наследник проведет зиму в Ницце, где также находилась Императрица. Увы, южный климат не приносил ожидаемой пользы молодому страдальцу. Состояние его все ухудшалось, все окружающие видели крайнюю опасность, в которой он находился, кроме графа Строганова, который не хотел ее видеть, и Императрицы, которой, по несчастному обычаю дворов, не докладывали правды, боясь причинить тяжелое впечатление. Та же система была принята по отношению к Государю. Постоянные известия, привозимые фельдъегерем, касались внешних колебаний в ходе болезни, не затрагивая сути состояния, которое было почти безнадежно. Однажды Государь, принимая фельдъегеря, спросил, между прочим, был ли наследник на каком-то торжестве. На этот вопрос последовал правдивый ответ, что он давно не выезжает, за что давший его получил выговор от своего начальства. Иллюзия доходила до того, что Государь сказал еще на пасхальной заутрени: «Думаю, что придется

⁵⁴⁸ В первоначальной редакции: «Обе эти девицы жили в том же коридоре Зимнего дворца, и молодые великие князья не оставались равнодушными к их чарам. Великий князь Александр Александрович, в особенности, был серьезно влюблен (фраза исправлена карандашом на “слегка ухаживал”. – Е.Д.) в княжну Мещерскую и все мазурки на всех балах танцевал исключительно (исправлено карандашом на “часто”. – Е.Д.) с нею. Так было, между прочим, на великолепном костюмированном балу, данном княгиней Кочубей в ее дворце, купленном с тех пор великим князем Сергеем Александровичем» (РГАДА. Ф. 1272. Оп. 4. Д. 3. (Корректурные листы книги Е.А. Нарышкиной «Мои воспоминания»). Л. 118).

⁵⁴⁹ утреннюю звезду (*фр.*).

⁵⁵⁰ сумерек (*фр.*).

отложить свадьбу Ники до августа, так как он все еще не совсем поправился». А на другой же день получилась телеграмма с роковым известием об его отчаянном положении и о необходимости немедленного выезда, чтобы застать его еще в живых. Такая же телеграмма была послана в Копенгаген, и юная невеста, так горячо любившая своего жениха, поспешила уехать вместе с Королевой, ее матерью⁵⁵¹. Они приехали одновременно с Государем в Dijon⁵⁵², и здесь произошла первая их встреча, так как лично принцесса Дагмара не была еще известна будущей своей родне. Вместе они приехали в Ниццу, где принцесса принесла последнюю радость своему жениху, с которым не расставалась до тех пор, пока жизнь его не оставила. Что такое были эти часы, проведенные у смертного одра угасающего царского первенца, подскажет всякому его собственное сердце. Анна Федоровна Тютчева, бывшая в свите Государыни и присутствовавшая при всех актах этой драмы, художественно и прочувственно описала ее в письме к своей сестре. Я получила копию с этого письма и не могла прочесть его без слез. В прошлом году оно было напечатано в «Русском архиве»⁵⁵³. Итак, угасла эта жизнь, подававшая столько надежд. Горе царской семьи было невыразимо, и вся Россия его разделяла. Все сердца обращались с любовью к датской принцессе, успевшей завоевать всеобщие симпатии, и жизнь которой была разбита, не начавшись. Она воротилась в Копенгаген, переход ее в православие еще не состоялся, но она уже приняла в своем сердце учение нашей религии, которое преподавал ей отец Янышев, и уже не могла от него отказаться. Тогда это казалось новым осложнением. Столько волнений и потрясений не могли пройти бесследно, и она заболела нервной горячкой. Великий князь Александр Александрович был объявлен манифестом наследником Цесаревичем. Я ездила с великой княгиней Екатериной Михайловной на встречу ему на Варшавский вокзал, когда он впервые приехал в столицу, облеченный своим новым высоким саном. Он показался нам возмужалым и серьезным. Кроме нас была Евгения Максимилиановна (великая княгиня была во Флоренции), и Константин Николаевич, ездивший встречать его в Гатчину, приехал вместе с ним. Другие члены императорского дома находились в отсутствии. Пожав нам крепко руку и обменявшись несколькими словами, он уехал вместе с великим князем Константином Николаевичем во дворец. Ожидалось прибытие тела покойного наследника; эскадра была за ним послана в Средиземное море и конвоировала до Петербурга. Ровно на сороковой день она прибыла, и начались печальные церемонии в крепости. На катафалк был поставлен гроб с останками так недавно еще подававшего столько надежд молодого великого князя, и на нем была возложена его атаманская шапка, как начальника всех казачьих войск. Для Императрицы служились ежедневно панихиды в 10½ часов утра. Государь сопровождал ее, а потом в 1 час возвращался в Петропавловский собор на собиравшую все общество официальную панихиду, на которую Государыня не имела сил являться. На одной из них было предложено между дамами обратиться с адресом к высоконазначенной невесте. Такой адрес был отредактирован графиней Александрой Андреевной Толстой и был послан вместе с крестом и Евангелием, художественно исполненными из лапидарного камня, как сильное и слабое выражение тех чувств, которые так искренне наполняли все наши сердца. Момент последнего прощания, и после того, как Государь в слезах обнял и благословил сына, принимающего престолонаследие, вместо тут же бездыханно лежащего, был до того раздирающим, что все присутствующие содрогнулись, и крупные слезы текли по загорелым лицам казаков, вызванных для присутствия на похоронах своего любимого атамана. Они уже его знали, так как он был у них в Новочеркасске.

Жизнь не ждет, и высокие положения имеют свои неумолимые требования. В начале июля должна была совершиться торжественная присяга наследника престола как такового. Для

⁵⁵¹ Имеется в виду Луиза, королева Дании, супруга короля Христиана IX.

⁵⁵² Дижон.

⁵⁵³ См.: Аксакова А. Ф. Болезнь и кончина наследника цесаревича Николая Александровича, 1865 // Русский архив. 1905. № 6. С. 291—296.

этой церемонии назначен был большой выход в Зимнем дворце. Бедная Императрица, вся в слезах, в своем золотом парчовом шлейфе, покрытая жемчугами и бриллиантами, стояла с сердцем, пронзенным мечом, внимая голосу сына своего, читающего с волнением слова присяги. Эти слова уже были слышаны ею, но звук голоса, произносящего их тогда, умолк навсегда в могиле. Я тоже присутствовала при этой присяге, и по странной случайности, последний раз, когда мне пришлось надеть мой красный фрейлинский шлейф, был на таком же торжестве. С тех пор сколько последовало перемен вокруг нас и в нас самих. В тот же день был банкет первых трех классов⁵⁵⁴, где дамы в русских платьях сидели вместе по чинам, а кавалеры особо, но по случаю траура был отменен обычный спектакль *gala*⁵⁵⁵ и музыка за обедом. Вскоре после сего мы уехали в деревню, где 18 августа состоялась моя свадьба в нашей домово́й церкви, освященной в прошедшем году.

Тем временем политическая жизнь развивалась. Польское восстание было подавлено, и Николай Алексеевич Милютин, князь Черкасский и Соловьев⁵⁵⁶ были призваны для организации внутренней жизни страны по новым законам, проникнутым демократическим духом. Авторы их были, несомненно, умные люди, но, по своему предубеждению против сословного дворянства, они способствовали развитию бюрократии, долго властвовавшей у нас и вызывавшей впоследствии столько нареканий. Ряд принятых исключительных мер имел целью предотвратить в будущем возникновение нового мятежа, подобно только что пережитому и стоящему для укрощения его стольких усилий. В то время эти меры вызывались государственной необходимостью для сохранения под русским владычеством Польши и примыкавшего к ней древнерусского, но ополяченного Западного края, и как ни суровы подчас были эти меры, но неотложность их вообще признавалась, несмотря на громы и молнии, метаемые против нас заграничной прессой. Масса поляков была сослана, кто в Сибирь, кто в места менее отдаленные. Часть их в значительном количестве очутилась в Симбирске, где летом 1864 года они устроили огромные пожары с целью возбудить Приволжье к восстанию⁵⁵⁷. Но эта революционная попытка не удалась. Общественная мысль, патриотически настроенная, отстаивала интересы родины в этом давнишнем старом споре славян между собой. Устои нашей гражданственности были тогда еще крепки. В этом же 1864 году была проведена судебная реформа⁵⁵⁸. Лучшие силы молодой России стремились служить в этом ведомстве, которое сразу приобрело уважение и доверие общества. И оно его заслуживало. Первые юридические деятели, создавая наш суд, могли по справедливости сравняться с мировыми посредниками первого призыва, сумевшими осуществить по всему пространству России упразднение крепостного права. Люди явились тогда. Они верили в свое дело и в жизненность его и применяли свои знания на созидательной работе, которая, как бы она ни заключала в себе деталей неизбеж-

⁵⁵⁴ Три высших класса: действительный тайный советник 1-го класса и канцлер (1-й класс), действительный тайный советник и вице-канцлер (2-й класс), тайный советник (3-й класс), что соответствовало в военной иерархии званиям: генерал-фельдмаршала и генерал-адмирала (1-й класс), генерала от инфантерии, генерала от артиллерии, генерала от кавалерии, инженер-генерала и адмирала (2-й класс), генерал-лейтенанта, генерала-кригскомиссара по снабжению и вице-адмирала (3-й класс). В придворной иерархии 2-му классу соответствовали обер-камергер, обер-гофмейстер, обер-гофмаршал, обер-шенк, обер-штальмейстер, обер-егермейстер, обер-церемониймейстер, обер-форшнейдер, 3-му классу: гофмейстер, гофмаршал, штальмейстер, егермейстер.

⁵⁵⁵ праздничный (*фр.*).

⁵⁵⁶ Имеется в виду Я.А. Соловьев.

⁵⁵⁷ Симбирск с 13 по 21 августа 1864 г. от пожара сгорел почти полностью. В поджогах обвинили поляков и офицеров пехотного полка, расквартированного в Симбирске, в результате самосуда двух офицеров убили. Было проведено расследование, но поджигателей не нашли (см.: *Мартынов П.Л.* Город Симбирск за 250 лет существования. Симбирск, 1898. С. 339—345). Эти сведения Е.А. Нарышкина получила, вероятнее всего, от своих друзей Орловых-Давыдовых, владельцев поместья Усолье Симбирской губернии.

⁵⁵⁸ Судебная реформа вводила полное отделение судебной власти от административной, всесословность, публичность и гласность суда, независимость судей, институт адвокатуры и присяжных заседателей, состязательный порядок судопроизводства.

ных ошибок, остается как памятник их верно направленных стремлений. Положение о земстве было также крупной реформой той счастливой весны⁵⁵⁹. Нет сомнения, что, по мысли законодателя, это учреждение должно было служить школой самоуправления, которое путем прогрессивной эволюции привело бы естественным прогрессом своего развития к общегосударственному представительному образу правления. Тогда сохранилась бы в нем связь с национальным духом страны, и оно явилось бы самобытным плодом русского исторического развития. Подтверждение моего мнения, основанного на воспоминаниях о слышанных мной разговорах, нахожу я в интересной статье майской книжки «Исторического вестника» (сего 1906 года), где передается разговор Государя Александра II с графом Андреем Павловичем Шуваловым и где ясно выражается эта мысль⁵⁶⁰. Высшее дворянство, лишившееся своих привилегий с отменой крепостного права, одно время мечтало образовать политическую партию, представляя из себя в дворянских собраниях подобие верхней палаты, но такие притязания нашли ярый протест со стороны великого князя Константина Николаевича и его окружающих, убежденных сторонников бюрократического абсолютизма. Не берусь судить, насколько первые были правы. В среде их были высокообразованные люди, знакомые с политическими эволюциями Запада, равно как и с ходом русской истории. Например, тот же граф Андрей Павлович Шувалов, князь Алек-

⁵⁵⁹ «Положением о губернских и уездных земских учреждениях» вводились все сословные выборные органы местного самоуправления – земские собрания и их исполнительные органы – губернские и уездные земские управы. Деятельность земств ограничивалась сферой народного образования, здравоохранения, продовольственного снабжения, контроля за качеством дорог, страхования и т.д.

⁵⁶⁰ Имеется в виду статья «Первый земский съезд», написанная председателем Новгородской губернской земской управы Н.Н. Фирсовым (псевд. Л. Рускин). Автор писал, что после того, как граф А.П. Шувалов был избран первым кандидатом в губернские предводители от петербургского дворянства, «утверждение его высочайшей властью в этом звании было настолько замедлено, что можно было ожидать утверждение нового кандидата. Однако по истечении нескольких дней Андрей Павлович Шувалов был призван во дворец, где государь имел с ним продолжительный разговор. Разговор этот был передан мне почти дословно Андреем Павловичем через несколько дней после высочайшей аудиенции. “Петербургское дворянство, – сказал государь, – избрало тебя губернским предводителем. Это звание, сопряженное с председательством в земском собрании, вообще представляет в настоящее время очень важное значение, а тем более в Петербурге... Несомненно, у тебя крупная партия, ибо ты избран огромным большинством. Между тем еще недавно я был вынужден покарать тебя за речи, направленные к порицанию и колебанию закона, которые ты говорил в Петербургском губернском земском собрании. Кроме того, мне ныне сообщают, что ты стоишь во главе конституционной партии в России. Я сам понимаю, что в России будет установлено представительное правление, и желаю этого. К этому я направлял мои реформы. Но покуда я считаю конституцию у нас, к сожалению, еще преждевременной и, следовательно, вредной. Словом, я не решаюсь утверждать твое избрание, не выслушав твоего объяснения. Я поверю тому, что ты скажешь, потому что давно, еще с юности, когда мы вместе служили в Кавалергардском полку, – знаю тебя лично за честного прямого человека”. Поблагодарив монарха за доверие, Шувалов ответил приблизительно так: “Я не стою во главе конституционной партии, потому что такой партии в России не существует, но я не оправдал бы вашего ко мне доверия, если бы не добавил откровенно, что, будь у нас такая партия, я был бы счастлив стоять во главе ее. Что же касается до моих речей в земском собрании, за которые я был выслан, то о них вашему величеству было доложено превратно. Я никогда и никого не возбуждал к неповиновению законам, но указывал на беззакония, произвольные толкования законов в ущерб земскому делу министрами. Это им было неудобно, и они представили вам в ложном свете мои речи и мою земскую деятельность. Если бы я, как земский гласный, считал долгом держаться такого направления, то тем паче нынче, заняв председательское место, должен буду отстаивать интересы земства”. Александр II, очень внимательно выслушав эти объяснения, сделал несколько общих вопросов и заключил их следующим: “Одним словом, ты не стоишь во главе конституционной партии и обещаешь мне против существующих законов не возбуждать ни земство, ни дворянство?” Получив утвердительный ответ, он простился было с графом, но тот, прежде чем откланяться, обратился со своей стороны к государю с несколькими вопросами. Во-первых, Шувалов спросил, может ли он считать себя утвержденным в должности губернского предводителя дворянства. Государь сказал: “Да”. – “Тогда, – обратился к нему Шувалов, – я ввиду пользы тех учреждений, во главе которых буду иметь честь стоять, вынужден беспокоить ваше величество большой просьбой. Повторяю, что возбуждать неповиновение законам я не буду, но, как я уже сказал, я буду поддерживать протесты в земском и дворянском собраниях против произвола и извращения закона министерствами, вообще бюрократическими учреждениями. Несомненно, последние будут доводить до сведения вашего величества об этом, и по возможности, в превратном виде. Это будет нынче опасно уже не мне лично, а делу, которому я служу. Поэтому я всепокорнейше прошу вас, государь, при возникающих сомнениях призывать меня и дозволить мне каждый раз, когда я буду знать о таких толкованиях, являться к вашему величеству для откровенного разъяснения дела без соблюдения обычных формальностей”. Государь согласился, но Андрей Павлович еще добавил: “И, кроме того, разрешите мне о милостивейшем согласии вашем и о разговоре, которым вы меня удостоили, передать свободно всем, дабы узнали о том и лица, с которыми мне придется вести борьбу. Ибо, как я полагаю, зная о вашем милостивом разрешении, они сами будут воздерживаться, и мне едва ли придется утруждать ваше величество”. Александр II согласился и на это» (Исторический вестник. 1906. № 5. С. 440–441).

сандр Илларионович Васильчиков, граф Орлов-Давыдов, князь Григорий Александрович⁵⁶¹ Щербатов, Голохвастов, Самарин и многие другие. Думаю, что их голос, хотя и совещательный, мог бы ограничивать административный произвол, постепенно, но сильно развивавшийся, и что затруднились бы попеременные скачки от либерализма к реакции, которые так вредно отзывались на правлении страной за последние сорок лет, обуславливаясь единственно тем или другим случайным влиянием. Во всяком случае, это были разумные материальные и культурные силы, которые остались без применения и принуждены были или угаснуть в бездействии, или, сосредоточиваясь на казенной службе, путем всяческих компромиссов, обезличиться до неузнаваемости.

Мы поселились в Петербурге. Я была у пристани. Моя внешняя жизнь приняла определенную форму, меня удовлетворяющую. Я имела положительные обязанности и личные ответственности, на которых могла излить свои силы. Я молила Бога о даровании мне способности быть счастливой. Мы уехали за границу 1 марта и, направляясь к Италии, шли навстречу весны. В Венеции мы оставались довольно долго. Я в первый раз была в этом чудном городе и вдыхала поэзию, оставленную ему пройденными веками. Мы восхищались великолепными памятниками искусства его старинных церквей и дворцов и восстанавливали историю этой гордой владычицы морей, когда слава Венецианской республики гремела по всему известному миру. Теперь бывшая царица должна была склонить развенчанное чело под господством чуждого ей австрийского владычества⁵⁶², и черные гондолы, безмолвно скользившие по каналам, носили траур по ее утраченной независимости. Но чувствовался в воздухе протест против иностранной власти и носилась идея о единой Италии. Совершившееся уже присоединение Неаполитанского королевства и Тоскании под скипетром Короля Виктора-Эммануила⁵⁶³ питало надежду на осуществление той же мечты и для остальной Италии. Во время Венского конгресса⁵⁶⁴, когда прирезывались земли разным государствам для установления равновесия между ними, мысль о народах не приходила на ум вершителям судеб их, и Меттерних мог изречь: «L'Italie ne sera plus qu'une expression géographique»⁵⁶⁵. В описываемое мною время мечты итальянских carbonari⁵⁶⁶ Mazzini, Silvio Pellico и других о воскрешении своей родины создали новый политический принцип, именно идею о национальностях. Все последующие крупные события имели эту идею в основании и как конечную цель. Теперь новая эволюция в идеях признала этот принцип устарелым и заменила его космополитизмом, плоды которого нам предстоит еще вкушать.

В Венеции мы застали принца Петра Георгиевича Ольденбургского, приехавшего со своей больной дочерью принцессой Екатериной Петровной, с которой мы так часто встречались два года тому назад. Вследствие простуды после вынесенной кори, в слабой груди ее развилась чахотка, и мягкий климат Венеции уже не мог восстановить ее здоровья. Принца мы видели иногда у консула нашего графа Кассини, куда он приходил по вечерам, но принцессу я уже не могла видеть. Вскоре после нашего отъезда она скончалась, к большому горю знавших

⁵⁶¹ Ошибка. Правильно – Григорий Алексеевич.

⁵⁶² Венецианская республика в 1798 г. была разделена между Австрией и Францией и перестала существовать. После поражения Наполеона по решению Венского конгресса все бывшие территории Венецианской республики были переданы Австрии.

⁵⁶³ После войны 1858—1859 гг., в которой Австрия потерпела поражение от итало-французских войск, Виктор-Эммануил II получил Ломбардию, а затем, в результате энергичных действий Гарибальди, Тоскану, Романью, Модену и Парму. В 1860 г., после вторжения отрядов Гарибальди в Неаполитанское королевство и на Сицилию, король Обеих Сицилий Франциск II лишился престола, а референдум одобрил вхождение Неаполя и Сицилии в состав объединенной Италии под властью сардинского короля из Савойской династии Виктора-Эммануила II.

⁵⁶⁴ Конгресс, проходивший в Вене с сентября 1814 по июнь 1815 г., определил новые границы европейских государств после Наполеоновских войн.

⁵⁶⁵ «Италия станет не более чем географическим названием» (*фр.*).

⁵⁶⁶ карбонариев (*ит.*). Карбонарии – члены тайного политического общества, действовавшего в Италии в первой трети XIX в., которые называли себя угольщиками (*carbonari*), потому что в их ритуал входило сожжение древесного угля как символ духовного очищения. Целью карбонариев были единство и независимость Италии.

и любивших ее. Одним из любимых мною уголков был католический армянский монастырь Св. Лазаря. Он находится в некотором расстоянии от города в дивном месте, посреди лазурной шири лагуны, и в нем живут высокообразованные монахи, посвящающие себя ученым трудам. Этот монастырь был любимым местом, воспетым Байроном, и напоминает убежище старинных времен, когда наука сосредоточивалась и сохранялась в монастырских стенах, не находя пристанища для себя в боевом мире тех дней.

Из Венеции мы поехали во Флоренцию, бывшую тогда столицей Итальянского королевства, где нас ожидало целое общество близких друзей. Сестра моей *belle-mère*⁵⁶⁷ (дочери знаменитого графа Федора Васильевича Ростопчина) вышла замуж за французского графа де Сегюр⁵⁶⁸. Ее старшая дочь Natalie была замужем за французским посланником при итальянском дворе бароном Malaret. Я с ними впервые познакомилась, и они приняли нас как самых близких родных. Дом их был очень приятен. Положение представителя Франции было выдающееся посреди дипломатов, так как Франция в такой сильной мере способствовала объединению Италии. Мы часто у них обедали при больших, равно как и семейных, обедах со всем персоналом посольства разговорчивых остроумных французов, с которыми мне было приятно и весело. Сам посланник был очень умен и интересовался новыми учреждениями России, особенно отменой крепостного права. У них были две дочери: Camille и Madeleine, которым их бабушка, графиня Сегюр, посвятила свои первые детские книги⁵⁶⁹. Camille была в полном смысле красавица, с правильными тонкими чертами лица, очень похожая на отца, который ее сильно любил. Судьба ее была несчастлива. Выйдя замуж за негодяя – маркиза де Бло, она принуждена была разъехаться с ним и возвратиться к своим родителям с маленьким сыном Павликом⁵⁷⁰, по смерти которого и она зачахла и умерла в цвете лет и с разбитым сердцем. Сестра ее Madeleine живет при матери, доканчивающей свою жизнь в своем замке на юге Франции, и посвящает себя всецело делам христианской благотворительности. Natalie была для меня родственно сердечно добра. Высокого роста, с великолепным станом, она была очень эффектна, хотя черты лица ее, носившие русский тип, не были правильны. До назначения ее мужа посланником во Флоренцию она состояла в числе придворных дам при Императрице Евгении и сопровождала императорскую чету, когда было совершено покушение Орсини. Они все уехали в итальянскую оперу, и бомба разорвалась между их каретами, не причинив им никакого вреда, но, к несчастью, поразив много окружающих лиц. Русским представителем был еще раз Николай Дмитриевич Киселев, знавший меня с моего раннего детства в Париже. С тех пор, как мы встретились с ним в Риме в 59-м году, он женился на великолепной донне Франческе, по первому мужу Торлония. Ее классические черты и высокий прямой стан так и просились под резец скульптора, чтобы запечатлеться в мраморе; при ней был ее сын от первого брака, десятилетний мальчик Clemente. Но ближе всех к нам стояла очаровательная графиня Остен-Сакен, муж которой был советником нашего посольства. Я ее знала с тех пор, как себя помню, когда вскоре после нашего переселения в Париж она приехала туда со своим первым мужем князем Михаилом Александровичем Голицыным, дальним родственником моего отца. Только что женившись на прелестной 16-летней княжне Марии Ильинишне Долгорукой, он тотчас привез ее к моей матери, много ее старшей, прося покровительства ввиду ее молодости. С тех пор дружба соединила этих двух дам, и так как Голицыны поселились в Париже, то мы виделись с ними постоянно. Князь был племянником известного московского магната князя Сергея Михайловича и владел огромным состоянием, еще увеличившимся от получе-

⁵⁶⁷ свекрови (*фр.*).

⁵⁶⁸ Графиня С.Ф. Ростопчина в 1819 г. вышла замуж за графа Эжена де Сегюра.

⁵⁶⁹ Первые книги графини Софьи де Сегюр: *Nouveaux contes de fées pour les petits enfants* [Новые волшебные сказки для маленьких детей]. Р., 1857. [Посвящена «Моим внукам – Камилле и Мадлен де Маларе»]; *La même. Les petites filles modèles* [Примерные девочки]. Р., 1857. [В посвящении указывается, что главные героини книги – ее внучки Камилла и Мадлен].

⁵⁷⁰ Имеется в виду Поль де Бло.

ния впоследствии наследства от своего дяди. Он воспитывался за границей вместе с братом князем Федором, и они оба были католики. Очень образованный, культурный, артистичный, он не служил и не появлялся ко двору во время царствования Государя Николая Павловича, но на коронации 56-го года, когда князь Сергей Михайлович, будучи тогда московским предводителем дворянства, дал в своем доме на Пречистенке великолепный праздник, участвовал вместе со своей женой в приеме высоких гостей. После сего он был сразу назначен посланником в Испанию, где после трехлетнего пребывания он скончался. Он был много старше своей жены. Она любила и уважала его скорее как отца. Полное счастье она испытала в своем втором браке с графом Остен-Сакен, нынешним нашим послом в Берлине. Сакены занимали красивый Palazzo Lung'Arno⁵⁷¹ в нескольких шагах от нашей гостиницы. Они много принимали. Красота, общительность и приветливость графини способствовали тому, что дом их сделался центром не только дипломатического замкнутого кружка, но вместе с сим местом слияния аристократического общества с новыми элементами, от которых они в то время еще отстранялись. На вечерах у Сакенов я видела всех деятелей великого переворота, совершающегося в Италии: Rikasoli, La Marmora, Minghetti и других. Было очень интересно и приятно, и хозяйка дома со своей пленительной добротой и удивительной печатью *grande Dame*⁵⁷², ей присущей, умела соединять отдельные политические группы и сглаживать шероховатости новых сближений. Ее доброе влияние в этом отношении было признано итальянским обществом, и когда они покинули Францию, то оставили после себя длинный след дружеских и признательных воспоминаний. Она так горячо любила мою мать, что относилась ко мне как старшая заботливая сестра, и не было предела ее радушному гостеприимству и нежному участию ко всему, что меня касалось. Графиня Сакен была для меня живым воспоминанием о моем далеком милом прошлом, образ которого не затмила масса испытанных мной с тех пор новых впечатлений. Она знала с давних лет всю нашу семейную жизнь, и мне было отрадно слышать ее восторженную оценку благородного характера моей матери. Между прочим, перебирая имена их общих знакомых, она вспоминала о старой герцогине d'Albuféra, которая говорила: «Si la vertu avait un nom, on l'appellerait – Kourakine»⁵⁷³.

Великая княгиня Мария Николаевна вместе с Евгенией Максимилиановной находились также во Флоренции. На другой день нашего приезда мы поехали к обеду в Сан-Донатто⁵⁷⁴, где тогда была наша церковь, и мы там встретились, при большом удивлении с их стороны и большой радости с моей. Посыпались вопросы, приветствия. Я была обрадована чрезвычайно нашей встречей среди дивных картин флорентийских пейзажей весны. Великая княгиня проживала в своей прекрасной вилле Quarto⁵⁷⁵, купленной ею и украшенной с тем артистическим вкусом, который составлял отличительное свойство ее художественной натуры. Король Виктор Эммануил часто бывал у ее высочества запросто, не любя больших приемов, и подарил ей великолепные гобелены, украшавшие стены с картинами старинной прерафаэлитской школы, приобретенные великой княгиней. Известный Липгардт⁵⁷⁶, знаток живописи, бывал постоянно

⁵⁷¹ Дворец на набережной реки Арно (*ит.*).

⁵⁷² важной, знатной дамы (*фр.*).

⁵⁷³ «Если бы добродетель имела имя, она звалась бы Куракиной» (*фр.*).

⁵⁷⁴ До постройки посольской православной церкви русский приход во Флоренции располагался в домовом церкви виллы Сан-Донатто, построенной в 1840 г. А.Н. Демидовым, князем Сан-Донатто, и освященной в честь Святителя Николая (небесного покровителя его отца – Н.Н. Демидова – русского посланника и почетного гражданина Флоренции). Именно в 1866 г., когда во Флоренцию приехала Е.А. Нарышкина, там была восстановлена русская православная миссия и настоятелем этой церковной общины, находившейся в демидовском храме, был назначен священник Михаил Орлов, долгие годы бывший духовником великой княгини Марии Николаевны во время ее пребывания во Флоренции.

⁵⁷⁵ Вилла Кварто во Флоренции, где жила в 1863—1874 гг. великая княгиня Мария Николаевна, была куплена у А.Н. Демидова, князя Сан-Донатто, которому она досталась в качестве приданого за его женой Матильдой Бонапарт.

⁵⁷⁶ Имеется в виду коллекционер и знаток искусства барон Карл Эдуард фон Липгарт, отец придворного художника Николая II барона Эрнста Карловича фон Липгарта – живописца, историка искусства, хранителя картинной галереи Эрмитажа

в Quarto, где советы его очень ценились. При Евгении Максимилиановне была добрая графиня Елизавета Андреевна Толстая. Мы присоединялись к ним иногда для артистических экскурсий, которым художественная Флоренция открывает такое широкое поле.

Потом мы поехали в Рим. Какое волнение, какое счастье я испытала, увидев во второй раз этот чудный город, пребывание в котором составляет эпоху в моей жизни. Мы поместились в том же Albergo Europa⁵⁷⁷ на Piazza di Spagna, как и в первый наш приезд, и так как у нас в Риме было мало знакомых и никаких обязанностей, то с утра до вечера ездили по известным уже и излюбленным местам. Компания была дивная, поездки по окрестностям города восхитительны. Из прежних знакомых мы видели только князя Гогенлоэ и Пальмера. Мы были у первого в его помещении в Ватикане на самом верху дворца, откуда вид простирается на весь Рим. Кроме воспоминаний о прежней встрече его заинтересовало то обстоятельство, что двоюродный брат моего мужа был monseigneur de Ségur⁵⁷⁸, проводивший в Риме лет двадцать в тесном дружеском сближении с ним. Отношения нашего правительства с Ватиканом были прерваны в этом году, наш посланник барон Мейендорф отозван⁵⁷⁹, а архимандрита Гурия, настоятеля нашей церкви, мы увидели в Неаполе, куда отправились из Рима, несмотря на начинающуюся жару.

Кто не знает итальянской песни:

Santa Lucia

O dolce Napoli
O Suol beato
Ove sorridere
Vuol il creato
Tu sei l'impero dell'armonia⁵⁸⁰, и пр.

Это впечатление я испытала во всей своей силе в Сорренто, где мы провели два дня. Вся дорога от Кастеламара проходила между благоухающими садами апельсиновых деревьев в цвету, и вместе с тем покрытых золотистыми плодами. Направо голубое море и два острова Ishia и Capri⁵⁸¹, облитые голубым эфирным светом. Железной дороги, к счастью, еще не существовало, и мы совершили этот путь в открытой коляске. Остановились мы в Hôtel du Tasse et de la Sirène⁵⁸², имеющем широкую террасу, выступающую в самое море. Я долго ночью не могла покинуть эту террасу. Темно-синее море отражало высокое темно-синее небо, освещен-

(с 1906 г.). Они познакомились с великой княгиней Марией Николаевной во Флоренции, куда приехали в 1862 г., и Липгарт-младший стал заниматься живописью у немецкого художника Франца Ленбаха. Отец Липгарта помогал великой княгине собирать коллекцию живописи старых мастеров, а Мария Николаевна оказывала покровительство его сыну – начинающему художнику, следила за его успехами, помогая заказами и рекомендациями. Для нее он выполнил свое первое монументальное произведение «Ариадна и Бахус» (см. подробнее: *Саламаха Е.Ю. Художник Э.К. Липгарт и его воспоминания // Наше наследие. 2007. № 81. С. 35—53; № 83/84. С. 130—146).*

⁵⁷⁷ Отеле «Европа» (*ит.*).

⁵⁷⁸ L.-G.-A. de Ségur.

⁵⁷⁹ Поводом к разрыву послужил разговор посланника с папой Пием IX 15 декабря 1865 г. На заявление папы о притеснениях католиков в России посланник ответил, что в Польше «католицизм сам отождествил себя с революцией». Папа сказал, что слова посла он рассматривает как личное оскорбление. После этого Мейендорф по указанию Александра II заявил, что император не может оставить его при дворе, где оскорбляют представителя России. Отношения с Римом были прерваны 27 ноября 1866 г. (см.: *Дневник П.А. Валуева. М., 1961. Т. 2. С. 462).*

⁵⁸⁰ Санта Лючия О, чудный Неаполь, О, край блаженный, Где вселенная хочет улыбаться. Ты – царство гармонии (*ит.*).

⁵⁸¹ Искья и Капри (*ит.*).

⁵⁸² Отеле «Тассо и сирены» (*фр.*). Название гостиницы напоминает о том, что Сорренто – родина поэта Торквато Тассо, а само имя города по-гречески означает «город сирен».

ное мириадами ярких звезд, легкий плеск волны, разбивающийся о невидимый берег, раздавался в тишине, и где-то далеко-далеко слышны были слабые звуки мандолины. Легкий ветерок приносил благоухания расцветшей земной природы, которая в этом благословенном уголке представляла мне осуществление идеи рая. Мой муж провел в Неаполе несколько лет своего детства, и для него этот город имел то же значение, как для меня Париж. Огромный интерес я нашла в посещении Геркуланума и Помпеи. Раскопки раскрыли всю жизнь, оставленную вдруг 19 веков тому назад. В доме Диомеда в Помпее видны скелеты людей, застигнутых при обычных занятиях, и в позе их отгадывается внезапный ужас и тщетное старание спастись бегством от неумолимой грозной казни. На мостовой заметны следы тяжелых колесниц. Около останков этой жизни, зарытой в пепле, изверженном из недр постоянно угрожающей горы, селятся в беспечности другие поколения, доказывая лишний раз, что человек легко забывает уроки прошлого и сживается с дамокловым мечом во всех его видах. В Риме, куда мы возвратились, я с радостью нашла телеграмму моего лучшего друга, графини Ламздорф, с которой я хотела встретиться и которая назначала местом нашего свидания Женеву, куда мы и решили отправиться из Италии. Я не видела Мери с тех пор, как я оставила ее весной 1858 года стоящей у колыбели ее дочери. Муж ее перешел в дипломатическую службу, и они все время проживали за границей. Изредка мы переписывались, не для передачи фактов нашей внешней жизни, сделавшейся столь различной, но скорее как обзор нашего духовного мира, и мы чувствовали то же взаимное понимание, как и прежде. Совпадение наших мыслей заставляло нас неоднократно почти одновременно после долгого молчания взяться за перо, чтобы напомнить о себе друг другу. Видеть Мери опять, после восьмилетней разлуки, было бы исполнением самого пламенного моего желания, и потому легко судить о моем горе, когда по приезде моем во Флоренцию я узнала о только что полученном известии о ее смерти в Женеве. Она была таким олицетворением жизни, быющей со всех сторон и сообщающей себя всему и всем, в ней было такое богатство пленительных дарований, не успевших еще проявиться вполне, что трудно было о ней думать, как [об] угаснувшей в вечном безмолвии и унесшей с собой секрет непроявленных сил. Моя скорбь была большая. Я была окружена участием моих добрых друзей Сакенов и Маларэ. Мы провели с ними все дни до нашего отъезда во Флоренцию через Турин и Mont Cenis⁵⁸³.

Как и при первом нашем отъезде из Италии, ожидалось выстрелы новой войны. Пруссия и Австрия готовились помериться силами для решения вопроса о преобладании той или другой державы в Германии, а Италия присоединилась к Пруссии, чтобы освободиться от иностранного владычества и довершить свое объединение. Возбуждение замечалось во всех городах Италии. Гимн Гарибальди раздавался всюду, и пели с увлечением: «Lascia Caprera, camicia rossa»⁵⁸⁴. В Париже нас встретил на вокзале двоюродный брат моего мужа, граф Филиппи. Он был сын графа Сергея Федоровича Ростопчина, увезшего из Флоренции в Москву итальянскую графиню Филиппи, на которой он женился, когда она овдовела. Но он сам умер, не успев узаконить своего сына, и жена его также вскоре умерла. Мальчик был взят в Париж графиней Сегюр и воспитан с ее детьми, нося имя первого мужа своей матери, которое ему принадлежало по закону. Я его знала, так как он был в России во время нашей помолвки. Он привез нам приветствие тетушки, графини Сегюр, и приглашение приехать к ней в Нормандию в ее имение les Nouettes⁵⁸⁵, где она проводила лето. В Париже я была дома и потому не распростра-

⁵⁸³ Мон-Сени – горный перевал в Альпах.

⁵⁸⁴ «Покиньте Капреру, красные рубашки» (*im.*). На острове Капрера у северного побережья Сардинии Гарибальди жил с 1855 по 1860 г., когда он, собрав около тысячи добровольцев и одев их в красные рубахи, отправился на помощь Сицилии, восставшей против власти Франциска II – последнего короля обеих Сицилий из династии неаполитанских Бурбонов; в результате Южная Италия была освобождена.

⁵⁸⁵ Нуэтт – замок во Франции, который приобрел Ф.В. Ростопчин в начале 1820 г. в качестве свадебного подарка для своей дочери Софии, вышедшей в 1819 г. замуж за графа де Сегюра.

няюсь о моих впечатлениях. Из старых друзей я часто видела о. Васильева, знавшего как никто все, что касалось нашей семьи. Филиппи или Voldemar, как его звали, бывал у нас постоянно. Все Сегюры отсутствовали в то время в Париже, кроме Sabine, монашенки, никогда не выходившей из своего монастыря de la Visitation⁵⁸⁶, будучи под строгим правилом затворничества (la clôture⁵⁸⁷). Мы у нее были и говорили с ней за железной решеткой, отдаляющей ее от мира и всего, что она могла иметь в нем: счастья, блеска, наслаждений всякого рода. Она отреклась от всего этого в молодых годах, вероятно, под влиянием тесной дружбы, которая соединяла ее с ее старшим братом, аббатом. Он был единственным человеком из ее близких, которого она видела лицом к лицу. Даже мать ее могла только говорить с ней из-за решетки и в виде большого исключения получила разрешение раз в год совершать une retraite⁵⁸⁸ в этом монастыре под условием всецелого подчинения всем заведенным в нем правилам. Она должна была спать в холодной комнате на узкой жесткой койке, вставать ранее света, есть грубую пищу и обходиться без услуг своей горничной, которую не имела права брать с собой. Такие правила были слишком тяжелы для пожилой дамы, привыкшей к комфорту, и последние года, не будучи в силах исполнять их, она принуждена была отказаться от своих ежегодных посещений. Двери монастыря открылись для нее, только когда Sabine умирала, напутствуемая своим братом, у которого чувство высокого пастырского призвания заглушало огромное горе потери друга всей его жизни, каковым была для него сестра. Этот момент описан в книге, посвященной памяти Sabine de Ségur⁵⁸⁹, и его трудно читать без слез. Сабине, когда мы ее видели, было около 35 лет, она была умна, приятна, сердечна, весела, говорила очень быстро и оживленно, как вся ее семья, напоминая мне по голосу ее сестру Natalie de Malaret. В ней не было никакой позы, никакой напускной важности, и вместе с тем она так строго соблюдала свои обеты. Когда незадолго до ее смерти, ее родные выхлопотали у Папы разрешение отвезти ее в Eaux Bonnes⁵⁹⁰ для лечения ее грудной болезни, она отказалась от этой поездки, написав в умном и красноречивом письме, что лечение на водах есть лечение богатых людей, а она дала обет бедности и что она не хочет нарушать своего затворничества. Надо признаться, что католическое духовенство обладает особым даром влияния на души и возбуждения в них беззаветной преданности и непоколебимой веры. Мы провели недели две в Nouettes, красивом имении, купленном графом Ростопчиным для своей дочери у наполеоновского маршала Лефевра⁵⁹¹, который и назывался Lefèvre de Nouettes. Я любила Нормандию, которую с детства знала, ее богатые пастбища с разбросанными по ним яблонями, разводимыми для выделывания сидра. Я любовалась этой милой для меня природой в течение двух часов езды на лошадях со станции железной дороги не так, как у нас по ухабам и косогорам, но по хорошо содержимому шоссе. Тетушка встретила нас у подъезда с сыном монсиньером и секретарем его аббатом Дерингером⁵⁹². Она приняла меня как родную дочь. Связь ее с Россией поддерживалась только моим мужем и дочерьми брата ее, графа Андрея Федоровича⁵⁹³. Она вышла замуж в Париже одновременно со своей сестрой (моей belle-mère), которой жених находился в составе нашей оккупационной армии. С тех пор сестры не видались, хотя переписывались в течение почти пятидесяти лет. Графиня

⁵⁸⁶ Посещение (*фр.*) – католический праздник в честь посещения Девой Марией Святой Елизаветы; монашеский орден Визитации был основан в 1610 г.

⁵⁸⁷ затвор (*фр.*).

⁵⁸⁸ затворничество (*фр.*).

⁵⁸⁹ Книгу написал ее брат – маркиз Анатоль де Сегюр (см.: *Ségur A. Sabine de Ségur, en religion Sœur Jeanne-Françoise*. P., 1870).

⁵⁹⁰ Курорт с термальными водами, расположенный на юго-западе Франции в департаменте Нижние Пиренеи.

⁵⁹¹ Мемуаристка допускает ошибку: владельцем Нуэтта был наполеоновский генерал граф Лефевр-Денуэтт (comte Charles Lefèvre-Desnouettes), а не наполеоновский маршал, герцог Данцигский Лефевр (François-Joseph Lefèvre).

⁵⁹² Правильно – Дириингер.

⁵⁹³ Дочери графа А.Ф. Ростопчина от брака с Е.П. Сушковой – Лидия и Ольга.

Сегюр совершенно офранцузилась, приняв еще до замужества католическую веру, которую мать ее⁵⁹⁴ исповедовала с страстным фанатизмом, но моя *belle-mère* осталась стойкой в своем православии и поэтому была более близка к своему отцу. По обычаям того времени, она мало знала русский язык даже в молодости, теперь же она почти совсем забыла, но, странное дело, когда в 1874 году она была при смерти вследствие удара, то вдруг вспомнила свою родную речь и говорила исключительно по-русски, а дети ее не понимали. Мне кажется, что это замечательное явление в области мнемозии. Графиня водила меня по своему дому и по красивому парку, где она устроила себе «русскую аллею» из берез. Она показала мне ее с гордостью. В доме была церковь, где Gaston служил каждый день обедню и где утром и вечером собирались все служащие дома со своими господами для принесения общей молитвы. Я заранее просила избегать в наших разговорах двух тем: о Польше и о вероисповедании, так как не могла поступиться своими убеждениями по этим двум вопросам и не желая входить в бесплодные споры с людьми, которых я так искренне уважала и с которыми желала установить дружеские отношения. Monseigneur Gaston был христианин в полном смысле этого слова. Старший сын богатой семьи, талантливый художник по живописи, будучи секретарем посольства в Риме, он решился отречься от всего и посвятить себя Богу и ближним. Вся жизнь его прошла в делах милосердия посреди рабочих и обездоленных мира сего, давая им пищу для тела, он облегчал их души проповедью. Деятельность его была изумительна. В самом разгаре ее он вдруг ослеп на оба глаза. Это случилось внезапно во время гулянья по парку с одним из братьев. Он перенес это страшное несчастье мужественно, как стоик или, скорее, как христианин, выдавший во всем волю Божию. Оно лишило его епископства и в будущем всех высоких отличий, на пути к которым он стоял, но его деятельность не убавилась. Когда я с ним познакомилась, он состоял руководителем массы благотворительных учреждений, сам постоянно вращаясь между подонками общества, которых он старался вывести из житейской тины. Он был духовником всего аристократического Faubourg St.-Germain⁵⁹⁵, и вместе с тем его квартира на rue du Bac⁵⁹⁶ была всегда наполнена бедным людом, ожидающим от него слова утешения. И несмотря на свою серьезную жизнь, он был общителен, весел и разговорчив, как все французы. Мы обедали у него иногда в Париже, почти всегда бывал у него знаменитый музыкант Гуно, друг Сегюров и гостивший часто в Nouettes, где он сочинил некоторые из своих романсов на слова второго брата, поэта и писателя Anatol. О последнем я не говорю теперь, так как он только что отбыл в Италию со своим семейством, и в этот наш приезд я не успела познакомиться с ним.

Политические события следовали с удивительной быстротой. Пруссия наносила Австрии удар за ударом⁵⁹⁷, и хотя союзница ее Италия претерпевала неудачи на море и на суше, она была уже в выигрыше, получив из рук Наполеона Венецианскую область, которую Австрия передала ему до окончания борьбы. Страшное поражение в Кенигсгреце⁵⁹⁸ довершило победы Пруссии, сделавшейся Германской империей. Когда мы вернулись в Россию, то нашли Михайловский дворец разделенным на два лагеря: великая княгиня Елена Павловна сочувствовала совершившемуся факту и горячо поздравила Императора Вильгельма, герцог же с грустью видел поглощение Германской конфедерации новой империей, и Екатерина Михайловна, строго консервативная, разделяла его взгляд.

За время нашего отсутствия произошло более одной перемены. Свадьба Цесаревича с принцессой Дагмарой была решена. Вся Россия восторгалась и приняла с восторгом весть о

⁵⁹⁴ Графиня Е.П. Ростопчина.

⁵⁹⁵ Сен-Жерменского предместья (*фр.*).

⁵⁹⁶ Улица Бак – улица в аристократическом Сен-Жерменском предместье.

⁵⁹⁷ Речь идет об Австро-прусской войне 1866 г. за гегемонию в Германии, где на стороне Австрии выступили Бавария, Саксония, Баден, Гессен, Вюртемберг и Ганновер, а на стороне Пруссии – Италия; Россия и Франция сохраняли нейтралитет.

⁵⁹⁸ Кенигсгрец (Кениггрец) – крепость в Богемии, возле которой 3 июля (21 июня) 1866 г. произошло решающее сражение; одержав победу, Пруссия получила возможность объединить под своим началом германские земли.

предстоящей помолвке: принцесса Дагмара своей интересной личностью уже давно была всем симпатична. В глазах общества она была окружена ореолом пережитого горя, которое сроднило ее со всей страной. Поэт Тютчев написал прелестные стихи, в которых имя ее Дагмар он перевел на русское слово Заря⁵⁹⁹, видя в нем предвестник длинного солнечного дня⁶⁰⁰. Действительно, с течением времени имя Императрицы Марии Федоровны сделалось синонимом милости, добра, любвеобильности, и все подходящие под сияние лучей ее чудных глаз, выражающих, как зеркало, богатство ее души, оставались очарованными и преданными ей навсегда⁶⁰¹. Великий князь поехал летом в Данию, и помолвка совершилась. Воспоминание покойного Цесаревича, так горячо любимого обоими, было первым фактором их сближения. Оно привело высокую чету к 28-летнему безоблачному счастью. Моя мать была назначена гофмейстериной при молодой Цесаревне, а моя сестра ей фрейлиной. Этой должности последняя сначала не хотела принять и уехала с братом в деревню, но ее вытребовали оттуда и уговорили, и с тех пор начались отношения, которые беспрерывно продолжаются и донныне. Выезд будущей Цесаревны совершился 17 сентября при дивной летней погоде, исключительной для петербургской осени. Для молодой невесты, прибывшей одной в сопровождении брата, и для августейших родителей жениха, встречающих ее, приезд в русскую столицу со всеми подобающими почестями имел свой грустный оттенок. Преданность народа, выражающаяся в бесконечных ликованиях, и любовь всех слоев общества, соединяющихся в общем горячем приветствии, широкой волной пролили в сердце их утешение и взаимную любовь. Я не участвовала ни в этой встрече, ни в прочих церемониях до бракосочетания, ни на самом этом главном торжестве, ни на последующих за ним праздниках, так как была больна, ожидая через три месяца рождения моего первого ребенка. Это счастье я получила 26 декабря, и появление на свет моего «*petit enfant de Noël*»⁶⁰², как я его называла, принесло мне невыразимую радость. Я в этом событии видела полноту благословений, данных Богом женщине, и материнское чувство, дремлющее во мне до сих пор, проявилось со всей мощью, на которую я была способна. Мы его назвали Борисом в память моего покойного брата. Мой отец благодарил нас, и это милое красивое черноглазое дитя стало, в свою очередь, и также на короткое время, *l'enfant de la consolation*.

⁵⁹⁹ Имя Дагмар означает «дева утреннего света».

⁶⁰⁰ Неточность. Тютчев действительно написал стихотворение «Небо бледно-голубое...» на приезд принцессы Дагмар, но с зарей Дагмару сравнивал протопресвитер, духовник наследника цесаревича и великих князей В.Б. Бажанов в стихах на кончину наследника в апреле 1865 г.: «И вот подругу Он избрал, / Звезду и сердцем и красою: / Недаром Утренней зарю / Ее отец именвал» (Русский инвалид. 1865. № 85. 22 апр.).

⁶⁰¹ Вместо этого в первоначальной редакции было: «Свадьба цесаревича с принцессой Дагмарой была решена не без некоторых колебаний, как выше было сказано. Великий князь был сильно влюблен в княжну Мещерскую, не отступая даже от мысли отречения от престола для нее. Императрица Мария Александровна позвала к себе фрейлину и в теплых материнских словах указала ей на трагизм настоящего положения и на необходимость единственно возможного выхода из него в форме немедленной и окончательной разлуки. С горем, но тронутая доводами Императрицы, Marie Мещерская должна была согласиться, и, сопровождаемая обычным светским злорадством, неся даже с некоторых сторон тяжесть незаслуженных подозрений, она уехала в Париж к княгине Чернышевой, которая еще раз приняла ее у себя. Через полтора года она вышла замуж за известного богача Павла Павловича Демидова, князя Сан-Донато» (РГАДА. Ф. 1272. Оп. 4. Д. 3. Л. 118).

⁶⁰² «рождественского младенца» (*фр.*).

ГЛАВА IV

Я с намерением умолчала о важном событии, весть о котором поразила нас ужасом во Флоренции, а именно: о покушении Каракозова на жизнь Государя при выходе его из Летнего сада 4 апреля 1866 года. Окончив свою прогулку с Марией Максимилиановной, Государь готовился сесть в экипаж, когда раздался выстрел, и только инстинктивное движение руки рабочего Коммисарова, схватившего убийцу за руку, заставило пулю изменить свое направление и спасло Государя. Это покушение, первое в нашей истории, знаменательно по причинам, его породившим, и как предвестник целого ряда подобных явлений, которым оно служило как бы прологом. Как странно мне вспомнить, что бредни, осмеянные в 48-м году всеми современными здравомыслящими людьми: изречение Прудона «*La propriété c'est le vol*»⁶⁰³, «Икария» Cabet⁶⁰⁴ с его обществом новых людей, коммунизм Pierre Leroux и проч., – все эти идеи, о которых я слыхала в детстве и которые, казалось, исчезли в бездне неосуществимых утопий, эти самые идеи, пройдя через славянский мозг Бакунина, восстали вновь как идеалы, к которым должны были стремиться разрушительные силы революции. Правда, эти идеи проповедовались и в Европе, особенно в двух главных центрах рабочих ассоциаций, Бельгийской и Юрской⁶⁰⁵, принявших международный характер, но трезвые умы Запада не могли, при привычке к порядку и государственности, увлечься без оглядки подобными теориями. Социализм проявлялся в научных теориях Лассалья, Маркса, Бебеля, с которыми можно было спорить, но у которых нельзя было отнять последовательности и доли справедливости. Поэтому, высказываясь открыто в парламентах, они встречали серьезный отпор со стороны консерваторов, и такой обмен мыслей был полезен для смягчения крайностей в том или другом направлении и для уравнивания умов. Против принятия крайних теорий обществом существовали твердые преграды социальной науки, принципов, обычаев – одним словом, данные предыдущей цивилизации. Не так, к несчастью, было у нас. Удивительное невежество нахватавшихся вершущих социальных учений, отсутствие всякого политического воспитания, жизнь, полная лишений, отсутствие этики, необузданность славянской натуры, не признающей ни преград, ни авторитетов, породили уродливые формы нигилизма. Понятно, что великая реформа не могла удовлетворить мечтателей, идеалом которых была анархия. Вместе с тем начинающийся интеллигентный пролетариат, в лице обнищавших мелкопоместных дворян и детей духовенства, создал ядро наших революционеров, появившихся уже среди пожаров 62-го года, а теперь выступивших в безумном поступке Каракозова. Весь народ, как один человек, восстал против этого злодеяния, оскорбившего его чувства лояльности и благодарности к великодушному монарху, только что облагодетельствовавшему его. Следствие было передано в руки графа Муравьева⁶⁰⁶, и он уже держал почти все нити заговора, когда внезапно было дано повеление прекратить следствие и произвести суд над Каракозовым: таким образом, участники заговора остались на свободе и могли продолжать свою пропаганду, и общие меры строгости, принятые затем, падали на неповинную часть общества и тормозили ход реформ, что в свою очередь увеличивало число недовольных и делало их доступными пропаганде. Из этого следует, что ответ-

⁶⁰³ «Собственность – это кража» (*фр.*).

⁶⁰⁴ Первое издание книги было напечатано под вымышленным именем: *Voyage et aventures de Lord William Carisdall en Icarie. Traduit de l'angloise de Francis Adams par Th. Dufruit*. [Путешествие и приключения лорда Уильяма Кэрисдэлла в Икарию. Пер. с английского [сочинения] Фрэнсиса Адама выполнен Ф. Дюфруи.] Р., 1840. V. 1—2. В «Путешествии в Икарию» Кабе описывает государство, где пытаются воплотить в жизнь коммунистические идеалы: общность имущества, равенство людей, обязательный труд и т.д.

⁶⁰⁵ Юрская федерации в Швейцарии и Бельгийская федерация – рабочие союзы анархической направленности, возникшие в Европе в конце 1860-х гг. и просуществовавшие до начала 1880-х гг.

⁶⁰⁶ М.Н. Муравьев был председателем Верховной следственной комиссии по делу Д.В. Каракозова.

ственность за тяжелое пережитое и переживаемое нами время падает на обе крайние партии, левую сначала, потом и правую. Несоответствие новых реформ с оставшимся ветхим государственным строем породило трения в отправлении обязанности каждой из сторон, воспитывая дух отрицательного протеста в земстве, равно как и в среде другого свободного учреждения – юстиции. Оттуда и справедливые подчас нарекания консервативной партии, отсюда и естественное недовольство у общества против мер, направленных на сокращение и урезание деятельности только что дарованных свобод. Принципиально, дарованные реформы встречали на своем пути преграды, происходившие от обостренных отношений двух противоположных течений. Нигилисты пользовались этим положением, чтобы распространять мысль, что народ обманут, что им не та дана воля, которая им принадлежит по праву, что остается им получить полную волю, и создавалось противоправительственное общество под лозунгом «Земля и воля»⁶⁰⁷, органом которой был журнал «Вперед», издаваемый за границей Лавровым⁶⁰⁸. В это критическое время у правительства не хватило мужества, чтобы идти прямо без колебаний по пути, избранному в великий день 19 февраля. Бюрократия одна не была в состоянии совладеть со сложной задачей подавления мятежного духа и одновременно заботой о преуспевании страны. Необходимо было привлечь на свою сторону всю здоровую, несоразмерно более многочисленную часть общества и, дав им некоторые политические права, приобщить их к интересам родины. Дворянские и земские собрания были уже готовые ячейки, из которых могли бы развиваться естественным ростом правовые учреждения. Лучшие люди России, и ими можно было гордиться тогда, явились бы на зов своего Государя, и провинция не оскудела бы талантами и деньгами, как то оказалось через несколько лет, когда все культурные силы, видя бесплодность работы на месте, обратились в центростремительном движении к Петербургу, увеличивая собой безмерное число чиновников и уступая места в земстве деятелям низшей пробы. Там же, где земство руководилось идеей и старалось быть самостоятельным, оно всюду было оппозиционно и входило в неизбежные конфликты с органами правительства. Всего этого в ту пору мы ясно не сознавали, злые подземные течения уже начали свою разрушительную przygotowательную работу, но она еще не ощущалась на поверхности земли, на которой жизнь наша текла по-прежнему.

Летом 1867 года всемирная выставка в Париже привлекла в эту блестящую столицу почти всех венценосцев Европы. Это была минута апогея славы Наполеона, достигшей огромной высоты после окончания войны, в которой Франция не принимала участия, но одержала, тем не менее, нравственную победу, получив возможность подарить Италии Венецию. Наш Государь также отправился на это торжество с двумя своими сыновьями: Цесаревичем и Владимиром Александровичем, причем наследник выехал из Дании, где он был со своей супругой. Моя мать и сестра были там же с их высочествами. Польское восстание оставило свои следы в умах французов как либерального, так и клерикального лагеря, что не замедлило и проявиться. Известна дерзость адвоката Floquet, который громко произнес при входе Государя в Palais de Justice⁶⁰⁹: «Vive la Pologne, Monsieur!»⁶¹⁰, а через несколько дней по окончании великолепного

⁶⁰⁷ «Земля и воля» – тайное революционное общество, существовавшее в 1861—1864 гг. В 1876 г. было восстановлено как народническая организация, просуществовало по 1879 г. Основными требованиями его были передача всей земли крестьянам, общинное самоуправление, свобода совести и предоставление нациям права на самоопределение.

⁶⁰⁸ П.Л. Лавров входил во вторую «Землю и волю». В 1873—1875 гг. он издавал в Цюрихе журнал «Вперед», а в 1875—1877 гг. – одноименную двухнедельную газету.

⁶⁰⁹ Дворец правосудия (*фр.*).

⁶¹⁰ «Да здравствует Польша, сударь!» (*фр.*). Обращение к императору «Monsieur» вместо «Empereur» со стороны человека низшего положения считалось оскорбительным. Об этом эпизоде вспоминал П.А. Боборыкин: «Тогдашние радикалы и даже либералы – бонапартисты Парижа недолюбливали русских и русское правительство. Это осталось еще после Крымской кампании, а Польское восстание и муравьевские репрессии усиливали эти неприязненные настроения. Гораздо больше оживленных толков вызвала у нас сцена в Palais de justice, где молодой адвокат Флоке (впоследствии министр) перед группой своих товарищей выдвинулся вперед и громко воскликнул, обращаясь к русскому Царю: “Vive la Pologne, Monsieur!” Эта маленькая фраза содержала в себе два главных мотива настроений тогдашней радикальной молодежи: демократизм в республиканском

парада в Longchamp⁶¹¹ совершенно было покушение Березовского⁶¹², и затем, во время суда над ним, речи защитника⁶¹³ были настоящим обвинительным актом против России. Это лето 1867 года мы провели в тверском нашем имении Волосове или Степановском, как его называли в начале XIX столетия в память владевшего им и умершего в 1805 году князя Степана Борисовича Куракина, но в народе оно по сие время известно по древнему своему прозванию. Мой отец, занимавшийся своим саратовским имением Надеждином⁶¹⁴, передал в то время управление Степановским моему брату, который был там хозяином, сам же он приехал к нам только осенью. С нами был, кроме того, молодой доктор, которого мы пригласили к нашему маленькому, так как медицинская помощь в те дни была еще скуднее в провинции, чем теперь, при наличности земских врачей. Он был из новых людей и шокировал нас постоянно, особенно меня и брата, своими манерами и суждениями; мы часто виделись с соседями, чаще всего с Мещерскими, в среде которых было много молодежи, ездили верхом, катались на лодке — одним словом, предавались обычным деревенским развлечениям. Моя внутренняя жизнь дремала, и я не хотела будить ее. Напротив, я честно, последовательно закрывала все входы моим прежним мечтам. Я не хотела волноваться общественными вопросами, ни упражнять пылкости моего ума в разрешении абстрактных тезисов, ни восторгаться идеалами, ни даже издали прикасаться к упоительной чаше поэзии и хотела забыть, что для меня когда-либо существовала «...la splendide tristesse d'une âme avide d'infini»⁶¹⁵ (как я написала в одном из моих стихотворений). Я хотела жить действительно, и этой действительностью я нашла то, что наполнило мою душу и заменило все остальное — это было мое дитя. Возможно ли, чтобы такое маленькое существо имело столько значения, чтобы одно его присутствие могло пролить в душу такой обильный свет радости? Я видела в нем цель моей жизни, предмет, на который я могла излить все, чем перестрадало мое бедное сердце, применить широко на деле через него весь накопившийся жизненный опыт и постигнутые истины, и чувствовала с ним таинственную связь, как будто бы он был частицей моей души, по естеству составляя часть моего тела. Мой доктор Этлингер сказал мне раз: «Vous verrez ce sera un idéaliste et un poète»⁶¹⁶, и мне нравилось такое предсказание, которое я повторяла, глядя на большие умные глаза, слишком умные для такого маленького ребенка. Я сознавала, что для женщины все сосредотачивается в материнстве:

Que c'est la seule joie ici-bas qui persiste
De tout ce qu'on rêva!⁶¹⁷ —

и сердце мое было благодарно и покойно.

Этой зимой я очень часто видела великую княгиню Александру Петровну. Однажды в разговоре она спросила меня, продолжаю ли я писать стихи, прибавив, что она так много слы-

духе (Monsieur!) и сочувствие раздавленной Польше» (*Боборыкин П.Д.* Воспоминания. М., 1965. Т. 1. С. 444—445).

⁶¹¹ Лоншан — заброшенный женский монастырь около Парижа, на территории которого городские власти Парижа в 1861 г. устроили ипподром, где проходили парады.

⁶¹² А.И. Березовский 25 мая (6 июня) 1867 г. стрелял в Париже в Александра II.

⁶¹³ Имеется в виду Ф.-В.-Э. Араго. Он был адвокатом Березовского на процессе; указывая на политический характер покушения, сумел добиться от присяжных не смертного приговора, а каторги.

⁶¹⁴ Надеждино (ныне Куракино, другие названия: Борисоглебское, Сердоба) Сердобского уезда Саратовской губернии (ныне на территории Пензенской области) с начала XVIII в. принадлежало свояку Петра I князю Б.И. Куракину. В 1792—1795 гг. князь А.Б. Куракин, друг детства императора Павла I, построил здесь дворцовый ансамбль с регулярным английским парком. При его потомках усадьба пришла в упадок.

⁶¹⁵ «...прекрасная печаль души, алчущей бесконечности» (*фр.*).

⁶¹⁶ «Вы увидите, он будет идеалистом и поэтом» (*фр.*).

⁶¹⁷ Что в должном мире это единственная радость, которая остается из всего, о чем мечталось! (*фр.*). Цитируется заключительная строфа стихотворения В. Гюго «Вилькье».

шала о них. Я отвечала: «Non, Madame, j'ai trouvé la poésie de la réalité et je m'y tiens»⁶¹⁸. И мой ответ был вполне искренним.

22 ноября этого года состоялась помолвка Евгении Максимилиановны с принцем Александром Петровичем Ольденбургским. Великая княгиня Мария Николаевна была в Quarto, близ Флоренции, а принцесса проживала временно у своего дяди, великого князя Николая Николаевича. Извещенная об этом счастливом событии, я поспешила поехать во дворец, где должен был быть молебен. Моя карета следовала непосредственно за экипажем Татьяны Борисовны Потемкиной, и я думала присоединиться к ней в прихожей и подняться вместе по длинной мраморной лестнице, ведущей прямо в церковь на верхний этаж дворца. К удивлению моему, ее там не было, и, не зная, что существует подъемная машина (тогда еще редкость в Петербурге), я подумала, что карета приехала пустая за ней. По окончании молебна разнесся слух, что лифт оборвался, и на меня посыпались вопросы о Татьяне Борисовне.

В сильнейшем беспокойстве я спустилась вниз и тут была поражена известием, что машина, в которой сидела Татьяна Борисовна, оборвалась почти с самой высоты и грохнулась о каменный пол с такой силой, что пол треснул. Крыша, канаты, крюки – все попадало и наполнило собой внутренность лифта. В первую минуту догадались о присутствии в лифте Татьяны Борисовны лишь по горностаевой ее мантилье, выглядывавшей из-под обломков. Все это произошло быстро в то время, пока я взбиралась по лестнице. Когда я вошла к Татьяне Борисовне, то увидела ее, лежавшую в одной из нижних комнат, окруженную докторами и приближенными ее, которым поспешили дать знать. Кости не были переломаны, но на всем теле были ушибы и контузии, и главную и серьезную опасность, при слабости ее сердца, представляло общее сотрясение. Она должна была оставаться около двух месяцев во дворце, прежде чем оказалось возможным перевезти ее в собственный дом. Мы ездили каждый день к нашей милой и любимой тете и дежурили у нее, чтобы принимать и давать сведения всем многочисленным посетителям, приезжавшим справляться о ее здоровье. К весне она более или менее оправилась и даже уехала на лето в свое любимое имение Святые Горы, совершив это путешествие с крайним утомлением. В последний раз пришлось ей видеть это имение с восстановленным ею монастырем. Ужасное падение не убило ее разом, но сократило ее жизнь и отняло силы. Она принуждена была отказаться от своей обширной благотворительной деятельности, и весной 1869 года мы с горем оплакивали ее кончину.

Зима прошла мирно и спокойно. Я не выезжала в свет, так как ожидала к весне рождения нового младенца и была поглощена моим настоящим ребенком и мыслью о будущем. К последнему чувству примешивался страх за себя, навеянный осложнениями моих первых родов, и идея смерти представлялась мне как близкая возможность. Поэтому, продолжая заниматься живописью с великой княгиней Екатериной Михайловной (но теперь уже в Эрмитаже, где у нас была отдельная мастерская), я торопилась окончить копию с картины Sirani, с которой я составляла образ для моего милого рождественского ребенка в натуральную его при рождении величину. Оригинал изображал Христа-младенца как победителя смерти с крестом около него и черепом смерти под ногами⁶¹⁹. Желая выразить мысль «Слава в вышних Богу и на земле мир»⁶²⁰, как более подходящую к настоящему случаю, я заменила крест оливковыми ветвями и под ногами, вместо черепа, написала земной шар в облаках и сделала золотой фон, чтобы придать картине характер образа. Я хотела оставить ему этот памятник обо мне в случае моей смерти, но, увы, не ему суждено было пережить меня.

⁶¹⁸ «Нет, мадам, я нашла поэзию в реальной жизни и дорожу этим» (*фр.*).

⁶¹⁹ Здесь речь идет о картине Э. Сирани «Младенец Иисус», хранящейся в Эрмитаже.

⁶²⁰ Лк 2: 14.

Образ этот я подарила церкви, устроенной мной в Убежище тюремного комитета⁶²¹ и освященной в 1888 году, 26 декабря в день храмового праздника и, вместе с тем, в память дня его рождения.

Этой же зимой началось сближение мое с княгиней Елизаветой Григорьевной Волконской, с которой я впервые познакомилась в Риме еще до ее замужества. Дружба с ней заняла впоследствии огромное место в моей жизни, составляя одну из моих сердечных радостей и умственных опор. Я всегда преклонялась пред ее выдающимся умом, богатейшей культурой, удивительными способностями ко всему и живым красноречием, в которое она умела облекать свои высокие мысли. Но, почувствовав, сверх того, в отношении себя всю горячность ее пламенной души, я с восхищением откликнулась на ее призыв, и до конца ее жизни в 1897 году мы оставались связанными самыми искренними узами дружбы, полными взаимного доверия и понимания.

В конце апреля Государыня Цесаревна, графиня Воронцова⁶²² и я ожидали почти одновременно рождения своих детей. Мы с мужем заранее назначили ожидаемому нами пришельцу имя Кирилла или Наталии. 27 апреля, чувствуя приближение его появления на свет, я просила мужа справиться в святцах, будет ли на другой день память Святого или Святой, загадывая по сему, какого пола он окажется. Справившись, муж мой ответил: «Завтра празднуется Св. Кирилл». Я уже не сомневалась, что у меня появится маленький Кирилл, который не обманул моего ожидания. На другой день, 29-го, родился Ваня Воронцов, через восемь дней Цесаревна разрешилась также сыном, ныне царствующим Государем Николаем II. Эти три жизни, начатые вместе, не расходились и с течением времени. Из них молодой Воронцов уже оставил жизненную арену, оплакиваемый своими родителями и молодой вдовой⁶²³. Мой сын стоит близко к своему Государю в качестве флигель-адъютанта и до своей смерти останется верным и преданным его слугой посреди бурь и крушений, возможных в наше тревожное время⁶²⁴. Нельзя предрешать будущего, мне оно представляется грозным. Что бы ни случилось, нам начертан один принцип: «Fais ce que dois, advienne que pourra»⁶²⁵. На крестинах маленького Кирилла восприимчиками были моя мать и мой брат. В этот день Татьяна Борисовна, пользуясь тем, что все обитатели ее дома и муж ее были у меня, приняла таинство елеосвящения. При падении своем она была на пороге смерти, и, чувствуя приближение ее, она пожелала совершить это последнее приготовление к вечности, будучи в полном обладании своих нравственных сил. Все ближние ее, в горячей любви к ней, старались уверить себя и ее, что потрясение, пережитое ею, прошло бесследно, но она лучше знала и, не желая их опечаливать, исполнила свое намерение в их отсутствии.

Перехожу теперь к самому тяжелому периоду моей жизни. В двух очерках, написанных мной на французском языке под заглавием: «Une crise» и «A vol d'oiseau»⁶²⁶, я рассказала о нем подробно, здесь я коснусь его поверхностно, насколько необходимо для непрерывности моих воспоминаний. С тревогой я замечала, что мой маленький Борис худеет и бледнеет. Его бархатные черные глаза казались больше и задумчивее, наступившая очень ранняя зима вызывала во мне желание поскорее уехать из Петербурга, чтобы предоставить ему возможность пользоваться чистым деревенским воздухом. Не ожидая своего полного выздоровления, мы поспешили принять предложение Татьяны Борисовны провести лето в ее имении Гостилицах. Сама

⁶²¹ Речь идет об Убежище для женщин, выходящих из мест заключения, имени принцессы Е.М. Ольденбургской (на Глинской улице, 1, близ Казачьего плаца), где была устроена церковь во имя собора Пресвятой Богородицы.

⁶²² Имеется в виду Е.А. Воронцова-Дашкова.

⁶²³ Имеется в виду В.Д. Воронцова-Дашкова.

⁶²⁴ К.А. Нарышкин покинул Николая II сразу по возвращении его в Петербург после отречения.

⁶²⁵ «Делай, что должно, и будь, что будет» (фр.).

⁶²⁶ «Кризис» и «С птичьего полета» (фр.). Эти очерки нами не обнаружены.

же она, как сказано выше, уехала в Святые Горы, но в Гостилицах оставалось еще большое общество их родных с Александром Михайловичем⁶²⁷

⁶²⁷ А.М. Потемкин – муж Т.Б. Потемкиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.